

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 33

Chisinau

March - 2016

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized „Law and Politology” as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal „Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

THE INSTITUTE OF LEGISLATIVE CREATION AND COMPARATIVE LAW MOLDOVA

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - doctor of Legal Sciences - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - doctor of Legal Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - PhD, doctor of Law, ass. Professor (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

Technical editor - Eugenia Tofan

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по науке и технологическому развитию Академии наук Молдовы и Национального Совета по аккредитации и аттестации журнал «Право и политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

ИНСТИТУТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА (МОЛДОВА)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор юридических наук - сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор юридических наук (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, профессор (Республика Молдова)
Назим Иманов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Технический редактор - Еужения Тофан

Журнал выходит с 2007 года
Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/FAX: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Valeriu CUSNIR

PENAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST THE PROPERTY ACCORDING THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA.....6

Vitalie GAMURARI

THE ROLE AND THE IMPORTANCE OF THE DISCIPLINE „INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW” FOR THE LAW FACULTIES IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL OBLIGATIONS OF THE STATES FOLLOWING (the example of the Republic of Moldova).....16

Elnur MIRZALIYEV

THE HISTORY OF INTERNATIONAL TAX LAW, ITS ESSENCE AND PLACE IN THE LEGAL SYSTEM.....22

Ruslan MAMMADLI

INTERNATIONAL LEGAL NORMS OF UNIVERSAL AND REGIONAL CHARACTER, REGULATING THE BANKING ACTIVITIES.....27

Shargia KHALILOVA

THE COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE RIGHT TO LEGAL ASSISTANCE AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES.....35

Alexei GUTU

THE CONCEPT AND ESSENCE OF LEGAL LIABILITY39

POLITICAL SCIENCES

Victor MORARU, Liliana RUSU

FORMS OF NEW MEDIA APPLIED IN GOVERNMENT COMMUNICATION PROCESS OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA42

Leonid DJAHAIA

THE PARADOX OF HISTORY IN THE XX-th CENTURY49

Rafik SULAIMAN

A WAY TO FEDERALISM: THE RELEVANT ASIAN EXPERIENCE53

Eugenia TOFAN

UNIVERSALITY OF THE VOTE – EXPRESSION OF POLITICAL DISCRETION IN THE EXERCISE OF SOVEREIGNTY.....57

Aziz AGAYEV

MULTICULTURAL SOCIETY AND INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MODERN AZERBAIDJAN62

Garib ASKEROV

CURRENT THREATS OF AZERBAIJAN BORDER SECURITY 66

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Валерий КУШНИР

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА 6

Виталие ГАМУРАРЬ

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧИМОСТИ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО» ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВ (на примере Республики Молдова) 16

Эльнур МИРЗАЛИЕВ

ИСТОРИЯ ФОМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА, ЕГО СУЩНОСТЬ
И МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА 22

Руслан МАМЕДЛИ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ УНИВЕРСАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА,
РЕГУЛИРУЮЩИЕ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 27

Шаргия ХАЛИЛОВА

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ И ЗАЩИТЫ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ 35

Алексей ГУЦУ

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 39

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Виктор МОРАРУ, Лилиана РУСУ

ФОРМЫ NEW MEDIA, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА 42

Леонид ДЖАХАЯ

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ В XX СТОЛЕТИИ 49

Рафик СУЛАЙМАН

ПУТЬ К ФЕДЕРАЛИЗМУ: РЕЛЕВАНТНЫЙ АЗИАТСКИЙ ОПЫТ 53

Евгения ТОФАН

ВСЕОБЩНОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА – ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛИ ВЫБОРА
В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА 57

Азиза АГАЕВА

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ 62

Гариб АСКЕРОВ

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА 66

Валерий КУШНИР,

доктор юридических наук, профессор,
Институт юридических и политических исследований
Академии наук Молдовы

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

Конституция Республики Молдова гарантирует защиту всех форм собственности. Так, в соответствии с частью (1) ст. 46 Конституции Республики Молдова, право частной собственности, а также долговые обязательства, взятые на себя государством, гарантируются. Право собственности защищается также ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 04.11.1950 года, которую Республика Молдова ратифицировала в сентябре 1997 года.

Безусловно, право собственности как одна из основ конституционного строя Республики Молдова представляет собой основополагающий институт национальной правовой системы. Юридическое содержание правоотношений собственности раскрывается через совокупность субъективных исключительных правомочий собственника, то есть с помощью традиционной для права «триады»: *владения, пользования и распоряжения*. Право владения – это «предоставленная законом возможность фактического обладания вещью и удержание ее во владении собственника» [1]. Право пользования – это «основанная на законе возможность эксплуатировать полезные свойства вещи и получать доход». Право распоряжения вещью – это «предоставленная собственнику вещи законом возможность путем совершения действий юридически определять судьбу вещи по своему усмотрению (продать, заложить, сдать в аренду, включая право на ее уничтожение)».

Законодательство Республики Молдова, раскрывая понятие собственности, определяет его как совокупность прав владения, пользования и распоряжения. В частности, Гражданский кодекс гласит, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом права и интересы других лиц. Так, согласно части (1) ст. 315 Гражданского кодекса (ГК) РМ № 1107-XV от 06.06.2002 года, собственни-

ку принадлежит право отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, право владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться иным образом [2].

В целом следует согласиться в том, что право собственности, т.е. закреплённое законом определённое состояние принадлежности материальных благ, охраняется нормами едва ли не всех отраслей права: административного, наказывающего мелкие проступки такого рода; трудового, регулирующего, например, материальную ответственность работников за причинённый ими работодателю имущественный ущерб; земельного, семейного и др. Но центральное место при этом занимает, безусловно, уголовное право, устанавливающее ответственность за преступное посягательство на имущество государства, юридических лиц и граждан. Борьба с наиболее общественно опасными посягательствами на собственность осуществляется на основе применения норм уголовного права [3].

Преступления против собственности являлись и являются самыми распространёнными уголовно наказуемыми деяниями. По этой причине, как данные преступления, так и нормы, предусматривающие ответственность за их совершение, представляют научный интерес.

Преступления против собственности – это «общественно опасные деяния, предусмотренные нормами, объединёнными в гл. VI Особенной части УК РМ «Преступления против собственности» (статьи 186-199 УК РМ, принятого законом РМ № 985-XV от 18.04.2002 года).

На право собственности, по нашему мнению, посягают не только вышеперечисленные преступления, но и преступления, предусмотренные ст. 185¹ – Нарушение авторского права и смежных прав; ст. 185² – Нарушение прав на объекты промышленной собственности; ст. 268 – Умышленное повреждение или раз-

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

рушение путей сообщения и транспортных средств; ст. 379 – Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества; ст. 380 – Уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности; ст. 381 – промокание или утрата военного имущества Уголовного кодекса Республики Молдова.

Объект всех таких преступлений – собственность, причём независимо от её формы и владельца. Под непосредственным объектом преступлений следует понимать отдельные виды собственности. *Предметом преступлений против собственности* является чаще всего движимое имущество (вещи, валюта, ценные бумаги, другие материальные ценности), но таковым вполне может быть и недвижимое имущество. В отдельных преступлениях такого рода предметом преступления является право на имущество [4].

Признание предметом хищения как движимого, так и недвижимого имущества, безусловно, справедливо. Это соответствует нормам ГК РМ, определяющим перечень недвижимого имущества, а также соответствует потребностям практического применения уголовного закона. Ведь большинство предметов, относящихся к недвижимому имуществу, возможно переместить в пространстве (в том числе и здания путем их разборки), что позволяет усматривать в подобных действиях при определенных обстоятельствах признаки явления, определяемого УК РМ как хищение [5].

Под преступлениями против собственности следует понимать предусмотренные Уголовным кодексом умышленные или неосторожные деяния, соединенные с нарушением права владения, пользования или распоряжения, или с иными способами причинения собственнику имущественного ущерба, или с созданием угрозы причинения такого ущерба.

Посягательства на имущество собственника могут быть совершены как умышленно (кража, грабёж, разбой, мошенничество и др.), так и по неосторожности (уничтожение или повреждение имущества). В любом случае в результате совершения преступления собственник лишается возможности владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом в соответствии с его целевым назначением. В ряде случаев это ставит собственника в опасность лишиться возможности распоряжаться своим имуществом (например, при шантаже), либо лишает возможности получить какое-либо имущество, что имеет место при причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, хищением или незаконным использованием электрической или тепловой энергии или газа.

Таким образом, посягательство на имущество собственника – это умышленное или неосторожное деяние, в результате совершения которого собственник лишается возможности использовать принадле-

жащее ему имущество в соответствии с его целевым назначением или ставит его в опасность лишиться такой возможности [6].

Родовым объектом преступлений против собственности являются общественные отношения собственности [7], включающие право собственника по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом, а также право лица, хотя и не являющегося собственником, но владеющего имуществом на правах хозяйственного ведения (продавец, арендатор), оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или иным правовым актом.

В собственности могут находиться предприятия, имущественные комплексы, земельные участки, карьеры, здания, сооружения, оборудование, сырьё и материалы, деньги, ценные бумаги и другое имущество производственного, потребительского, социального, культурного или иного назначения.

Вещи, являющиеся предметом преступлений против собственности, должны отвечать ряду требований: во-первых, должны быть созданы трудом человека, иметь экономическую ценность и удовлетворять человеческие потребности (материальные, духовные, эстетические и др.). Во-вторых, определяться числом, весом, мерой или обладать индивидуальными признаками, например, являться предметами, имеющими особую ценность либо специальное назначение.

Предметом посягательства на собственность обычно является движимое имущество (предметы обихода и личного потребления, транспортные средства, акции, приватизационные сертификаты, иностранная валюта и др.) Однако при совершении мошенничества, шантажа, уничтожении или повреждении имущества предметом посягательства может быть и недвижимое (здания, сооружения, многолетние насаждения).

Ответственность за преступления против собственности возможна лишь при условии, что предмет посягательства не принадлежит виновному, является для него чужим.

Предметом преступлений против собственности не могут быть радиоактивные материалы, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические и психотропные средства [8]. Хищение этих предметов по соображениям общественной безопасности и охраны здоровья населения отнесено к иным главам УК РМ.

Не являются предметом преступлений против собственности и документы, печати, штампы, бланки, не обладающие экономической ценностью (паспорт, удостоверение личности, диплом об образовании, зачетная книжка, студенческий билет, трудовая книжка и др.). Их похищение, изъятие, уничтожение или повреждение отнесено законодатель-

Валерий КУШНИР

ством к преступлениям против публичной власти и безопасности государства.

Предметы преступлений против собственности могут быть как одушевлёнными, так и неодушевлёнными, они могут находиться в любом физическом состоянии, иметь любой вид, форму. Одни предметы имеют самостоятельное значение, другие являются лишь составной частью основного имущества; в одних случаях предметы обладают индивидуально-определёнными признаками, в других – наделены родовыми свойствами [9].

Объективная сторона преступлений против собственности характеризуется в основном активными действиями (кража, разбой, шантаж и т.п.) и лишь немногие из этих преступлений совершаются путем бездействия. Все они являются материальными составами и предусматривают наступление преступных последствий в виде материального ущерба.

Субъективная сторона абсолютного большинства преступлений против собственности характеризуется умышленной виной и прямым умыслом.

Обязательные признаки большинства преступлений против собственности – корыстный мотив и цель извлечения незаконной наживы (материальной выгоды).

Субъектом большинства преступлений против собственности может быть физическое лицо в возрасте от 14 до 16 лет, которое подлежит уголовной ответственности при совершении преступлений, предусмотренных статьями 186 – 188; частями (2)–(6) статьи 189; частями (2)–(5) статьи 190; частями (2) – (4) статьи 192; частями (2) и (3) статьи 192¹; частью (4) статьи 196; частью (2) статьи 197; а за остальные преступления против собственности – с 16 летнего возраста.

Преступления против собственности – это совокупность так называемых общеуголовных корыстных преступлений, то есть тех деяний, которые заключаются в прямом незаконном завладении чужим имуществом [10].

Преступления против собственности имеют следующие существенные признаки.

Во-первых – это посягательство на чужое имущество. Рассматриваемые преступления посягают в основном на вещи, включая деньги и ценные бумаги, и иное имущество. Чужим для преступника может быть имущество как физических, так и юридических лиц; собственником имущества может быть государство, организация, объединение; не имеет значения, владеет ли лицо этим имуществом, или пользуется им, или только распоряжается.

Во-вторых, корыстная цель – противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или в пользу другого

лица. Здесь налицо мотивация наживы, обогащения, получения материальной выгоды.

Необходимо отметить, что преступления против собственности составляют большинство в общей численности совершенных преступлений. Так, в 2007 г. из 23620 зарегистрированных в Республики Молдова преступлений 12378, или 52,4%, составляли преступления против собственности; в 2008 г. из 23817 зарегистрированных преступлений 12169, или 51,09%, являлись преступлениями против собственности; в 2009 г. из 24826 зарегистрированных преступлений 11958, или 48,16%, составляли преступления против собственности; в 2010 г. из 32001 зарегистрированных преступлений 17544, или 54,82%, являлись преступлениями против собственности; в 2011 г. из 33621 зарегистрированных преступлений 18671, или 55,53%, составляли преступления против собственности; в 2012 г. из 34956 зарегистрированных преступлений 18004, или 51,5%, являлись преступлениями против собственности; в 2013 г. из 36154 зарегистрированных преступлений 19607, или 54,23%, это преступления против собственности; в 2014 г. из 39562 зарегистрированных преступлений 20988, или 53,05%, это преступления против собственности; в 2015 г. из 37846 зарегистрированных преступлений 19779, или 52,26%, это преступления против собственности [11].

Анализ совершенных в Республике Молдова преступлений показывает, что самым распространенным преступлением, не только в общеуголовной корыстной преступности, но и в общем массиве преступлений, являются кражи. В структуре этого вида преступлений количественно преобладают кражи имущества граждан. Однако общественная опасность посягательства на имущество предприятий, организаций и учреждений от этого не уменьшается. Кражи в значительных размерах материальных ценностей с предприятий, потребительских товаров со складов, грузов на транспорте, сырья, различной бытовой техники, произведений искусства из музеев, икон из церквей, других ценностей наносят ощутимый ущерб собственникам, будь то государственное учреждение, частная организация, предпринимательские структуры, подрывая их экономику [12]. Кроме того, следует иметь в виду, что такие кражи, особенно с охраняемых объектов, осуществляются после тщательной их подготовки, разведки, обеспечения каналов сбыта, нередко внедрения преступным миром своих людей в эти структуры, что под силу только организованной преступности.

Согласно части (1) ст. 186 УК РМ, кража, то есть тайное хищение имущества другого лица, наказывается штрафом в размере до 300 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 120 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 2 лет.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Предметом кражи является чужое имущество, т.е. имущество другого физического или юридического лица или государства.

Законодательное определение понятия «имущество» дано в ст. 284 Гражданского кодекса РМ № 1107-XV от 06.06.2002 года [13].

Согласно части (1) ст. 284 ГК РМ, имуществом признается совокупность принадлежащих определенным физическим и юридическим лицам имущественных прав и обязанностей (подлежащих оценке в денежном выражении), рассматриваемых как сумма активных и пассивных ценностей, тесно связанных между собой.

Согласно части (2) ст. 284 ГК РМ, все вещи физического или юридического лица входят в состав его имущества.

Согласно части (1) ст. 285 ГК РМ, вещами признаются все предметы, которые могут быть индивидуальной или коллективной принадлежностью, и имущественные права.

Согласно части (2) ст. 285 ГК РМ, предметами признаются материальные объекты, в отношении которых могут существовать гражданские права и обязанности.

Объективная сторона кражи характеризуется действием, которое состоит в тайном похищении чужого имущества. Под похищением применительно к краже понимается тайное, ненасильственное изъятие чужого имущества. Вопрос о тайности хищения должен разрешаться на основании субъективного критерия, то есть из восприятия ситуации хищения самим похитителем.

Хищение имущества считается тайным, если оно совершено в отсутствие потерпевшего или посторонних лиц, либо и в присутствии, но незаметно для них. Если происходит похищение, но виновный, исходя из окружающей обстановки, считал, что действует тайно, то содеянное должно квалифицироваться как кража.

Устанавливая ответственность за хищение имущества собственника, законодатель Республики Молдова достаточно четко обозначил размер похищенного как критерий разграничения уголовной ответственности от административной ответственности. Таким образом, следует учесть, что мелкое хищение имущества собственника путем кражи, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением или мошенничества влечет административную, а не уголовную ответственность. В соответствии со ст. 105 КоП РМ, мелкое хищение имущества собственника путем кражи, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением или мошенничества влечет наложение штрафа в размере до 50 до 100 условных единиц, либо назначение наказания в виде неоплачиваемого труда в

пользу общества на срок от 40 до 60 часов, или ареста за правонарушение на срок до 15 дней.

Согласно ст. 18 КоП РМ, под малыми размерами понимается стоимость похищенных, добытых, полученных, изготовленных, уничтоженных, использованных, перевезенных, находящихся на хранении, реализованных, перемещенных через таможенную границу ценностей или стоимость причиненного ущерба, не превышающая на момент совершения правонарушения 25 условных единиц.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 186 УК РМ – кража, является физическое лицо, достигшее возраста 14 лет (часть (2) ст. 21 УК РМ).

Вина в форме умысла.

С объективной стороны кража выражается в тайном изъятии чужого имущества.

Согласно части (2) ст. 186 УК РМ, кража, совершенная:

- b) двумя или более лицами;
- c) путем проникновения в помещение, иное жилище или жилище;
- d) с причинением ущерба в значительных размерах,

наказывается штрафом в размере от 300 до 1000 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 4 лет.

Уголовная ответственность наступает, если стоимость похищенного превышает размер, установленный ст. 18 КоП РМ.

Легальное определение понятия «ущерб в значительных размерах» дано в части (2) ст. 126 УК РМ, согласно которой значительный или существенный характер причиненного ущерба устанавливается с учетом стоимости, количества и значимости материальных ценностей для жертвы, ее материального положения и доходов, наличия лиц, находящихся на ее содержании, других обстоятельств, существенно влияющих на материальное положение жертвы, а в случае нарушения прав и интересов, охраняемых законом, – степени нарушения основных прав и свобод человека.

Согласно части (3) ст. 186 УК РМ, кража, совершенная:

- a) в период бедствия;
 - b) организованной преступной группой или преступной организацией,
- наказывается лишением свободы на срок от 2 до 6 лет без наложения штрафа или с наложением штрафа в размере от 1000 до 3000 условных единиц.

В соответствии с частью (4) ст. 186 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 186 УК РМ, совершенные в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Легальное определение понятия «ущерб в круп-

Валерий КУШНИР

ном размере» дано в части (1) ст. 126 УК РМ, согласно которой под особо крупным, крупным размером понимается стоимость похищенных, добытых, полученных, изготовленных, уничтоженных, использованных, перевезенных, находящихся на хранении, реализованных, перемещенных через таможенную границу ценностей, стоимость ущерба, причиненного лицом или группой лиц, превышающая на момент совершения преступления, соответственно, 5000 и 2500 условных единиц штрафа.

Согласно части (5) ст. 186 УК РМ, деяния, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 186 УК РМ, совершенные в особо крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 7 до 12 лет.

Понятие «ущерб в особо крупном размере» дано в части (1) ст. 126 УК РМ, согласно которой под особо крупным, крупным размером ущерба понимается стоимость похищенных ... ценностей, стоимость ущерба, причиненного лицом или группой лиц, на момент совершения преступления превышающая 5000 условных единиц. Одна условная единица составляет 20 леев.

Ответственность за *грабеж*, т.е. открытое хищение имущества другого лица, установлена ст. 187 УК РМ.

Субъектом этого преступления является физическое лицо, достигшее возраста 14 лет. При этом уголовная ответственность за грабеж применяется независимо от стоимости похищенного имущества. Даже если стоимость похищенного не превышает размер, установленный ст. 18 КоП РМ, лицо привлекается к уголовной, а не к административной ответственности.

Согласно части (1) ст. 187 УК РМ, грабеж, то есть открытое хищение имущества другого лица, наказывается штрафом в размере от 200 до 500 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов, или лишением свободы на срок от 2 до 5 лет.

Согласно части (2) ст. 187 УК РМ, грабеж, совершенный:

- b) двумя или более лицами;
- c) лицом в маске или переодетым, в том числе в лицо другого пола;
- d) путем проникновения в помещение, иное хранилище или жилище;
- e) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья лица, либо с угрозой применения такого насилия;
- f) с причинением ущерба в значительных размерах, наказывается лишением свободы на срок от 5 до 7 лет без наложения штрафа или с наложением штрафа в размере от 500 до 1000 условных единиц.

Пункт c) части (2) ст. 187 УК РМ содержит не вполне адекватное определение «переодетым, в том

числе в лицо другого пола», обстоятельство, которое может быть истолковано по-разному, а также повлечь неправильную квалификацию и применение уголовно-правовой нормы. Вполне допустимо, что законодатель имел в виду, что грабитель совершил хищение будучи переодетым в одежду лица другого пола (мужчина, переодетый в женскую одежду, женщина – в мужскую).

Понятие ущерба в значительных размерах дано в части (2) ст. 126 УК РМ.

Согласно части (3) ст. 187 УК РМ, грабеж, совершенный:

- a) в период бедствия;
- b) организованной преступной группой или преступной организацией, наказывается лишением свободы на срок от 7 до 10 лет.

Согласно части (4) ст. 187 УК РМ, деяния, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 187 УК РМ, совершенные в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 8 до 12 лет.

Согласно части (5) ст. 187 УК РМ, деяния, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 187 УК РМ, совершенные в особо крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 12 до 15 лет.

Понятие ущерба в особо крупном и крупном размерах дано в части (1) ст. 126 УК РМ.

Особо крупный размер – 5000 условных единиц, крупный размер – 2500 условных единиц.

По нашему мнению, ст. 187 УК РМ устанавливает чрезмерно строгие наказания за грабеж, не связаный с применением насилия.

Например, за деяния, предусмотренные пунктами b), c), d), f) части (2) ст. 187 УК РМ, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 7 лет, хотя данные хищения совершены без применения насилия.

Более тяжкие с точки зрения социальной опасности деяния наказываются менее строго. Например, лишение жизни по неосторожности, согласно части (1) ст. 149 УК РМ, наказывается лишением свободы на срок до 3 лет. Доведение до самоубийства, согласно части (1) ст. 150 УК РМ, наказывается лишением свободы на срок до 4 лет.

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью, согласно части (1) ст. 151 УК РМ, наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Согласно части (1) ст. 188 УК РМ, *разбой*, то есть нападение с целью хищения имущества другого лица, сопряженное с насилием, опасным для жизни или здоровья лица, подвергшегося нападению, либо с угрозой применения такого насилия, наказывается лишением свободы на срок от 5 до 8 лет без наложения штрафа или с наложением штрафа в размере от 600 до 1000 условных единиц.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Согласно части (2) ст. 188 УК РМ, разбой, совершенный:

- b) двумя или более лицами;
 - c) лицом в маске или переодетым, в том числе в лицо другого пола;
 - d) путем проникновения в помещение, иное хранилище или жилище;
 - e) с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия;
 - f) с причинением ущерба в значительных размерах,
- наказывается лишением свободы на срок от 8 до 10 лет.

Согласно части (3) ст. 188 УК РМ, разбой, совершенный:

- a) в период бедствия;
 - b) организованной преступной группой или преступной организацией;
 - c) с причинением тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью;
 - d) с особой жестокостью,
- наказывается лишением свободы на срок от 10 до 12 лет.

Согласно части (4) ст. 188 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 188 УК РМ, совершенные в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 11 до 14 лет.

Согласно части (5) ст. 188 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 188 УК РМ, совершенные в особо крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 12 до 15 лет.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 188 УК РМ, является физическое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Согласно части (1) ст. 189 УК РМ, *шантаж*, то есть требование передачи имущества собственника, владельца или пользователя либо права на него или совершения иных действий имущественного характера под угрозой насилия над лицом или его родными и близкими либо оглашения позорящих их сведений, а равно под угрозой повреждения или уничтожения имущества собственника, владельца или пользователя либо похищения собственника, владельца или пользователя или их родных и близких, наказывается штрафом в размере от 400 до 600 условных единиц или лишением свободы на срок от 3 до 5 лет.

Инкриминируемое действие реализуется одним из способов:

- требованием передачи имущества собственника, владельца или пользователя;
- требованием передачи права на имущество собственника, владельца или пользователя;
- требованием совершения действий имущественного характера.

Согласно части (2) ст. 189 УК РМ, шантаж, совершенный:

- b) двумя или более лицами;
 - c) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья;
 - d) с угрозой убийством;
 - e) с повреждением или уничтожением имущества,
- наказывается лишением свободы на срок от 5 до 7 лет с наложением штрафа в размере от 500 до 1000 условных единиц.

Согласно части (3) ст. 189 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1) или (2):

- a) совершенные организованной преступной группой или преступной организацией;
 - b) совершенные с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия;
 - c) сопряженные с насилием, опасным для жизни или здоровья;
 - d) совершенные с особой жестокостью;
 - e) имеющие следствием получение вымогаемого имущества;
 - f) повлекшие иные тяжкие последствия,
- наказываются лишением свободы на срок от 7 до 10 лет с наложением штрафа в размере от 1500 до 2000 условных единиц.

Согласно части (4) ст. 189 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 189 УК РМ, *сопряженные с похищением собственника, владельца или пользователя, их родных или близких*, наказываются лишением свободы на срок от 10 до 13 лет.

Согласно части (5) ст. 189 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2), (3) или (4) ст. 189 УК РМ, совершенные в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 11 до 13 лет.

Согласно части (6) ст. 189 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2), (3) или (4) ст. 189 УК РМ, совершенные в особо крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 13 до 15 лет.

Субъектом преступления, предусмотренного частью (1) ст. 189 УК РМ, является физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, а субъектами преступлений, предусмотренных частями (2)-(6) ст. 189 УК РМ, – лица, достигшие возраста 14 лет.

Согласно части (1) ст. 190 УК РМ, *мошенничество*, то есть незаконное получение имущества другого лица путем обмана или злоупотребления доверием, наказывается штрафом в размере от 200 до 500 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 120 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 3 лет.

Относительно инкриминируемого действия «мошенничество», то есть незаконное получение имущества другого лица, необходимо подчеркнуть не совсем адекватную формулировку в диспозиции, выражающей смысл мошенничества. Более подходя-

Валерий КУШНИР

щим может быть формулировка: «Мошенничество, то есть хищение имущества другого лица путем обмана или злоупотребления доверием».

Согласно части (2) ст. 190 УК РМ, мошенничество, совершенное:

- b) двумя или более лицами;
- c) с причинением ущерба в значительных размерах;
- d) с использованием служебного положения, наказывается штрафом в размере от 500 до 1000 условных единиц или лишением свободы на срок от 2 до 6 лет с лишением в обоих случаях права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

Согласно части (3) ст. 190 УК РМ, мошенничество, совершенное организованной преступной группой или преступной организацией, наказывается лишением свободы на срок от 4 до 8 лет без наложения штрафа или с наложением штрафа в размере от 1000 до 3000 условных единиц.

Согласно части (4) ст. 190 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 190 УК РМ, совершенные в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 7 до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет.

Мошеннические действия, совершенные в особо крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, в соответствии с частью (5) ст. 190 УК РМ.

Субъектом преступления, предусмотренного частью (1) ст. 190 УК РМ, является физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, субъектами преступлений, предусмотренных частями (2)-(5) ст. 190 УК РМ, – физические лица, достигшие возраста 14 лет.

Согласно части (1) ст. 191 УК РМ, *присвоение чужого имущества*, то есть хищение имущества другого лица, вверенного в управление виновному, наказывается штрафом в размере до 500 условных единиц или лишением свободы на срок до 3 лет с лишением или без лишения в обоих случаях права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

Согласно части (2) ст. 191 УК РМ, присвоение чужого имущества, совершенное:

- b) двумя или более лицами;
- c) с причинением ущерба в значительных размерах;
- d) с использованием служебного положения, наказывается штрафом в размере от 500 до 1000 условных единиц или лишением свободы на срок от 2 до 6 лет с лишением в обоих случаях права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет.

Согласно части (3) ст. 191 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1) или (2) ст. 191 УК РМ, совершенные организованной преступной группой или преступной организацией, наказываются лишением свободы на срок от 4 до 8 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 2 до 5 лет.

Согласно части (4) ст. 191 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 191 УК РМ, совершенные в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 7 до 12 лет.

Согласно части (5) ст. 191 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1), (2) или (3) ст. 191 УК РМ, совершенные в особо крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет.

Согласно части (1) ст. 192 УК РМ, *карманная кража*, то есть действие с целью хищения у другого лица ценностей из карманов, сумок или из других находящихся у лица предметов, наказывается штрафом в размере от 300 до 500 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 2 лет.

Согласно части (2) ст. 192 УК РМ, карманная кража, совершенная:

- b) двумя или более лицами, наказывается лишением свободы на срок до 4 лет с наложением штрафа в размере от 200 до 1000 условных единиц.

Карманная кража в крупных размерах, согласно части (3) ст. 192 УК РМ, наказывается лишением свободы на срок от 4 до 7 лет, а карманная кража в особо крупных размерах наказывается, согласно части (4) ст. 192 УК РМ, лишением свободы на срок от 6 до 10 лет.

Согласно части (1) ст. 192¹ УК РМ, *угон транспортного средства без цели его хищения* наказывается штрафом в размере от 500 до 1000 условных единиц или лишением свободы на срок от 1 года до 3 лет.

Согласно части (2) ст. 192¹ УК РМ, то же действие:

- a) совершенное двумя или более лицами;
- b) сопряженное с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия;
- c) совершенное путем проникновения в гараж, другое помещение или на огражденную или охраняемую территорию, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 5 лет.

Согласно части (3) ст. 192¹ УК РМ, действия, предусмотренные частями (1) или (2) ст. 192¹ УК РМ, сопряженные с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой приме-

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

нения такого насилия, наказываются лишением свободы на срок от 5 до 7 лет.

Согласно ст. 192² УК РМ, *угон транспортного средства с живой тягой, а также тяглого скота без цели хищения*, повлекший:

а) порчу имущества;

б) тяжелое заболевание или гибель угнанного скота, наказываются штрафом в размере от 300 до 700 условных единиц или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов.

Согласно ст. 193 УК РМ, *незаконное полное или частичное завладение чужой недвижимостью*, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения, либо путем уничтожения или перемещения межевых знаков, наказываются штрафом в размере до 1000 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 150 до 240 часов, или лишением свободы на срок от 1 года до 2 лет.

Статья 193 УК РМ, к сожалению, не предусматривает уголовной ответственности за незаконное завладение чужой недвижимостью другими способами.

На практике нередко встречаются случаи, когда один из совместных собственников незаконно завладевает недвижимостью другого собственника способом, не указанным в ст. 193 УК РМ, и тот вынужден длительное время бороться за восстановление своих прав в порядке, установленном ГК РМ. Полагаем, что ст. 193 УК РМ следует изменить, установив уголовную ответственность за завладение чужой недвижимостью любым способом.

Согласно части (1) ст. 194 УК РМ, *хищение электрической и тепловой энергии или газа или их незаконное использование* помимо созданных в установленном порядке систем учета либо через такие системы, поврежденные потребителем, причинившее ущерб в крупных размерах, наказываются штрафом в размере от 500 до 1500 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов.

Правоприменительная практика в уголовной сфере предполагает корректность формулировок, или электрическая и тепловая энергия не обладает признаками, присущими предмету хищения. Объект хищения – общественные отношения по поводу собственности, а преступное действие по изъятию означает выход похищенного имущества из владения потерпевшего и его обращение во владение виновного. Электрическая и тепловая энергия не могут находиться в чьем-либо владении, ибо выработка энергии предполагает и ее одновременное потребление.

Согласно части (2) ст. 194 УК РМ, те же действия, причинившие ущерб в особо крупных раз-

мерах, наказываются штрафом в размере от 1500 до 3000 условных единиц или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок 240 часов.

Согласно части (1) ст. 196 УК РМ, *причинение имущественного ущерба в крупных размерах собственнику* путем обмана или злоупотребления доверием, при отсутствии признаков хищения, наказываются штрафом в размере до 200 условных единиц или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов с лишением или без лишения в обоих случаях права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 2 до 5 лет.

Согласно части (2) ст. 196 УК РМ, то же действие, совершенное:

б) двумя или более лицами,

наказываются штрафом в размере от 200 до 500 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 2 лет.

Согласно части (3) ст. 196 УК РМ, действия, предусмотренные частями (1) или (2) ст. 196 УК РМ, совершенные:

а) организованной преступной группой или преступной организацией, наказываются штрафом в размере от 500 до 1000 условных единиц или лишением свободы на срок до 3 лет.

Согласно части (4) ст. 196 УК РМ, причинение имущественного ущерба в особо крупных размерах путем обмана или злоупотребления доверием, при отсутствии признаков хищения, наказываются штрафом в размере от 1000 до 2000 условных единиц или лишением свободы на срок до 3 лет.

Согласно части (1) ст. 197 УК РМ, *умышленное уничтожение или повреждение имущества*, причинившие ущерб в крупных размерах, наказываются штрафом в размере до 1000 условных единиц или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок 240 часов. Необходимо отметить, что диспозиция ст. 197 не содержит указания на «чужое имущество», характерного для преступления против собственности. Отсюда можно обоснованно предположить, что предметом данного посягательства может быть и имущество, принадлежащее виновному, в том числе и на правах собственности.

Согласно части (2) ст. 197 УК РМ, те же действия:

а) совершенные путем поджога, взрыва или другим опасным способом;

б) совершенные на почве социальной, национальной, расовой либо религиозной ненависти;

с) совершенные в отношении лица в связи с выполнением им служебного или общественного долга;

д) повлекшие по неосторожности смерть человека, наказываются лишением свободы на срок до 6 лет.

Валерий КУШНИР

По нашему мнению, часть (1) ст. 197 УК РМ следует изменить, повысив ответственность до 2 лет лишения свободы.

Согласно части (1) ст. 199 УК РМ, *заранее не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем*, наказываются штрафом в размере от 200 до 400 условных единиц или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 120 до 180 часов.

Согласно части (2) ст. 199 УК РМ, те же действия, совершенные:

- a) двумя или более лицами;
- b) в виде промысла;
- c) в крупных размерах,

наказываются штрафом в размере от 300 до 600 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 3 лет.

Согласно части (3) ст. 199 УК РМ, действия, предусмотренные частью (1) или пунктами a) и b) части (2) ст. 199 УК РМ, совершенные в особо крупных размерах, наказываются штрафом в размере от 500 до 1000 условных единиц или лишением свободы на срок до 5 лет.

В заключение, в качестве выводов, логично отметить следующее. Охрана прав собственника является неперменной компонентой деятельности любого государства, которое обязано гарантировать стабильность отношений собственности, обеспечивая условия их защиты.

Формы реализации этой функции различны в разных государствах. Различия, в основном, обусловле-

ны свойствами объектов, вовлекаемых в отношения собственности, а также изменением под их влиянием самого содержания этих отношений. Общим же является применение уголовного права в целом и определение круга деяний, содержащих признаки конкретных составов преступлений, включая их в разделы и главы по признакам общности их родового объекта и последовательное расположение этих групп, а также конкретных составов внутри них относительно друг друга в зависимости от социальной значимости объекта посягательства и занимаемого им места в иерархии социальных ценностей.

Преступление против собственности – это предусмотренное уголовным законом общественно опасное, виновное, наказуемое деяние, состоящее в совершение с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Общие причины корыстной преступности коренятся в противоречиях общественного развития, в крайне неблагоприятных тенденциях в экономике и, прежде всего, в силу реально существующих кризисных явлений в политической, социальной и духовной сферах.

Для более эффективного противодействия корыстной преступности необходимо комплексное сочетание мер общей профилактики и специальных мер, ориентированных на защиту личности, общества и собственности от преступных посягательств.

Литература:

1. Александрова, С.П. Гражданское право. Общая часть. – СПб., 1997, с. 229.
2. Гражданский кодекс РМ, раздел III, гл. I, ст. ст. 315 -316.
3. Советское уголовное право. Особенная часть / Под. ред. Кригера Г.А., Куринова Б.А. – Москва: Изд-во Московского университета, 1982, с. 199.
4. Barbăneagră, Alexei, Alecu, Gheorghe, Berliba, Viorel, Budeci, Vitalie, Carov, Trofim, Cușnir, Valeriu, Cojocaru, Radion, Mariș, Alexandru, Popovici, Tudor, Ulianoschi, Gheorghe, Ulianoschi, Xenofon, Ursu, Nicolae, Volcinschi, Victor. Codul penal al Republicii Moldova. Comentariu. – Chișinău: Ed. Sarmis, 2009, с. 129.
5. Складов, С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ. – Государство и право, 1997, № 9, с. 64-68.
6. Уголовное право / Под ред. М.И. Ковалёва, М.Л. Ефимова, Е.А. Фролова. – Москва: Юридическая литература, 1969, с. 217.
7. Брынза, С., Стати, В. Уголовное право. Общая часть. Том 1-й. – Кишинэу, 2011, с. 571-572.
8. Макарь, И. Уголовное право РМ. Часть Особенная. – Кишинёв: Dinamo, 2004, с. 152.
9. Уголовное право России. Особенная часть / Под. ред. А.И. Рарога. – Москва: Триада, Лтд., 1997, с. 112.
10. Советское уголовное право. Особенная часть / Под. ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова. – Москва: Изд-во Московского университета, 1982, с. 205.
11. Статистическая отчетность МВД Республики Молдова. [on-line]: www.mai.md (Посещен: 01.03.2016).
12. Шурухнов, Н.Г. Расследование краж: Практическое пособие. – Москва: Юрист, 1999, с. 36.
13. Официальный монитор РМ, № 82-86, от 22.06.2002 г.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

Summary

Regarding some aspects of criminal liability on crimes against property in the legal framework of the Republic of Moldova. Economic attitudes of the property make a basis of any society, and legal regulation appears and kept, first of all as system of the norms fixing, regulating and protecting the given attitudes. In conditions of modern Moldova the property has exclusive value in connection with that it is basis of political and economic radical restructurings, a source of democracy, an indispensable condition of construction of a lawful state. That is why protection of existing attitudes of the property – the major problem of any legal system, its core finally.

In the given work the urgency of the chosen theme is reflected, the concept and a general characteristic of crimes against the property, and also a regulation of the given crimes in the legislation of Republic Moldova are analyzed.

Виталие ГАМУРАРЬ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права, директор докторской (аспирантской) школы «Право» Свободного Международного университета Молдовы

**К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧИМОСТИ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО» ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВ
(на примере Республики Молдова)**

Начнем с того, что международное гуманитарное право (МГП), будучи особой отраслью международного публичного права (МПП), является одновременно и самой древней его отраслью. Известные на протяжении веков под названием «право войны» соответствующие его положения признавались в качестве обычных норм, в основу которых были заложены общечеловеческие ценности, отражающие гуманность и справедливость, которые должны быть присущи любому обществу. Несмотря на то, что «законы и обычаи войны» грубо нарушались в ходе практически всех вооруженных конфликтов, не можем согласиться с тем, что МГП не в состоянии обеспечить соблюдение его положений. Здесь необходимо открыто указать на то, что несоблюдение положений МГП ни в коем случае не является виной МГП, а напротив – это происходит в связи с тем, что на разных этапах развития в различных государствах устанавливаются определенные режимы, не желающие соблюдать нормы МГП, что, в свою очередь, становится предлогом для совершения военных преступлений. Хотелось бы отметить, что в данной ситуации ответственность ложится на общество данного государства в целом, поскольку именно оно виновно в нежелании или в невозможности подчиняться общепризнанным человеческим идеалам.

Реальность такова, что МГП – единственная отрасль МПП, и применимость его обусловлена наличием вооруженного конфликта, в том числе международного либо немеждународного, местного характера. Окончание «холодной» войны позволило МГП выйти из «спячки», косвенно обусловленной противостоянием Запада и Востока, несмотря на усилия, предпринимавшиеся международным сообществом в целом и Международным Комитетом Красного Креста (МККК) в частности. Возникшие вооруженные конфликты в конце XX века в различных частях света и их катастрофические последствия – лишь один

из аргументов в поддержку идеи о значимости МГП. Тот факт, что распространение знаний о МГП остается актуальным, все чаще подтверждается, к сожалению, на протяжении последних лет. Казалось бы, что преступления, совершенные в отношении гражданского населения и военнопленных, применение запрещенных методов и средств ведения боевых действий остались в истории после вынесенных Нюрнбергским и Токийским международными военными трибуналами приговоров, по окончании Второй мировой войны. Между тем войны во Вьетнаме и Афганистане, развязанные в период «холодной» войны, вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии на протяжении 90-х гг., геноцид в Руанде в 1994 г., военные операции на территории Ирака и Афганистана в начале 2000-х годов, «антитеррористическая» операция в Чечне, российско-грузинский вооруженный конфликт в августе 2008 года, АТО на территории Украины в период 2014-2015 гг., вооруженный конфликт в Сирии, длящийся с 2011 г. и т.д., являются наглядным примером того, что государства продолжают игнорировать взятые на себя международные обязательства, в том числе политические, моральные и правовые.

Почему так значимы моральные обязательства? Очень просто, а главное логично, поскольку общеизвестно, что нормы МГП полагаются больше на моральные устои, нежели на сугубо правовые. Или, сказать иначе, положения МГП в большей части представляют собой некое юридическое подтверждение необходимости соблюдения общечеловеческих ценностей, основанных на морали. С древнейших времен «законы и обычаи войны» основывались на религиозных концепциях, единых для всех сообществ, независимо от конфессии, а участие религиозного персонала в составе вооруженных сил, в том числе регулирование их правового статуса международными нормами, является ярким тому подтверждением.

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧИМОСТИ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО» ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВ (на примере Республики Молдова)

Для Республики Молдова процесс ознакомления с МГП начался в условиях определенного юридического вакуума, а также с возникновением вооруженного конфликта на Днестре весной 1992 г. Понятия «Гаагское право» и «Женевское право» были больше экзотическими, несмотря на то, что нормы, составляющие так называемое «ядро» права вооруженных конфликтов, на тот момент признавались частью обычного международного права. Справедливости ради необходимо отметить, что вышесказанное, даже если и косвенно, но оказало определенное влияние на возникновение дискуссий относительно необходимости включения новой дисциплины в учебные планы факультетов юридического профиля.

В Республике Молдова МГП как учебная дисциплина впервые было включено в учебные программы в 1998 г., одновременно в двух высших учебных заведениях – Свободном Международном университете Молдовы и Академии полиции «Штефан чел Маре МВД РМ». По мнению экспертов, включение данной дисциплины в учебный план отлично вписывалось в обязательства, взятые на себя Республикой Молдова при ратификации в 1993 году Женевских конвенций (1949 г.) и Дополнительных протоколов (1977 г.).

И здесь, в контексте взятых государствами обязательств, хотелось бы напомнить тот факт, что применимость МГП во времени (*rationae temporis*) основывается на трех видах норм:

1) нормах, применяемых непосредственно во время ведения боевых действий, регулирующих непосредственно состояние войны;

2) нормах, применяемых по окончании активной фазы вооруженного конфликта, регулирующих такие институты, как право оккупации, восстановление постконфликтной ситуации, обмен военнопленными, возвращение гражданского населения, поиск лиц, пропавших без вести, и т.д.;

3) нормах, применение которых не связано непосредственно с состоянием войны *de facto*.

Именно третий вид норм и соответствующие им положения являются тем необходимым аргументом, который определяет необходимость сохранения учебной дисциплины по МГП в целях распространения знаний при подготовке будущих юристов. Что касается Свободного Международного университета Молдовы, отметим, что до принятия нового законодательства в области образования, отменившего ранее существовавшие специализации для студентов, курс по МГП читался исключительно при специализации по международному праву. Верно и то, что с самого начала в вузе проводилась политика, направленная на то, чтобы преподавание МГП не ограничивалось специализацией по международному праву. Такой подход объясняется тем, что даже сугубо теоретически

МГП было необходимо не столько будущим юристам-международникам, сколько тем, кто специализируется по гражданскому и уголовному праву. В качестве аргумента, опять же чисто теоретически, приведем тот факт, что именно выпускники данных специализаций, как правило, работают в силовых структурах, которые в условиях потенциальных вооруженных конфликтов будут ответственны за обеспечение соблюдения положений МГП, тогда как студенты, прошедшие специализацию по международному праву, как правило, не соприкасаются непосредственно с «законами и обычаями войны».

Женевские конвенции, составляющие так называемое «ядро» МГП, среди прочих обязательств государств предусматривают «распространение» соответствующих знаний в обществе. Говоря современным языком МГП, считаем, что соответствующее обязательство должно рассматриваться несколько шире. Толкование МГП должно иметь место в свете последних тенденций и процессов его кодификации. Общеизвестно, что так называемое «ядро» МГП признано частью обычного международного права, а этот факт, в свою очередь, придает ему императивный характер, признанный в международном праве как обязательство *erga omnes*.

Отметим, что помимо изучения классических положений Гаагского и Женевского права, у студентов есть возможность ознакомиться с механизмами института ответственности за нарушение норм МГП, что, в свою очередь, также необходимо рассматривать в свете обязательства государства привлекать к ответственности лиц, совершивших международные преступления, включая военные преступления, преступления против человечности и геноцид.

Значимость вышесказанного проистекает и в контексте того, что Республика Молдова 09.09.2010 ратифицировала Римский Статут Международного Уголовного Суда, в связи с чем взяла на себя обязательства привести национальную правовую систему в соответствие и положениями Статута. Естественно, что в первую очередь это относится к уголовному законодательству.

К сожалению, практика подтверждает, что государства, прошедшие через вооруженный конфликт, применяют избирательный подход в процессе привлечения к ответственности лиц, совершивших военные преступления, преступления против человечности и геноцид. В качестве примера могут служить страны бывшей Югославии – Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина. В одинаковой мере это относится и к Косово (частично признанного мировым сообществом), разница лишь в том, что в последнем случае юстиция оказалась под сильным влиянием институциональных реформ, предпринятых при содействии

Виталие ГАМУРАРЬ

Европейского Союза и НАТО. Речь идет о своеобразном секторе уголовной юстиции, так как международное уголовное право требует особых знаний в области МПП, в общем, и МГП, в частности. Примером может служить Хорватия. Процесс европейской интеграции Хорватии был обусловлен уровнем сотрудничества с Международным Уголовным Трибуналом по бывшей Югославии (МУТЮ), а также привлечением к ответственности лиц, совершивших международные преступления независимо от национальности, религиозной принадлежности и т.д., что было бы практически невозможным без уделения особого внимания МГП.

Возьмем, к примеру, Республику Молдова. Во время вооруженного конфликта на Днестре в 1992 г. были совершены военные преступления обеими противоборствующими сторонами, однако процессов по привлечению лиц, совершивших эти преступления, по крайней мере судебными инстанциями, находящимися под юрисдикцией Кишинева, не было. Такое положение дел является ярким примером «классического» толкования уголовного права, на тот момент не предусматривавшего применения соответствующей главы Уголовного кодекса, поскольку ее применение обуславливалось наличием состояния войны в традиционном понятии, с участием двух или более государств. Совершенно очевидно, что в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера применение главы из Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за военные преступления, на тот момент не представлялось возможным. Возникает вопрос: как же быть в отношении одного из основополагающих принципов права, в соответствии с которым любое лицо несет ответственность за совершенное деяние? В нашем случае ответ находим в положениях МГП посредством принципа универсальной юрисдикции.

Соответствующая практика не является новой: европейские страны на протяжении последней декады XX века внесли данную клаузулу в национальные уголовные законодательства. В результате некоторые государства, как, например, Швейцария, не сталкивающаяся с вооруженными конфликтами более 100 лет, смогли привлечь к ответственности лиц, совершивших военные преступления во время вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии, в тот момент, когда эти лица находились в зоне действия юрисдикции этого государства. Здесь позволим себе упомянуть о том факте, что в отношении военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида не применяется срок давности. Живой пример тому – последние громкие события в Румынии, где против первого президента, пришедшего к власти после свержения режима Чаушеску, Иона Илиеску выдвинуто обвинение в преступлении против человечности, совершенном во время известного марша

шахтеров на Бухарест летом 1990 года. Данное положение значимо и для Республики Молдова, так как ее граждане были участниками нескольких вооруженных конфликтов, таких как война в Афганистане (1979-1989 гг.) или конфликт на Днестре (1992 г.). Похожая ситуация – и в других странах бывшего СССР, сталкивавшихся с наличием вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, во время которых могли быть совершены военные преступления. И вновь та же ситуация – в условиях отсутствия независимой либо специализированной юстиции страны сталкиваются с серьезным явлением, таким как безнаказанность ответственных лиц на национальном уровне.

Актуальность МГП аргументируется также политиками и документами, разрабатываемыми и продвигаемыми МККК. Приведем один лишь пример. МККК традиционно рассматривает потенциальные проблемы, с которыми сталкивается МГП, предлагая определенные решения либо толкования существующих положений в контексте современных отношений. Рассмотрим лишь один из этих аспектов, а именно – роль санкций в контексте обеспечения соблюдения МГП, другие вопросы оставим для дальнейших исследований.

Правильное применение МГП в мирное время, как и во время вооруженных конфликтов, остается и в дальнейшем приоритетом для МККК. Так, в своем отчете в рамках XXVIII международной конференции, работы которой проходили в период с 26 по 30 ноября 2007 г., МККК обратил внимание на важность методов и средств, позволяющих обеспечить соблюдение МГП во время вооруженного конфликта, акцентируя значимость обязательства государств «соблюдать и [...] делать все, для соблюдения» МГП в любых обстоятельствах. Комитет организовал пять региональных семинаров с участием экспертов, в рамках которых среди других вопросов были рассмотрены существующие и потенциальные механизмы контроля и соблюдения МГП. Четыре года спустя после того, как доклад был представлен в рамках международной конференции, идея достижения лучшего соблюдения, применения и более эффективного исполнения продвигается постоянно. Ответственность возлагается в первую очередь на стороны конфликта, на государства, а также на неправительственные образования.

Применимость норм МГП предусматривает, что все участники конфликта ознакомлены с положениями МГП и обязуются его соблюдать. МГП в равной мере предусматривает, что государства предпримут определенные действия в рамках национальных правовых систем и практик в целях разработки объемной программы, включающей целый ряд мероприятий на национальном уровне по применимости норм МГП. В особенности это касается

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧИМОСТИ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО» ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВ (на примере Республики Молдова)

внесения изменений в законодательство, подготовки учебников по военному делу, правильной подготовки и контроля за командным составом вооруженных сил и структур безопасности и т.д. В дополнение к этому, должны быть предусмотрены уголовные или дисциплинарные наказания в отношении лиц, нарушивших положения МГП.

Определенный прогресс был достигнут на протяжении последних лет на уровне национальных правовых систем довольно существенным количеством стран, предпринявших действия по изменению своих законодательств и практик в соответствии с положениями МГП и международными обязательствами. Подтверждением тому может служить создание в ряде стран национальных комиссий, других компетентных органов для консультирования своих правительств по вопросам, относящимся к МГП, включая имплементацию соответствующих норм на национальном уровне. Вместе с тем, остается еще многое сделать на национальном и международном уровнях, в том числе совместно с МККК.

Другим прогрессивным фактом, который не может быть обойден вниманием, является то, что на протяжении последних 20-ти лет заметно качественное изменение того, что касается применения международных механизмов по имплементации индивидуальной уголовной ответственности на международном уровне. Были созданы международные трибуналы *ad hoc*, Международный Уголовный Суд, гибридные трибуналы. Некоторые страны в одинаковой мере высказываются за экстраюрисдикционную компетенцию в отношении военных преступлений, по преследованию и привлечению к ответственности лиц, совершивших грубые нарушения МГП на национальном уровне. Другими словами, можно сказать, что признание международной уголовной ответственности эволюционирует, и дает основание полагать, что конфликтующие стороны станут на поле боя в большей мере соблюдать МГП, что, в принципе, и в дальнейшем остается одним из безусловных приоритетов.

Около 10 лет назад МККК опубликовал исследование относительно мотивов поведения во время войны, целью которого было идентифицировать факторы, решающим образом обуславливающие поведение вооруженных лиц*. Среди выводов, к которым пришли исследователи, был и тот, что строгий контроль при призыве будущих комбатантов, правильное содержание приказов и эффективные санкции являются наиболее действенными механизмами для достижения соблюдения норм МГП со стороны вооруженных лиц.

* Daniel Munoz-Rojas et Jean-Jacques Fresard. Origines du comportement dans la guerre – Comprendre et prévenir les violations du DIH. CICR. – Genève, octobre 2004.

МККК исследовал и продолжает исследование соответствующих результатов, при этом особо концентрируясь на роли санкций в контексте доклада о повышении уровня соблюдения МГП. Комитет предоставил и другие доказательства в подтверждение сделанных выводов, сделав акцент на двух основных моментах. Исследование данных моментов позволяет выявлять сдерживающие факторы относительно совершения грубых нарушений МГП со стороны вооруженных лиц.

Первая часть данного исследования посвящена природе санкций, другими словами – роли санкций в качестве фактора профилактики. В данной ситуации МККК отметил одну закономерность: в тех случаях, когда применение санкций обладает императивным характером, комбатанты в целом готовы брать на себя соответствующие риски и стараются соблюдать «правила и обычаи войны», поскольку существует большая вероятность того, что они будут наказаны. И, наоборот, в тех случаях, когда санкции являются некой абстракцией, они не в состоянии помешать в итоге совершению серьезных нарушений. Это, в свою очередь, доказывает, что эффективность и законность санкций должны быть учтены на всех уровнях. В принципе, в данном случае в меньшей мере можно говорить о неадекватном характере уголовных положений, скорее всего речь идет об их неприменении.

Реальность такова, что в рамках вооруженного конфликта у судебных инстанций, в том числе на национальном и международном уровне, отсутствует возможность привлечения к ответственности лиц, совершивших военные преступления, преступления против человечности и геноцид. В таких ситуациях совершенно ясна необходимость поисков альтернативных либо дополнительных решений для обеспечения применения санкций. В случаях, когда лица, совершившие грубые нарушения МГП будут уверены в том, что их ждет неизбежное наказание посредством системы уголовной юстиции либо другим способом, их поведение должно будет скорее претерпеть серьезные изменения. В данном контексте становится очевидным необходимость изучения дисциплинарных санкций в свете их эффективности с точки зрения быстрого реагирования комбатантов, а также как доказательство того, что санкции неизбежны. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на два момента. Первый: дисциплинарные санкции могут рассматриваться как смягчающие тяжесть преступления. И второй: они могут оказаться недостаточными с точки зрения интересов жертв.

Второй вопрос касается второстепенных лиц, к которым применяются санкции. В независимости от квалификации вооруженного конфликта, между-

Виталие ГАМУРАПЬ

народное право предусматривает уголовную ответственность за совершенные преступления. Речь идет о круге реальных акторов в целях выявления возможных участников. В основном это касается высшего офицерского состава и гражданского руководства. МККК особо заинтересован в изучении последствий этой ожидаемой ответственности в контексте роли вовлеченных лиц (вооруженные лица, командиры подразделений, гражданские лица) и санкций, которые могли бы быть адекватным ответом на их незаконное поведение.

Третий вопрос исследования МККК относится к формам юстиции – гражданской или военной, включая их влияние на обязательность соблюдения МГП. В случае если не предусмотрены исключительные компетенции для гражданских или военных судебных инстанций, необходимо разработать критерии, в соответствии с которыми будет определена необходимая компетенция.

Вторая большая часть исследования МККК посвящена обстоятельствам, при которых совершаются нарушения МГП, а также применению санкций. Установление факторов, оказывающих влияние на поведение во время вооруженных конфликтов, требует серьезного их анализа с точки зрения последствий применения санкций и с учетом факторов, влияющих на соответствующее поведение, особенно исходя из того, что сами по себе санкции не воспринимаются вооруженными лицами в одинаковой мере. Нельзя отрицать и того, что понадобится учитывать возможность и даже необходимость нахождения общих ценностей, исповедуемых как различными группами, так и МККК. Комитет решил предпринять исследование относительно эффективности санкций, с учетом влияния факторов, характеризующих определенные сценарии, в рамках которых необходимо будет ответить относительно применимости тех или иных санкций. Справедливости ради отметим, что задача не из легких.

Поскольку рассматривается роль санкций, было бы не лишне их изучение в свете интересов жертв, пострадавших в результате нарушений МГП. В этом смысле возникает вопрос состоятельности самих санкций отвечать чаяниям этих людей. Уголовные процессы не всегда учитывают интересы жертв, что зачастую вызывает разочарования и некое недоверие к самим санкциям, – и это факт. Установление истины, репарации, люстрация среди прочего являются факторами, часто имеющими решающее значение, позволяя обществам и индивидуумам восстановить нормальный ход событий. Если, конечно же, понятие «нормальный ход событий» вообще применимо в таких ситуациях. К сожалению, следует отметить, что не всегда возможно справедливое отношение к жертвам в условиях традиционной системы уголовной юстиции. В таких ситуациях необходимы иные

механизмы. Такие механизмы могли бы, в принципе, в одинаковой мере предусматривать применение санкций в отношении лиц, совершивших грубые нарушения МГП, отличающихся от строго уголовных санкций и одобренных в результате переговорного процесса между жертвами, лицами, совершившими преступное деяние, и обществом. Вместе с тем важно, чтобы общество в целом признало и согласилось с последствиями соответствующих механизмов. Отметим, что МККК продолжает изучение вопросов, связанных с альтернативными и дополнительными решениями, в том числе и с возможными последствиями в контексте предотвращения грубых нарушений МГП.

Прежде чем завершить данное исследование, МККК провел ряд встреч с группами независимых экспертов самого разного профиля. Они были приглашены дать ответ на четыре ситуации, принимая участие в неформальных совещаниях, в рамках которых обсуждался ряд вопросов: относительно природы самих санкций, о различных формах ответственности, потребностях жертв и о механизмах юстиции постконфликтного периода. Встречи такого рода позволили ограничить количество вопросов, которые должны были стать предметом обсуждения в рамках большой встречи на международном уровне. Объективами таких встреч являются разработка и редактирование конкретных предложений, что, в свою очередь, смогло бы помочь МККК в его усилиях по содействию государствам добиться эффективной внутренней системы санкций, системы, имеющей длительное реальное влияние на поведение комбатантов и их окружения, в целях постоянного напоминания о необходимости соблюдения МГП.

Приходится, к сожалению, признавать, что в начале XXI века человечеством так и не было достигнуто необходимой зрелости и оно продолжает решать существующие проблемы силовыми методами. В таких условиях МГП продолжает оставаться актуальным хотя бы потому, что должно отвечать различным вызовам времени, будь то старого либо нового типа. Среди таковых отметим вопросы, отражающие различные формы ведения войны: классические, международные, асимметричные, борьбу с терроризмом, операции по поддержанию мира, операции по принуждению к миру и т.д.

Мы назвали лишь некоторые из длинного списка вопросов, являющихся приоритетными для МККК. Между тем, предпринятый анализ лишь подтверждает значимость МГП для университетских программ и тот факт, что развитие полноправного общества без распространения идеалов и целей, проповедуемых МГП, практически невозможно. Особенно это становится явным в условиях современного общества, во многом раздробленного и зачастую истерического перед теми проблемами, решение которых требует

**К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧИМОСТИ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО» ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВ
(на примере Республики Молдова)**

порой незамедлительного, а иногда долгосрочного решения.

Говоря о значимости дисциплины МГП, сошлемся на пример из практики Республики Молдова, имеющий косвенное отношение к рассматриваемому вопросу. В 2007 году, с вступлением Румынии в Европейский Союз, западная граница Республики Молдова стала одновременно восточной границей Европейского Союза. Таким образом, давление на Республику Молдова, в связи с необходимостью обеспечения безопасности своей территории как потенциальной транзитной зоны для незаконного трафика оружия, наркотиков, людей и т.д., усилилось. Естественно, что самостоятельно, к сожалению, Молдова бороться с транснациональной преступностью не в состоянии. Отсюда и целый ряд проектов со стороны Европейского Союза в целом и некоторых стран-членов – в частности. В контексте обсуждаемого в данной статье вопроса остановимся в кратце на одном примере, а именно – на вопросе о беженцах.

В 2007 году, в сотрудничестве с Высоким Комиссариатом ООН по беженцам и некоторыми странами – членами ЕС, в качестве факультативного предмета в учебные планы нескольких юридических факультетов, включая Свободный Международный университет Молдовы, была включена дисциплина «Право беженцев». Помимо того, что слушатели данной дисциплины получили дополнительную возможность по трудоустройству, у них появилась также возможность принимать участие в различных студенческих конференциях, семинарах и т.д., в том

числе на национальном и региональном уровнях. Более того, те выпускники, которые начали работать в судебных инстанциях, прокуратуре, адвокатуре, получили признание со стороны своих коллег и руководства, поскольку их знания явились весьма кстати в условиях, когда численность лиц, которые просят убежища в Республике Молдова в последние годы, заметно возросла. Отметим одну интересную деталь: в 2008 году был принят Закон Республики Молдова об убежище (вступил в силу в 2009 г.), заменив ранее существовавший Закон о беженцах (принятый в 2002 г.). Говорить о значимости данной дисциплины сегодня, когда Европа сталкивается с невероятным количеством беженцев с Ближнего Востока, даже не приходится. Естественно, что при разработке названного законопроекта были учтены международные обязательства, взятые на себя Республикой Молдова, а также положения, регулирующие в Европейском Союзе политику убежища.

Это всего лишь один из примеров, подтверждающих значимость некоторых правовых дисциплин, включение которых в учебные программы обусловлено реалиями времени и обязательствами государств, однако, к сожалению, это часто сталкивается с откровенным бойкотом со стороны руководства либо сторонников «традиционного» подхода к обучению будущих юристов. Такое положение дел иногда может оказаться негативным как для вузов в частности, так и для государства в целом. По нашему мнению, в данном случае явно просматривается аналогия относительно МГП.

Summary

The relevance of the university course „International Humanitarian Law” is determined by many factors – from the fact that it is the oldest branch of international law and ending with the fact that, unfortunately, not at the beginning of the third millennium, humanity has not realized that wars bring only suffering. In this way, the international humanitarian law continue to remain that the lifeguard who tries to ensure a minimum level of protection of victims of war, while the main human rights and freedoms are in danger.

Keywords: international humanitarian law, implementation, interpretation, obligation, liability.

Эльнур МИРЗАЛИЕВ,

докторант кафедры международного частного права и европейского права Бакинского государственного университета

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА,
ЕГО СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА**

В юридической литературе история формирования международного налогового права обсуждается достаточно широко и с разных позиций. Как отмечается в большинстве работ по истории международно-правового развития налоговых отношений, первые соглашения по налоговым вопросам были подписаны начиная с середины XIX века. В 1843 году было подписано соглашение по налоговым вопросам между Бельгией и Францией, а в 1845 году соответствующие соглашения были подписаны с Нидерландами и Люксембургом. Эти соглашения, в которых были закреплены лишь общие правила по устранению двойного налогообложения в отношении имущества граждан, приобретенного в порядке наследования, регулировали такие вопросы, как административно-правовое взаимодействие налоговых служб и обмен информацией о налогах.

В конце XIX – начале XX столетий активизация международной экономической деятельности, применение в национальной фискальной системе налогов, основы которых аналогичные, и взаимодействие государств по налоговым вопросам привели к необходимости регулярных совместных обсуждений на уровне государств по международной проблеме устранения двойного налогообложения. С 1899 года до 1919 года в мире были подписаны 24 налоговых конвенции, и только одна из них регулировала вопросы взаимной административной помощи в налоговых вопросах. На рубеже XIX-XX столетий фискально-правовые аспекты внешнеторговых отношений стали предметом международного сотрудничества. Это было связано в первую очередь с таможенно-тарифными мерами. Основные результаты в этой области заключались в том, что согласованное снижение уровня налогообложения (как правило, по ограниченной номенклатуре товаров) могло быть осуществлено лишь по кратковременным двусторонним соглашениям с отдельными странами. После Первой мировой войны международно-правовое сотрудничество в налоговой сфере возобновилось. Стали меняться также формы и

направления такого сотрудничества, которое приобрело новые черты и более широкие масштабы.

Во-первых, постепенно возрастала динамика заключения двусторонних налоговых соглашений. Среди них преобладали соглашения об устранении двойного налогообложения в отношении доходов. Так, с 1921 по 1925 год было подписано 22 таких международных налоговых соглашения [1]. За период с 1922 по 1939 год между странами Центральной и Северной Европы было подписано 69 соглашений об устранении двойного налогообложения.

Во-вторых, на фоне расширения торговых связей и включения в мировую экономическую систему всё большего числа государств (в том числе и бывших колоний) возникли принципиальные разногласия, обусловленные неодинаковым уровнем развития разных стран, стали высказываться различные мнения также по вопросу их роли в международном разделении труда (в первую очередь, как импортеров и экспортеров капитала).

В-третьих, с начала 20-х годов прошлого века стали предприниматься попытки заключения многосторонних (в том числе региональных) налоговых соглашений. Так, в 1922 году было подписано многостороннее налоговое соглашение между Австрией, Венгрией, Польшей, Италией, Румынией и Югославией.

В-четвертых, после Первой мировой войны, несмотря на преобладание тенденций протекционизма, применяемого большинством государств во внешнеэкономической политике, усилились попытки согласованного таможенно-тарифного регулирования и снижения таможенных пошлин. Эта многосторонняя работа конкретно в рамках Лиги Наций не принесла ощутимых результатов в этом направлении. Наибольший прогресс был достигнут в сфере применения некоторых общих технических аспектов (классификации товаров, таможенной оценке товаров для таможенных целей).

В-пятых, отсутствие действенных инструментов

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА, ЕГО СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА

и средств мирового уровня, направленных на регулирование внешнеторговой деятельности, побуждало государства шире применять двусторонние таможенные соглашения. В двусторонних договорах больше внимания уделялось вопросам торговли, взаимного предоставления национального режима и режима наибольшего благоприятствования, уплаты и взимания внутренних налогов и пошлин при проведении внешнеторговых операций нерезидентов, что часто становилось предметом обсуждений.

В-шестых, шире стали применяться соглашения, содержащие наряду с другими нормами также налоговые правила. В частности, можно отметить соглашения об устранении двойного налогообложения доходов определенной категории лиц (дипломатов, сотрудников международных организаций и т.д.) и отдельных видов доходов (морские, воздушные перевозки, лицензионные платежи).

В-седьмых, в период между двумя войнами заметно активизировалась деятельность международных организаций и многосторонних конференций по подготовке базовых условий для международного сотрудничества в налоговой сфере. Этой деятельности сопутствовала активизация Лиги Наций.

В феврале 1925 года технический экспертный комитет Лиги Наций отправил свой отчет в финансовый комитет Лиги. Отчет содержал план исследования предварительных результатов и план подготовки текстов типовых соглашений. Спустя два года, в апреле 1927 г., этот комитет вместе со своим очередным докладом представил проекты четырех типовых конвенций. В октябре 1928 года эти проекты были рассмотрены в Женеве, на международной конференции, посвященной вопросам двойного налогообложения. На конференции с участием представителей более 27 стран были приняты следующие типовые документы: а) Конвенция об отмене двойного налогообложения в сфере прямых налогов (подходного и имущественного налогов); б) Конвенция об устранении двойного налогообложения в отношении наследственного имущества; в) Конвенция об оказании административной помощи по налоговым вопросам; г) Конвенция об оказании правовой помощи во время взимания налогов [2].

В 1929 году был учрежден Налоговый Комитет в качестве постоянно действующего органа Лиги Наций [3]. Одним из наиболее важных результатов деятельности Налогового Комитета была разработка проекта многосторонней Конвенции о распределении доходов предприятий между государствами в целях налогообложения. В 1933 году этот проект был рассмотрен на заседаниях подкомитетов Фискального Комитета, организованных Международной Торговой Палатой в Нью-Йорке и Вашингтоне, а позднее – в июне того же года, соответствующие проекты были рассмотрены на заседании Налогового Комитета. В июне 1940

года и в июле 1943 года в городе Мехико состоялись две налоговые конференции, организованные Налоговым Комитетом Лиги Наций. Основной темой обсуждений на этих конференциях по предложению Налогового Комитета были международно-правовое сотрудничество в налоговой сфере, проекты типовых налоговых конвенций и проект Многосторонней Конвенции о распределении доходов предприятий между государствами в целях налогообложения.

Начиная со второй половины 40-х годов XX века, постепенное восстановление, а затем и рост мировой экономики, привели к возобновлению межгосударственного сотрудничества по налоговым вопросам. В начале этого периода регионализация сотрудничества по налоговым вопросам проявилась в сближении европейских стран. В первой половине 50-х годов это привело к созданию трех экономических сообществ, а в 1993 году – к формированию единого экономического пространства. Одной из основ процесса интеграции стран-членов ЕС является их тесное и постоянно расширяющееся сотрудничество в налоговой сфере. Если в первое время это сотрудничество ограничивалось простой координацией, то в настоящее время осуществляется гармонизация и унификация правил налогообложения. В принципе, это закономерно, так как создание самого Европейского Союза основано на этой идее; движение товаров, капитала и трудовых ресурсов в этом пространстве должно осуществляться свободно, без какой-либо дискриминации, в одинаковых условиях конкуренции, в том числе должны быть согласованы и налоги.

Благодаря деятельности международных организаций, возрос опыт использования модельных договоров: эти договоры приняты для применения отдельными государствами и их объединениями. Например, в 1964 году разработано типовое налоговое соглашение Британского Содружества Наций [4]. Тенденция расширения межгосударственного правового сотрудничества по налоговым вопросам проникла и в страны Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. Например, в 1964 году под эгидой Франции был подготовлен проект многосторонней конвенции для франкоязычных стран Африки. 3 января 1973 года было подписано Соглашение между государствами-членами Совета Арабского Экономического Союза, регулирующее вопросы налогообложения доходов и капитала. 29 октября 1984 года подписаны соглашения между государствами-членами Экономического Сообщества стран Западной Африки о налогообложении по вопросам доходов и наследования, в том числе о налогах за регистрацию и гербовые сборы [5]. Говоря о международном сотрудничестве по налоговым отношениям во второй половине XX века, в первую очередь следует отметить роль ГАТТ. Этот институт в течение почти 50 лет до создания Всемирной Торговой Организации выполнял функции многосторон-

Эльнур МИРЗАЛИЕВ

него комплексного соглашения, одновременно выступая в роли международной организации и форума, где обсуждались вопросы регулирования международной торговли. После Уругвайского раунда в апреле 1994 года ГАТТ переименован во Всемирную Торговую Организацию.

Учитывая растущее значение проблемы совершенствования налогообложения международных экономических операций, вполне закономерно, что международное налоговое право становится важным объектом теоретических рассуждений и привлекает внимание как предмет научно-исследовательской деятельности. В то же время следует отметить, что понятия «налоги» и «международное налоговое право» не однозначны. В научной литературе существуют разные мнения по этим вопросам [6]. Так, нет ни нормативного определения, ни единого доктринального понятия международного налогового права. Для конкретизации этой категории можно использовать различные подходы.

Во-первых, при определении содержания международного налогового права как нормативной системы на передний план выступает термин «международный». В более широком смысле этот термин определяется как «всемирный». Следовательно, международное налоговое право приобретает сугубо международный нормативный характер, не обладающий специфическими национальными особенностями. Однако такой подход не соответствует реальности, он необоснован и неправомерен. Несмотря на углубление международного сотрудничества в налоговой сфере и совершенствование международных налоговых отношений, внутригосударственное право все еще играет ведущую роль в налоговых вопросах.

Во-вторых, учитывая национальные особенности налогообложения, международное налоговое право можно назвать совокупностью положений национального налогового законодательства стран мира или «налоговым правом государств». Но и этот подход не является достаточно полным и пригодным для широкого применения.

В-третьих, международное налоговое право – это совокупность норм национального (внутреннего) налогового права отдельного государства, регулирующих отношения с участием иностранного элемента. По сравнению с предыдущими подходами, эта точка зрения в доктрине более исследована [7].

В терминологии по международному частному праву встречается понятие «международная часть национального налогового права». В этом контексте в качестве предмета международного налогового права выступают налоговые отношения с иностранным элементом, регулируемые нормами национального законодательства. Эти отношения складываются в процессе осуществления международной экономической деятельности между государством, с одной

стороны, и физическими и юридическими лицами – с другой стороны, и как результат этой деятельности – в процессе возникновения налоговых обязательств перед соответствующим государством. В доктрине международного налогового права зарубежных стран в качестве предмета международного налогового права выступают налоговые отношения с иностранным элементом.

Мнение о том, что международное налоговое право является составной частью (институтом, отраслью, подотраслью) международного публичного права, не отрицается и в доктринах права зарубежных стран. Расширение международных налоговых отношений приводит к дальнейшему обогащению научных концепций и подходов в этой сфере. Например, предпринимаются попытки включения в доктрину такого понятия регионального характера, как «европейское налоговое право». Под этим понятием, скорее всего, подразумевается налоговый режим, существующий в пределах ЕС после вступления в силу Римского договора 1957 года и Маастрихтского договора 1992 года, а также деятельность, направленная на унификацию налоговых систем государств-членов ЕС с точки зрения методов и механизмов сбора налогов, объемов налогообложения и т.д. Специалисты относятся к проблеме международно-правового регулирования международных налоговых отношений в более широком контексте.

К.Г. Борисов отмечает, что в международном налоговом праве появились специальные стандарты и принципы международных налоговых отношений [8]. По мнению Е.Я. Сорокиной, акты современного международного права охватывают нормативные акты международного налогового права. Она отмечает, что «по мнению некоторых специалистов, в наше время международное налоговое право – это отрасль международного публичного права, институт международного экономического права, представляющий собой совокупность системы международных правовых актов как обязательного, так и рекомендательного характера» [9]. М.М. Богуславский называет международное налоговое право подотраслью международного экономического права [10]. И.И. Кучеров, ссылаясь на Г.М. Вельяминова, склонен оценивать международное налоговое право в более широком контексте международного экономического права [11]. Он отмечает тот общепризнанный факт, что в системе международного права международное экономическое право выделяется как совокупность правовых норм, регулирующих отношения в сфере экономического сотрудничества между государствами и другими субъектами международного права [12]. При этом международное экономическое право выступает в качестве отрасли права, гарантирующей международно-правовое регулирование движения материальных ценностей

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА, ЕГО СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА

и их финансовое обеспечение (Д. Карро) [13]. В.Н. Додонова определяет международное налоговое право как подотрасль международного права, совокупность международно-правовых норм, регулирующих отношения в сфере налогообложения, усложняющихся в связи с присутствием иностранного элемента [14].

О.А. Фомина определяет международное налоговое право как особую структуру, занимающуюся международными аспектами налогообложения [15]. При этом автор имеет в виду не международное, а национальное налоговое право. Несомненно, здесь также присутствует множество несовпадающих моментов. В.А. Кашин считает, что налоговое право состоит из двух частей – собственно налогового права, регулирующего отношения, подпадающие под юрисдикцию того или иного государства в целом или каждый элемент этих отношений, и налогового права, регулирующего отношения с участием иностранных элементов в какой-либо форме. При этом, как отмечает В.А. Кашин, «в литературе под термином «международное налоговое право» понимаются международные соглашения вместе с «международной» частью норм национального налогового права или «международная» часть национального права» [16]. В этом случае его позиция частично близка к позиции О.А. Фоминой, по мнению которой особенность отношений с участием физических и юридических лиц, входящих в предмет международного налогового права, заключается в том, что эти отношения возникают в международной сфере. При этом, с одной стороны, действие международного налогового права невозможно без реализации основных норм международного права, а с другой – международное налоговое право не может обойтись без налоговых норм национальных правовых систем.

А.О. Мирзаева исходит из принципа преемственности комплексного подхода к систематизации международного налогового права. Она, резюмируя все высказывания о международном налоговом праве, приходит к выводу, что международное налоговое право целесообразно рассматривать как комплексную отрасль права, изучающую международные аспекты налогообложения, сочетающую нормы национального и международного права. Международное налоговое право не может функционировать без реализации основных принципов международного права (*jus cogens*), составляющих фундамент системы международных отношений. Но в то же время невозможно представить регулирование международного налогового права без обращения к налоговым нормам системы национального права. Этот момент проявляется, в первую очередь, при регулировании ситуаций, не предусмотренных международными договорами. А во-вторых, следует отметить, что на сегодняшний день в сфере контроля за налогообложением преобладают

средства национальной политики, хотя налоговая политика охватывается международными хозяйственными связями [17].

А.И. Садыгов рассматривает международное налоговое право как одну из отраслей международного экономического права. Он отмечает, что в глобализирующейся экономической системе международные экономические отношения подвергаются влиянию норм международного права, однако считает возможным принятие внутригосударственных законодательных актов в одностороннем порядке, без учета динамики развития международных отношений [18]. Автор также определяет специфические стандарты международного налогового права. При этом международное налоговое право рассматривается в рамках системы международного экономического права как эквивалент международного права.

Международное налоговое право, то есть международно-правовое регулирование международных налоговых отношений, как подотрасль международного экономического права, тесно связано с вопросами международной торговли, финансов, инвестиций и т.д. Налоговые отношения относятся к числу факторов, напрямую влияющих на международную торговлю. По мере расширения и ускорения процесса международной интеграции, отдельные вопросы налогообложения постепенно подвергаются более широкому международно-правовому регулированию.

Предметом международного налогового права служат международные налоговые отношения. Система международных налоговых отношений включает в себя следующие элементы: деятельность государств, связанную с налоговой юрисдикцией; отношения, сформировавшиеся в процессе международного сотрудничества налоговых органов; отношения государств и международных организаций, связанные с налоговыми вопросами; отношения государств, связанные с взиманием налогов и сборов с доходов, приобретенных за рубежом, и имущества иностранных физических и юридических лиц или резидентов. Таким образом, международное налоговое право закрепляет международные налоговые отношения; предусматривает решение проблемы различных юрисдикций; обеспечивает защиту имущественных прав лиц, принадлежащих различным юрисдикциям; связано с публичными функциями государства. Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что предметом международного налогового права являются международные налоговые отношения, а именно: взимание государством налогов и сборов с доходов, приобретенных за рубежом, и имущества иностранных физических и юридических лиц или резидентов; отношения государств и международных организаций, связанные с налоговыми вопросами; деятельность государств, связанная с налоговой

Эльнур МИРЗАЛИЕВ

юрисдикцией; международное сотрудничество налоговых органов.

Таким образом, содержание международных налоговых отношений проявляется в осуществлении прав и обязанностей субъектов международного налогового права. Регулирование международных на-

логовых отношений осуществляется посредством международных договоров. Функция регулирования международных налоговых отношений реализуется как средствами международного налогового права, так и средствами внутригосударственного налогового права.

Литература:

1. Налоги и налогообложение: Учебное пособие для вузов / Под редакцией И.Г. Русаковой и В.А. Кашина. – Москва: Финансы, ЮНИТИ, 1998, с. 69.
2. Historical setting of the United Nations Model Convention. P. 1. – www.unpan.org.
3. Fiscal Committee reports to the Council on the work of the Committee (first to tenth sessions between 1929 and 1946). – Geneva: League of Nations, 1929.
4. Кашин, В.А. Налоговые соглашения России. Международное налоговое планирование для предприятий. – Москва: Финансы, ЮНИТИ, 1998, с. 141.
5. Хуммель, Р., Козлов, Е.Ю. История международного налогового права. – Финансовое право зарубежных стран: Сборник научных трудов / МГИМО(У) МИД России; междунар.-правовой ф-тет / Под общ. ред. Г.П. Толстопятенко. – Москва: МГИМО, 2001, с. 53.
6. Шепенко, Р.А. К вопросу о международном налоговом праве. – Современные проблемы теории налогового права. Материалы международной научной конференции. Воронеж, 4–6 сентября 2007 года / Под ред. М.В. Карасёвой. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2007, с. 483–493.
7. Аронов, А.В., Кашин, В.А. Налоги и налогообложение: Учебное пособие. – Москва: Магистр, 2007, с. 122–123.
8. Борисов, К.Г. К вопросу о формировании международного налогового права в международном общении государств. – Московский журнал международного права, 1999, № 4, с. 43–44.
9. Сорокина, Е. Основы международного налогового права. – Москва, 2000, с. 32.
10. Богуславский, М.М. Международное экономическое право. – Москва: Международные отношения, 1986, с. 44.
11. Кучеров, И.И. Международное налоговое право. Академический курс: Учебник. – Москва: ЗАО „ЮрИн-фоР”, 2007, с. 452.
12. Вельяминов, Г.М. Международное экономическое право и процесс. – Москва: 2004, с. 496.
13. Карро, Д., Жюйар, П. Международное экономическое право: Учебник / Перевод с франц. В.П. Серебренникова, В.М. Шумилова. – Москва: Международные отношения, 2001, с. 5.
14. Додонова, В.Н. Финансовое и банковское право: Словарь-справочник. – Москва: 1997, с. 7.
15. Фомина, О.А. Международное налоговое право: понятие, основные принципы. – Хозяйство и право, 1995, № 5, с. 130.
16. Кашин, В.А. Налоговые соглашения России. Международное налоговое планирование для предприятий. – Москва, 1998, с. 47–48.
17. Mirzayeva A.Q., Əliyeva Ə.Ə. Beynəlxalq vergi hüququ ictimai münasibətləri tənzimləyən yeni hüquq institutu kimi. – Beynəlxalq hüquq və inteqrasiya problemləri, № 4 (4), 2005, s. 197.
18. Sadıqov Ə.İ. Beynəlxalq iqtisadi hüquq. Dərslik. – Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2008, s. 306.

Руслан МАМЕДЛИ,
докторант кафедры международного частного права
и европейского права Бакинского государственного
университета

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ УНИВЕРСАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В настоящее время произошли большие изменения в секторе банковских и финансовых услуг. Традиционная банковская деятельность, начавшаяся с 60-х годов XX века, направленная на внутреннее кредитование, с 90-х годов прошлого столетия уступила место международному рынку капитала. На международном рынке капитала крупные заемщики могут взять в банках, действующих на территории многих государств, кредит в любой валюте и в неограниченном количестве [1]. Интернационализация банковской деятельности существенно повлияла на совершенствование ее правового регулирования. Государства стали признавать невозможность эффективного осуществления контроля за банковской деятельностью только на основе национального законодательства страны, то есть без широкого доступа к мировому информационному пространству. Выход в широкое информационное пространство может быть обеспечен за счет тесного сотрудничества органов банковского контроля различных государств. Под банковским регулированием подразумевается система специфических правил поведения нормативного характера, разработанная государственными органами. Подобное регулирование, во-первых, развивается в условиях свободной рыночной экономики и конкуренции; во-вторых, является, по сути, мерой экономической природы, отражающей меры неэкономического принуждения; в-третьих, приобретает юридическую форму при осуществлении со стороны государственных структур. Именно такая форма более эффективна для реализации правового регулирования банковской деятельности. Существует два вида банковского регулирования: *валютное* и *пруденциальное* регулирование. Цель валютного регулирования состоит в проведении эффективной денежно-кредитной политики в условиях рыночной экономики; целью пруденциального регулирования является сохранение стабильности и надежности, а также защита интересов вкладчиков. В юридической литературе существует мнение о том, что предотвращение краха каждого отдельно взятого банка не является целью

пруденциального регулирования [2]. Подобное регулирование направлено на защиту системных интересов и поэтому носит макроэкономический характер.

Существует два механизма международного сотрудничества в сфере банковского регулирования: *нормативный* и *организационный*. Организационный механизм предполагает создание структурных институтов (органов), где разрабатываются взаимосвязанные подходы. Нормативный механизм отражает комплекс нормативных средств (документов, актов и т.д.), включающий единые стандарты банковского регулирования. В 1974 году банкротство Банка «Bankhaus Herschtatt», принадлежащего Федеративной Республике Германии, стало причиной первого международного банковского кризиса. В результате этого инцидента был учрежден Базельский Комитет по банковскому надзору. Базельский Комитет был создан в 1975 году с согласия руководителей центральных банков 10 крупных государств (G-10). Как отмечает американский профессор Дж. Нортон, с самого начала своего существования в качестве неформального форума международного сотрудничества, Базельский Комитет поставил перед собой цель сформулировать единообразные подходы к существенным вопросам банковского регулирования посредством выработки рекомендаций и обмена информацией между органами банковского надзора государств, представленных в Базельском Комитете [3]. Одним из первых документов, подготовленных Базельским Комитетом, был доклад по надзору за иностранными банковскими учреждениями (1975). В этом документе, впоследствии ставшем известным под названием Конкордат 1975 года, изложен принцип разграничения полномочий национальных органов банковского надзора в отношении регулирования деятельности банков, функционирующих на территории нескольких государств. Конкордат 1975 года представлял собой документ рекомендательного характера и основывался на следующих ключевых принципах: 1) надзор за деятельностью иностранного банковского учреждения находится в совместной

Руслан МАМЕДЛИ

компетенции органов государства происхождения и государства пребывания; 2) ни одно иностранное банковское учреждение не может избежать надзора; 3) надзор за ликвидностью находится в компетенции органов государства пребывания; 4) надзор за платежеспособностью находится в компетенции органов государства происхождения, если речь идет об иностранном филиале, и в компетенции органов государства пребывания, если речь идет о дочернем банке; 5) практическое сотрудничество должно также включать обмен информацией [4]. У Конкордата 1975 года, наряду с позитивными сторонами, были и недостатки. В частности, в этом документе не было закреплено общепринятое понятие международной банковской группы, в том числе группы, осуществляющей свою деятельность в форме холдинга. Международная банковская группа определялась только как банковский институт, существующий в государстве происхождения, и поэтому он оставался вне банковского надзора. В 1982 году во время банкротства банка «Banco Ambrosiano» правительство Италии выплатило компенсации только тем акционерам, которые находились на территории страны, а акционерам дочернего банка, действовавшего в Люксембурге, компенсации не были выплачены по той причине, что дочерний банк был холдингом. Кризис 1982 года привел к пересмотру Конкордата 1975 года. Новый проект под названием «Принципы по надзору за иностранными банковскими учреждениями» был одобрен Базельским Комитетом в 1983 году. В основу текста нового документа были положены два принципа: 1) ни одно банковское учреждение не должно избежать надзора; 2) надзор должен быть адекватным.

В 1991 году крах британского «Банка международного кредита и торговли» („The Bank of Credit and Commerce International”) выявил ряд недостатков в режиме международно-правового банковского регулирования: отсутствие консолидированного надзора, осуществляемого единым полномочным органом; необоснованное широкое использование оффшорных зон банковского бизнеса, слабый банковский надзор за этими зонами; неадекватное сотрудничество в сфере обмена информацией. Все это привело к тому, что в 1992 году Базельским Комитетом был разработан и принят новый документ под названием «Минимальные стандарты по надзору за международными банковскими группами и их трансграничными учреждениями». Он содержал четыре основных принципа: 1) все международные банковские группы и международные банки подлежат надзору со стороны органов государства происхождения, которые способны выполнять функцию консолидированного надзора; 2) создание трансграничного банковского учреждения должно иметь место с обоюдного согласия органов государства пребывания и государства происхождения; 3) органы государства происхождения имеют

право получать информацию от трансграничного банковского учреждения; 4) если органы государства пребывания обнаружат несоблюдение любого из вышеуказанных стандартов, то они могут применить ограничительные меры, вплоть до запрещения создания трансграничного банковского учреждения на своей территории [5].

В 1995 году крах британского банка «Barings Bank» привлек к себе внимание как Базельского Комитета, так и контролирующих органов Великобритании. Это привело к тому, что в 1997 году был разработан новый документ под названием «Основополагающие принципы для эффективного банковского надзора». В работе над данным документом приняли участие представители таких государств, как Россия, Китай, Мексика, Чили, Чехия, Гонконг и Таиланд. Документ содержит 25 принципов эффективного банковского надзора, которые сгруппированы следующим образом: 1) условия эффективного банковского надзора (принцип №1); 2) лицензирование и структура (принципы №2-5); 3) пруденциальное регулирование и стандарты (принципы №6-15); 4) метод текущего банковского надзора (принципы №16-20); 5) требования к информации (принцип №21); 6) формальные полномочия надзорных органов (принцип №22); 7) трансграничный банковский надзор (принципы №23-25). Остановимся более подробно на содержании отдельных принципов.

Принцип №2 предполагает, что разрешенная деятельность организаций, лицензированных как банки и подлежащих банковскому надзору, должна быть четко определена. Использование слова «банк» в названии таких организаций должно подлежать строгому контролю. В соответствии с Принципом №6, надзорные органы должны четко обозначать стандарт достаточности капитала, касающийся всех банков. Согласно Принципу №20, основной элемент банковского надзора заключается в осуществлении полномочными государственными органами контроля над деятельностью банковских групп на основе консолидации. Несмотря на то, что документы Базельского Комитета не обладают прямой юридической силой (*legal force*), тем не менее, они обладают «юридической значимостью» (*legal significance*). При этом, «юридическая значимость» означает, что эти документы отвечают интересам государства и частных лиц, играют позитивную роль в подготовке правовых норм и в процессе принятия решений органами банковского надзора [6].

Банковский надзор на основе консолидации является одним из подходов к регулированию финансового сектора экономики, предпринимаемых с целью развития системы банковского надзора, осуществляемого органами контроля за банками [7]. Суть надзора на основе консолидации заключается в том, что органы государства происхождения в первую очередь осуществляют контроль за соблюдением в деятельности

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ УНИВЕРСАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

банков экономических нормативов по нормативам достаточности капитала. Для осуществления надзора на основе консолидации Конкордат 1983 года различает три вида зарубежных банковских учреждений: *филиал, дочерний банк, совместный банк*. Одно из основных требований Минимальных Стандартов 1992 года заключается в том, что надзор за деятельностью всех международных банков и банковских групп должен осуществляться органами государства происхождения. Органы государства происхождения: а) должны получать консолидированную финансовую информацию о международных операциях банков и банковских групп; б) должны предотвращать создание банками и банковскими группами иностранных учреждений на территории отдельных государств.

Создание иностранного банковского учреждения осуществляется с согласия органов банковского надзора как государства происхождения, так и принимающего государства. При этом, согласие означает: во-первых, контролирующие органы принимающего государства должны определять, имеется ли согласие на то органов контроля государства происхождения; во-вторых, должна быть установлена возможность обмена информацией; в-третьих, вышеупомянутые органы должны выяснить, способны ли соответствующие органы государства происхождения осуществлять в достаточной степени консолидированный надзор.

В соответствии с пунктом 23 Основопологающих принципов эффективного банковского надзора, органы банковского надзора должны осуществлять глобальный консолидированный надзор, применяя соответствующие пруденциальные нормы ко всем операциям, осуществляемым банковскими организациями. При этом следует уделять особое внимание филиалам, дочерним и совместным банкам международных банковских групп. Пункт 24 Основопологающих принципов эффективного банковского надзора гласит, что ключевым компонентом консолидированного надзора является налаживание обмена информацией. В Основопологающих принципах эффективного банковского надзора редакции 2006 года, подготовленных Базельским Комитетом, принцип надзора на основе консолидации закреплен в виде принципа №24, согласно которому существенным элементом банковского надзора выступает способность компетентных органов осуществлять надзор за банковскими группами на консолидированной основе.

Проблема определения достаточности банковского капитала долгое время была объектом исследований и предметом споров между банками и органами регулирования. Банки, стремясь повысить доходность и объем активов, предпочитают добиваться минимизации капитала, а органы регулирования выступают за увеличение капитала для снижения риска разорения. Термин «достаточность капитала» отражает об-

щую оценку надежности банка [8]. Определение капитала как буфера против ущербов основывается на пропорциональности между риском и ростом капитала. Следовательно, основной принцип достаточности заключается в следующем: объем собственного капитала должен соответствовать объему активов с учетом их уровня риска. Работа Базельского Комитета по вопросам достаточности капитала нашла отражение в докладе «Международная конвергенция измерения и стандартов капитала», подготовленном в 1988 году. Этот документ, известный как «Базельское соглашение по капиталу», включал ряд важных элементов. В 1991 году была утверждена новая редакция Базельского соглашения по капиталу. В этом документе определена двухуровневая структура капитала банка. Основной капитал объединяет в себе постоянный акционерный капитал и открытые запасы. Прибавочный капитал сочетает в себе специфическую категорию ресурсов и гибридные финансовые средства. Общий объем запасов не должен превышать 1,25% стоимости активов. Документ Базельского Комитета под названием «Измерение и контроль за крупными кредитными рисками», разработанный в 1991 году, признавал крупным кредитным риском актив, величина которого составляет более 10% от величины капитала. В этом же документе отмечалось, что максимальная величина крупного кредитного риска не должна превышать 25% капитала банка [9].

Международные нормы универсального характера были приняты также в сфере регулирования различных банковских операций. В международном банковском праве нет правового акта, напрямую регулирующего банковские переводы. Однако можно отметить два важных документа, которые хотя и носят рекомендательный характер, но связаны с этим вопросом: Руководящие указания ЮНСИТРАЛ от 1987 года по электронному переводу средств и Типовой закон ЮНСИТРАЛ от 1992 года о международных кредитовых переводах. В Типовом Законе от 1992 года среди банковских операций упоминается также платежное поручение. В соответствии со статьей 2 Типового Закона, участниками международных кредитовых переводов являются: перевододатель; банк, обслуживающий перевододателя; бенефициар; банк, обслуживающий бенефициара; отправитель; банк-получатель; банк-посредник. Операция международных кредитовых переводов состоит из следующих этапов: 1) вручение перевододателем платежного поручения обслуживающему его банку; 2) вручение банком, обслуживающим перевододателя, платежного поручения банку-посреднику; 3) вручение банком, обслуживающим перевододателя, или банком-посредником платежного поручения банку бенефициара.

Аккредитив, как форма международных расчетов, регулируется как внутригосударственным правом,

Руслан МАМЕДЛИ

так и нормами международного обычая. В настоящее время по отношению к этой форме расчетов действуют Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов 1993 года, подготовленные Международной Торговой Палатой. Правила отражают международные нормы диспозитивного характера. Во 2-й статье Правил дается понятие документарных аккредитивов, отмечается, что документарный аккредитив означает любое соглашение, в силу которого банк-эмитент, действуя по просьбе и на основании инструкций клиента, должен произвести платеж третьему лицу или оплатить или акцептовать переводные векселя, выставленные бенефициаром; или предоставляет полномочия другому банку произвести такой платеж, оплатить и акцептовать переводные векселя; или предоставляет полномочия неготирировать другому банку против предусмотренных документов, если соблюдены все условия аккредитива. Расчеты по инкассо регулируются нормами внутригосударственного законодательства и обычными нормами международного права. Одним из важнейших документов в этой сфере являются Унифицированные Правила по инкассо, принятые Международной Торговой Палатой в 1995 году. В соответствии со статьей 2 Правил, «инкассо» означает операции, осуществляемые банками на основании полученных инструкций с документами, в целях получения платежа и/или акцепта, передачи документов против платежа и/или против акцепта. При этом, «документы» означает финансовые документы (векселя, чеки и др.) и коммерческие документы (счета-фактуры, транспортные документы и др.).

Основным международным договором, регулирующим банковскую гарантию, является Нью-Йоркская Конвенция 1995 года. Главная характерная особенность Конвенции заключается в том, что в ней дается определение резервного аккредитива как одного из видов банковской гарантии. Формирование резервного аккредитива связано с тем, что Правительство США запретило банкам выступать в роли гарантов. В международном праве банковская гарантия регулируется, в основном, нормами международного обычая. Нормы обычая определяются разработанными Международной Торговой Палатой Унифицированными Правилами по договорным гарантиям 1978 года и Унифицированными Правилами по гарантиям до востребования 1992 года.

Развитие регионального сотрудничества в сфере правового регулирования банковской деятельности в рамках Европейского Союза началось одновременно с развитием универсального международного сотрудничества в соответствующей сфере. Их взаимосвязь и взаимодействие – вполне закономерное явление. Рекомендации Базельского Комитета по пруденциальному регулированию банковской деятельности в сфере банковского надзора нашли свое

отражение в Европейском банковском праве; в свою очередь Европейское банковское право, осуществляя инновационное применение соответствующих понятий к международно-правовым структурам, отражает парадигму пруденциального регулирования банковской деятельности, представляющей международное значение.

Сравнивая процессы развития европейского и международного сотрудничества в сфере правового регулирования банковской деятельности, можно обнаружить множество отличий и особенностей. Во-первых, развитие европейского сотрудничества, в отличие от развития международного сотрудничества, не связано с развитием банковской системы в условиях кризиса, а представляет собой результат проводимой в рамках Европейского Союза продуманной политики, направленной, в основном, на гармонизацию европейского права.

В юридической литературе существует мнение, что усилия государств-членов Европейского Союза, направленные на гармонизацию банковского права и практики, служат достижению следующих целей: а) свободы движения капитала, оказания услуг и учреждения предприятий внутри Союза; б) формированию общего внутреннего рынка [10]. С этой точки зрения, основу европейского сотрудничества в сфере правового регулирования банковской деятельности составляют Римский Договор от 1957 года о создании Европейского Экономического Сообщества и Единый Европейский Акт 1986 года. Во-вторых, европейское сотрудничество в сфере банковского регулирования, в отличие от международного сотрудничества, развивалось посредством организационного механизма межгосударственного характера, основа которого заложена Римским Договором 1957 года. В-третьих, европейское сотрудничество в сфере банковского регулирования развивалось с принятием нормативно-правовых актов, имеющих обязательную юридическую силу. Международное сотрудничество в рамках Базельского Комитета и нормативные акты Комитета носят рекомендательный характер и не имеют обязательной юридической силы. Статья 100 Римского Договора 1957 года предусматривает сближение законов, административных актов и других нормативных документов государств-членов, непосредственно касающихся вопросов создания и функционирования общего внутреннего рынка.

Наиболее подходящим правовым средством сближения центральных законов и практик являются *Директивы*. Хотя они не обладают силой прямого действия на территории государства-члена Европейского Союза, тем не менее они служат уникальным средством для достижения государствами поставленной цели в виде юридического обязательства. Директива Европейского Союза является средством гармонизации законодательства государств-членов. Директи-

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ УНИВЕРСАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ва создает общие рамки правового регулирования в определенной сфере общественных отношений без применения общего единства, поэтому она подлежит трансформации во внутреннее право государства-члена Союза. При этом под трансформацией подразумевается приведение собственного законодательства государства-члена Союза в соответствие с нормами Директивы путем изменения, принятия или отмены внутригосударственных актов [11]. Таким образом, Директива обеспечивает общеевропейские стандарты, сохраняя при этом центральные законодательства государств-членов Союза. Первым шагом на пути развития европейского сотрудничества в сфере правового регулирования банковской деятельности в рамках Европейского Союза стало принятие Директивы от 12 декабря 1977 года о координации административных процедур, правил и законов, регулирующих организацию и ведение бизнеса в кредитных организациях (Директивы 77/780/ЕЕС). Впоследствии этот документ получил название Первой Банковской Директивы и заложил основу Европейского банковского права. Однако эта Директива не смогла преодолеть всех препятствий в создании единого внутреннего рынка. 15 декабря 1989 года была принята Вторая Банковская Директива (Директива 89/646/ЕЕС) с аналогичным названием. Основной целью этого документа было создание в рамках Союза единого рынка банковских услуг. Вторая Банковская Директива основывалась на трех принципах: 1) принцип единой банковской лицензии, основанный на доктрине взаимного признания; 2) принцип надзора органов банковского контроля государства происхождения; 3) принцип формирования минимальных стандартов пруденциального регулирования.

Существенным элементом в развитии европейского сотрудничества в сфере правового регулирования банковской деятельности является принцип единой банковской лицензии, основанный на доктрине взаимного признания. Согласно этому принципу, от кредитной организации, получившей лицензию на территории одного из государств-членов Союза, в случае её открытия на территории другого государства-члена Союза не требуется вновь получить лицензию, она только уведомляет об этом органы банковского надзора соответствующего государства [12]. Согласно доктрине взаимного признания, любая кредитная организация, получившая лицензию на банковскую деятельность в государстве происхождения, может осуществлять банковскую деятельность в государстве пребывания, даже в том случае, если эти виды деятельности не указаны в законодательстве государства пребывания. В целом, Директива конкретно определяет возможные виды банковской деятельности. К ним относятся: 1) привлечение депозитов и других возвратных средств; 2) выдача кредитов (потребительских, под залог недвижимого имущества,

финансирование торговых сделок, включая форфейтинг); 3) перевод денежных средств; 4) финансовый лизинг; 5) выдача платежных документов; 6) предоставление гарантий и поручений; 7) операции, осуществляемые за свой счет или за счет клиента; 8) эмиссия акций и меры по их обеспечению; 9) оказание консультационных услуг по структуре капитала, промышленной стратегии, приобретению и слиянию новых предприятий; 10) брокерские услуги на валютных рынках; 11) управление портфелем ценных бумаг; 12) депозитарные услуги и проведение операций с ценными бумагами; 13) оценка платежеспособности клиентов; 14) предоставление в аренду сейфов для хранения ценных предметов и документов.

Вторая Банковская Директива не создала банковскую лицензию Союза, она лишь обеспечила лицензию, выданной на территории одного государства-члена Союза, юридическую силу на территории другого государства-члена Союза.

Очередным важным шагом в развитии европейского банковского права стало принятие Директивы «Об организации и ведении бизнеса в кредитных организациях» от 20 марта 2000 года (Директивы 2000/12/ЕС). Целью принятия этого документа состояла в консолидации ранее принятых Директив. Поэтому новая Директива получила неофициальное название «Европейский банковский кодекс», базировавшийся на следующих ключевых элементах: 1) подтвердил общее определение понятия кредитной организации, а также распространил его на понятие электронной валютной организации; 2) подтвердил положения, касающиеся открытия филиалов, создания дочерних предприятий и оказания услуг; 3) уточнил принципиальные положения, касающиеся создания дочерних предприятий иностранными кредитными организациями третьих стран; 4) сформулировал общие стандарты доступа к организации и ведению бизнеса кредитных организаций; 5) обновил основной принцип сотрудничества между надзорными органами государств-членов ЕС посредством создания Банковского Консультативного Комитета.

Как отмечалось в юридической литературе, принципы гармонизации и взаимного признания, которые лежат в основе внутреннего рынка в сфере банковских услуг, были полностью инкорпорированы в Банковский кодекс [13]. Современный этап в развитии правового регулирования банковской деятельности в Европейском Союзе начался с принятия двух новых директив: это Директивы ЕС от 14 июня 2006 года, относящейся к организации и ведению деятельности кредитных организаций (Директива 2006/48/ЕС), и Директивы ЕС от 14 июня 2006 года о достаточности капитала кредитных организаций и инвестиционных фирм (Директива 2006/49/ЕС), которые действуют ныне в редакции Директивы от 16 сентября 2009 года. Директива №48 выступает как обновленный ва-

Руслан МАМЕДЛИ

риант Европейского банковского кодекса и содержит следующие ключевые положения: 1) дается определение понятия кредитной организации, отмечается, что кредитная организация принимает депозиты, выдает кредиты и выступает в качестве электронной валютной организации. В статье 5 специально подчеркивается, что прием депозитов может осуществляться только кредитными организациями; 2) банковская деятельность может осуществляться только на основе лицензии; информация о каждой выданной банковской лицензии передается в Европейскую Комиссию; 3) подтверждается принцип единой банковской лицензии; 4) кредитная организация, лицензированная на территории какого-либо государства-члена ЕС, вправе открыть свой филиал на территории другого государства-члена в уведомительном порядке; 5) филиалы кредитных организаций третьих стран могут открываться лишь с разрешения компетентных надзорных органов. Информация об этом должна быть передана в Европейскую Комиссию и Европейский банковский комитет; 6) любое юридическое или физическое лицо, намеревающееся приобрести квалифицированную долю в уставном капитале кредитной организации, обязано уведомить об этом компетентные надзорные органы; 7) кредитная организация не вправе иметь квалифицированную долю, превышающую 15% от размера собственных средств, в капитале предприятия, которое не является финансовой либо кредитной организацией. Новая редакция Банковского кодекса представлена Директивой №48. Эта Директива направлена на дальнейшую консолидацию европейского банковского права и представляет собой результат обновления и развития правовых норм ЕС, регулирующих банковскую деятельность.

Консолидированный надзор: европейский подход. В отношении пруденциального регулирования и надзора за деятельностью кредитных организаций европейское банковское право применяет два принципа: принцип контроля компетентных надзорных органов государства происхождения и принцип консолидированного надзора. Первый принцип положен в основу главы «Принципы пруденциального надзора» части V Директивы №48. Этот принцип применяется лишь к банковскому надзору над деятельностью филиалов кредитных организаций, лицензированных на территории государств-членов ЕС. Рассматриваемый принцип тесно связан с принципом взаимного признания банковских лицензий и означает, что функция по надзору за кредитной организацией и ее иностранными филиалами возложена главным образом на компетентные органы государства происхождения [14]. Принцип консолидированного надзора применяется не только к филиалам кредитной организации, расположенным на территории государств-членов ЕС, но и ко всем банковским группам. Принцип консолидированного надзора был детально разработан в

Директиве ЕС от 6 апреля 1992 года «О надзоре за кредитными организациями на консолидированной основе». В Директива сделан особый акцент на двух моментах: 1) небанковские финансовые холдинги включены в орбиту банковского надзора; 2) установлено, что если большая часть операций кредитной организации осуществляется за пределами государства происхождения, надзорную функцию должны выполнять компетентные органы государства, где сосредоточена основная часть таких операций.

Сравнивая современные подходы к консолидированному надзору в международном и европейском банковском праве, следует отметить их постепенное сближение, вызванное влиянием международных правил на европейское банковское право, хотя различия по-прежнему остаются. Основным документом международного сотрудничества по развитию стандартов консолидированного надзора являются Минимальные стандарты по надзору за международными банковскими группами и их трансграничными учреждениями, разработанные в 1992 году Базельским Комитетом по банковскому надзору. В данном документе закреплены три требования к компетентным органам банковского регулирования и надзора. Первый стандарт Базельского документа состоит в том, что органы государства пребывания обязаны оценить, в какой степени органы государства происхождения могут эффективно осуществлять консолидированный надзор. Данная норма прямо противоречит Директиве №48, поскольку принцип взаимного признания банковских лицензий и наличие общих минимальных стандартов пруденциального регулирования запрещает государствам-членам ЕС оценивать эффективность деятельности органов банковского надзора друг друга. Второй стандарт Базельского документа заключается в том, что создание банком трансграничного учреждения осуществляется по обоюдному согласию органов государства пребывания и государства происхождения. Это положение также противоречит Директиве №48, согласно которой кредитная организация, лицензированная на территории одного из государств-членов ЕС и желающая открыть филиал на территории другого, может сделать это не в разрешительном, а в уведомительном порядке. Третье требование Базельского документа также находится в противоречии с требованиями европейского банковского права. Согласно этому требованию, если органы государства пребывания обнаружат ненадлежащее выполнение вышеуказанных стандартов, они могут применить ограничительные меры вплоть до закрытия трансграничного банковского учреждения на своей территории. В нормах же европейского банковского права не предусмотрены такие ограничительные меры, то есть органы государства пребывания не имеют права запретить открытие филиала кредитной организацией [15]. Однако в соответствии с Директивой №48, в случае обнаружения нарушения филиалом

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ УНИВЕРСАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

кредитной организации законодательства государства пребывания, надзорные органы вправе потребовать от кредитной организации прекращения неправомерной деятельности филиала или устранения правонарушения. Если кредитная организация не предпринимает никаких шагов в этом направлении, надзорные органы государства пребывания обращаются с аналогичным требованием к надзорным органам государства происхождения. Если же и после этого филиал кредитной организации продолжает нарушать законодательство государства пребывания, в таком случае надзорные органы государства пребывания вправе запретить осуществление банковских операций филиалом-нарушителем.

На современном этапе в европейском банковском праве вопросы, связанные с достаточностью капитала, регулируются положениями разделов «Собственные средства», «Минимальные требования к собственным средствам для устранения кредитных рисков» и «Минимальные требования к собственным средствам для устранения операционных рисков» части V под названием «Технические средства пруденциального надзора» Директивы №48, а также положениями раздела под названием «Минимальные требования к собственным средствам для устранения рыночных рисков» Директивы №49. Основные положения Директивы Союза от 11 марта 2009 года «О схеме защиты депозитов в кредитных организациях» (Директивы 2009/14/ЕС) заключаются в следующем: каждое государство-член Союза должно осуществлять и оформить одну или несколько схем защиты депозитов на своей территории; схема защиты, применяемая на территории государства-члена

Союза и признанная на официальном уровне, должна быть применена и к филиалам, учрежденным на территории других государств-членов Союза; средства депозитов в денежном выражении в размере 50.000 евро должны быть гарантированы; в случае обнаружения неспособности кредитной организации вернуть вкладчикам их денежные средства, то есть в случае официального подтверждения этого факта компетентным органом или судом, в течение 20 дней вкладчикам должна быть выплачена денежная компенсация.

Таким образом, резюмируя высказывания, связанные с международно-правовыми нормами универсального и регионального характера, регулирующими банковскую деятельность, хотелось бы отметить, что Базельский Комитет по банковскому надзору играет позитивную роль в процессе разработки правовых норм по регулированию банковской деятельности и принятия решений органов банковского надзора, отвечающих интересам государства и частных лиц. Развитие регионального сотрудничества в сфере правового регулирования банковской деятельности в рамках Европейского Союза началось одновременно с развитием универсального международного сотрудничества в соответствующей сфере. Рекомендации Базельского Комитета по банковскому надзору в сфере пруденциального регулирования банковской деятельности отражены в европейском банковском праве. Европейское сотрудничество в сфере правового регулирования банковской деятельности является результатом проводимой в рамках Европейского Союза продуманной политики, направленной на гармонизацию европейского права.

Литература:

1. Dasseuse, M., Isaacs, S., Penn, G. The EC Banking Law. – London, 1994, p. 67.
2. Llewellyn, D. The Regulation and Supervision of Financial Institution. – London, 1986, p. 15.
3. Norton, J. EC Banking Law in an International Context// Cranston R. (ed.). The single Market and the Law of Banking. – London, 1995, p. 165.
4. Hall, M. Handbook of Banking Regulation and Supervision. – New-York, 1993, p. 11.
5. Hall, M. Handbook of Banking Regulation and Supervision. – New-York, 1993, p. 13.
6. Norton, J. Background Note on the Basel Committee, Appendix to Ch. 5. Norton J. (ed.) Bank Regulation and Supervision in the 1990's. – London, 1991, p. 83.
7. Тарасова, О. Банковские группы как объект консолидированного надзора. – Банкаўскі веснік, 2009, № 10, с. 31-40.
8. Усоскин, В.М. Современный коммерческий банк: управление и операции. – Москва, 1994, с. 297-303.
9. The Basel Committee on Banking Supervision. Proposals for the inclusion of general provisions/general loan-loss reserves in capital. – Basel, 1991, p. 23;
10. Walker, G. European Banking Law: Policy and Programme Construction (Sir Joseph Gold Memorial Series). – London, 2007; Usher J. The Law of Money and Financial Services in the EU (Oxford European Community Law Series). – Oxford, 2008.
11. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. – Москва, 2008, с. 147.
12. Gardener, E., Molyneux, P., Moore B. (eds.) Banking in the New Europe: The Impact of the Single European Market Programme and EMU on the European Banking Sector. – New York, 2003.
13. Mohamed, S.A. Single Regulator for the EC Financial Market. – Journal of International Banking Law. 2001, vol. 16, no 8, 9, p. 205.
14. Andenas, M., Avgerinos Y. (eds.) Financial Markets in Europe: Towards a Single Regulator. The Hague, 2003; Quaglia L. Explaining the Reform of Banking Supervision

Руслан МАМЕДЛИ

in Europe: An Integrative Approach. – Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2008, vol. 21, no 3, p. 439 - 463; Katz E. (ed.) Financial Services Regulation in Europe. – Oxford, 2009. 15. Dasse, M., Isaacs S., Penn G., Smith S. The EU Banking Law. – London, 2002; Athanassiou, P. The Role of Regulation and Supervision in Crisis Prevention and Management: A Critique of Recent European Reflections. – Journal of International Banking Law and Regulation, 2009, vol. 24, no 10, p. 501-508.

Summary

In article universal and regional international legal norms regulating banking activity have been analyzed comprehensively on the grounds of international practice as well as various opinions existing in legal literatures. It was noted that in modern time two mechanisms concerning realization of international cooperation in the field of regulation of banking activity had been formed: organizational and normative. Organizational mechanisms imply creation of institutional structures (the system of bodies) which can make approaches with mutual link. But, owing to normative mechanisms embrace the important international norms, relevant domestic measures should be taken by the states for their implementation. In this regard, Constitution, international treaties, supported by our country as well as other normative-legal acts are considered as legal basis of banking activity in the Republic of Azerbaijan. Namely, effective regulation of banking activity can be realized with the view of mutual links.

Keywords: banking law, national legislation, control system, international treaties, normative-legal act.

Шаргия ХАЛИЛОВА,

докторант кафедры международного частного права
и европейского права Бакинского государственного
университета

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ И ЗАЩИТЫ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Человек – достойное, сознательное существо, обладающее свободной волей. Поэтому под правами человека подразумеваются права, применимые всюду и к каждому, являющиеся «защитной крепостью» лица. Они защищают его во взаимоотношениях с другими лицами, обществом и государством, и, вместе с тем, возлагают определенные обязанности как на государство, так и на владельца этих прав [1]. *Права человека – основа существования человечества, мира и прогресса в современную эпоху.* Действительно, права человека не чужды ни одной культуре и присущи всем нациям. Нарушение прав и свобод человека – это не только явление, направленное против личности, но и социальная и политическая проблема, которая приводит к нарушению равновесия между государством и обществом, насилию и конфликтам в самом обществе [2]. Для определения места права на юридическую помощь в системе прав человека мы считаем целесообразным, в первую очередь, внести ясность в вопрос классификации прав человека и системы прав человека. Классификация прав человека означает разбиение комплекса прав человека на группы по различным критериям. Под системой прав человека подразумевается органическая связь этих прав и свобод и группировка их в соответствии с определенными классификациями. В научной литературе существуют различные мнения в связи с классификацией прав человека. Согласно широко распространенной классификации, выдвинутой французским ученым К.Васаком [3], выделяются три поколения прав человека. Согласно этой концепции, первое поколение прав человека составляют гражданские и политические права, второе – социально-экономические и культурные права, а третье поколение – это коллективные права, или так называемые права солидарности.

Первое поколение прав человека охватывает гражданские и политические права. Оно состоит из самых «старых» прав, сформировавшихся на основе идей американских и европейских философов и

юристов XVIII века. Однозначно ответить на вопрос о том, кто является основателем первого поколения прав человека, достаточно трудно. Поскольку речь идет об «естественных» правах, то сама постановка вопроса о первоначальном основателе этих прав представляется спорной. Однако при этом стоит назвать имя Джона Локка. Он считал, что обладание всех людей правом на жизнь, свободу и собственность является «законом природы». Поэтому источник этих прав следует искать в создании человека Богом: подобно тому, как Бог при создании человека дал ему руки и ноги, глаза и уши, точно таким же образом он наделил всех людей равными правами на прекрасную жизнь человека в этом прекрасном мире [4]. По мере развития идей и теорий о правах человека, эти права были закреплены в Уставе ООН, во Всеобщей Декларации прав человека, в Международном пакте от 1966 года о гражданских и политических правах, а также в Международном пакте от 1966 года об экономических, социальных и культурных правах.

Второе поколение прав человека охватывает экономические, социальные и культурные права. Признание этих прав является результатом компромисса между капиталистическими и социалистическими государствами. Место социальных и экономических прав на международном уровне было определено еще до достижения компромисса между государствами. Такие факторы, как строительство после Второй мировой войны во многих европейских странах государств социалистической направленности, принятие соответствующих конвенций Международной Организацией Труда, принятие в 1961 году Советом Европы Европейской Социальной Хартии стали толчком к этому процессу [5]. Обычно в юридической литературе социальные, экономические и культурные права преподносятся как права второго поколения. При этом слово «второе» означает, что хронологически эти права и спрос на них возникли позднее прав первого поколения. Действительно,

Шаргия ХАЛИЛОВА

либеральная философия в первую очередь останавливалась на правах первого поколения. Права второго поколения впервые привлекли внимание социалистов. А западная философия обратила на них внимание лишь во второй половине XX столетия.

Права третьего поколения, сформировавшиеся после окончания Второй мировой войны, основываются на идее солидарности и сочетают в себе так называемые возможности права на солидарность («коллективные права», «права народов», «синтетические права») – право на развитие, право на мирную жизнь, право на здоровую окружающую среду, право на общее наследие человечества, право на гуманитарную помощь, право на коммуникацию [6]. Известный ученый Е.А. Лукашева, определяя права человека как средства самого существования личности, отличающиеся нормативной структурой, подчеркивает, что эти средства являются важным и неотъемлемым условием жизни человека, взаимоотношений между обществом, государством и индивидами. По мнению автора, под основными правами человека подразумеваются права и свободы, закрепленные в конституциях государств и Международном Билле о правах человека, а также в Европейской Конвенции и Европейской Социальной Хартии [7]. Поскольку право на юридическую помощь обладает отмеченными качествами, то его можно отнести к основным правам человека.

С научной точки зрения, содержание, назначение и правовой характер прав и свобод человека должны быть исследованы во взаимосвязи с нормативно-правовыми аспектами внутригосударственного и международного права. В этом контексте право на юридическую помощь относится к группе личных прав, которые, в свою очередь, включают *общие права* и *конкретизирующие права*. К *общим правам* относятся право на жизнь, право свободы личности и т.д. К *конкретизирующим правам* относятся право на защиту чести и достоинства, право неприкосновенности личной жизни, уголовное право, процессуальные гарантии и т.д. Таким образом, право на юридическую помощь относится к процессуальным гарантиям личных прав и свобод. На наш взгляд, встречающиеся в юридической литературе мнения о разделении права на юридическую помощь с точки зрения классификации субъективных прав в виде частных и публичных прав также представляется интересным [8]. В этой связи следует отметить еще один важный момент о том, что право на юридическую помощь имеет особо важное значение в деятельности субъекта в публичной сфере (в случаях привлечения к уголовной ответственности, наложения административного ареста и т.д.). Юридическая помощь необходима также в ходе реализации частных отношений, связанных с частной собственностью. Поскольку содержание и сущность самой

частной собственности носит правовой характер, то реализация права частной собственности невозможна без юридической помощи.

Право на юридическую помощь, в зависимости от формы его реализации, *может быть включено в категорию индивидуальных и коллективных прав*. С индивидуальной реализацией прав все понятно. Реализация коллективной юридической помощи означает оказание нескольким лицам юридической помощи по одному и тому же вопросу. Например, коллегиальное рассмотрение какого-то вопроса и предоставление соответствующей информации лицу, обратившемуся за помощью.

Рассмотрим далее вопрос о связи права на юридическую помощь с прочими правами и свободами. Некоторые авторы, считая, что это право больше связано с политическими правами, даже право обвиняемого на защиту в суде относят к категории политических прав. Эти авторы обосновывают свои позиции тем, что право обвиняемого на защиту относится к числу прав, обеспечивающих неприкосновенность личности, и сочетает в себе защиту прав и законных интересов граждан в уголовном процессе [9].

По нашему мнению, любые виды конституционных прав в той или иной форме связаны с политической. В этой связи, право на юридическую помощь также не является исключением, однако было бы неправильным рассматривать это право как сугубо политическое право. Социальная значимость права каждого на квалифицированную юридическую помощь заключается в том, что это право, по своей сути, является важной гарантией осуществления прав и свобод человека и гражданина. Превентивная функция, являющаяся одной из функций этого права, не только способствует закономерному осуществлению прав и свобод лица, но и гарантирует предотвращение действий органов государственной власти и их должностных лиц, направленных на незаконное ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Право каждого на пользование помощью защитника, как один из видов права на качественную юридическую помощь, взаимосвязано с другими правами, закрепленными в Конституции (право на защиту своих прав не запрещенными законом методами и средствами, право на свободу, право на судебную защиту), и обеспечивает их осуществление. Более того, главная цель права на пользование помощью защитника, как одного из основных элементов правосудия, заключается в гарантировании реального (действительного) равенства сторон в уголовном процессе, обеспечивая подозреваемого или обвиняемого защитником. Право на юридическую помощь больше связано с личными правами, закрепленными в Конституции. Реализация и защита таких прав,

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

как право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, невозможны без права на юридическую помощь, так как право на юридическую помощь позволяет определить уровень предоставления лицу вышеназванных прав. Кроме того, без оказания юридической помощи невозможна защита перечисленных прав.

Существует важная взаимосвязь между правом на жизнь и правом на юридическую помощь. Например, неоказание правильной юридической помощи лицу, нанесшему тяжкое телесное повреждение другому лицу в ходе необходимой обороны, может привести к лишению этого человека свободы на срок до восьми лет. Право на свободу больше связано с правом на юридическую помощь. Именно при ограничении права на свободу возникает необходимость в праве на юридическую помощь. Эту мысль подтверждают пункт 3 статьи 61 Конституции Азербайджанской Республики, где закреплено право на юридическую помощь. Юридическая помощь является обязательным условием для реализации почти всех социальных прав. Так, возможность пенсионного обеспечения лица, проработавшего в течение долгих лет, но не имеющего (по причинам, не зависящим от этого лица) трудовой книжки (то есть признание юридического факта), должен объяснить ему специалист данной сферы или профессиональный юрист, в противном случае этот человек не сможет, пользуясь предоставленной ему законом возможностью, добиться пенсионного обеспечения. Как видно из этого примера, в данном случае право на юридическую помощь является решающим условием для реализации права на социальное обеспечение.

Говоря о социальных правах, следует обратить внимание на один важный момент. Сама бесплатная юридическая помощь считается социальным правом, так как этот вид юридической помощи осуществляется государством с целью оказания помощи малообеспеченной части населения.

Право на юридическую помощь тесно связано с экономическими и культурными правами. Экономическая жизнь страны регулируется нормами права, поэтому знание этих норм и своевременное использование их очень важно для участников гражданского оборота. Именно поэтому право на юридическую помощь является важным фактором в реализации таких прав, как право собственности, право свободного предпринимательства. Например, в ходе рассмотрения споров, связанных с долговыми обязательствами, лицо, обладающее достаточными доказательствами, но не соблюдавшее процессуальных сроков (из-за отсутствия необходимых знаний и опыта в этой сфере) может проиграть спорное дело. При этом своевременно оказанная юридическая помощь может решить во-

прос в его пользу. Право на юридическую помощь в определенной степени связано и с культурными правами. Здесь основное внимание необходимо уделять праву на образование. Массовая реализация права на образование является важным условием культурного и научного развития страны. В частности, оно служит в качестве фактора, открывающего путь к серьезным изменениям в правосознании населения. Образование и просвещение – важное условие развития всех видов права, в том числе и права на юридическую помощь. Лицо с высоким уровнем образования или обладающее хотя бы определенным уровнем правосознания, трудно обмануть или переубедить, злоупотребляя его доверием. Иногда юридическую помощь такие лица оказывают себе сами.

Поскольку право на юридическую помощь относится к правам в юридической сфере, оно непосредственно связано с правом на судебную защиту, с презумпцией невиновности, с правами задержанных, арестованных и лиц, обвиняемых в совершении преступлений, с правом на дачу показаний. В соответствии с Конституцией Азербайджанской Республики, а также согласно основным законам большинства цивилизованных государств, каждому гарантируется судебная защита своих прав и свобод. Это означает, что лицо, обратившееся в суд, вправе не воспользоваться помощью адвоката, так как в любом случае в судебном заседании судья предоставит этому лицу необходимую информацию по данному вопросу. Но в реальности не все бывает так, как это закреплено в законе, то есть всегда встречаются недобросовестные или некомпетентные судьи. Поэтому для того, чтобы не страдать от таких случаев, необходимо правильно оценивать ситуацию и обращаться к профессионалу.

Резюмируя вышесказанное о месте права на юридическую помощь в системе прав человека, хотелось бы отметить, что право на юридическую помощь вовсе не вступает в коллизию с другими конституционными правами, а напротив, является необходимым фактором для реализации и защита этих прав. В системе прав человека право на юридическую помощь относится к правам первого поколения (гражданским и политическим правам) и имеет публично-правовое содержание. Иными словами, право на юридическую помощь, как форма выражения свободы личности, связано с такими фундаментальными правами, как право на свободу, право на жизнь и личную неприкосновенность. Что касается права на судебную защиту, презумпции невиновности, прав задержанных, арестованных и лиц, обвиняемых в совершении преступлений, права на дачу показаний, то все эти права непосредственно связаны с правом на юридическую помощь.

Шаргия ХАЛИЛОВА**Литература:**

1. Mehdiyev, F. Nəzəriyyə və Təcrübədə İnsan Hüquqları. Dərs vəsaiti. – Bakı: Qafqaz Universiteti Nəşriyyat Komissiyası, 2013, s. 17.
2. Essentials of Health Care Finance. William Cleverley, Paula Song, James Cleverley. 2010.
3. Hüseynov, L. Beynəlxalq hüquq. Dərslik. Hüquq Ədəbiyyatı Nəşriyyatı, 2002, s. 181.
4. Hacker ,Andrew. Political Theory. Macmillian Company. – New York, 1961, p. 269.
5. Азаров, А., Ройтер, В., Хюфнер, К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. – Москва: Московская школа прав человека, 2000, с. 35.
6. Əliyev, Ə.İ. Müasir beynəlxalq hüquqda insan hüquqları, əhali və miqrasiya problemləri. Dərslik. – Bakı, 2007, s. 31.
7. Лукашева, ЕА. Права человека и процессы глобализации современного мира. – Москва: Норма, 2007, с. 72.
8. Тихомиров, Ю.Л. Современное публичное право. – Москва: Эксмо, 2008, с. 126-134.
9. Мицкевич, А.В. Субъекты советского права. – Москва, 1970, с. 52.

Alexei GUTU,
Doctor of Law,
Dean of the Faculty of Protection, Guard and Security,
State University of Physical Education and Sport,
Republic of Moldova

THE CONCEPT AND ESSENCE OF LEGAL LIABILITY

Legal liability represents one of the fundamental institutions researched and used in theory of law [1, p. 11]. Due to its complex and multidimensional character, currently, there is no single opinion regarding the essence, contents and forms for the manifestation of liability in the science of law. Legislation and jurisprudence do not generally define the notion of liability, limiting themselves with just emphasizing some of its forms. Thus the general theory of law has the difficult task of studying all the aspects connected to the legal liability issues and to provide a unitary terminology applicable in all branches of laws.

Considering that the law is a social phenomenon, liability draws its lifeblood in social responsibility and is a form of it. Thus, liability viewed in conjunction with social responsibility presents itself as the ratio of the part and the whole, the first being the part and the second being the whole. At the same time, we should mention that in addition to liability, literature also highlights other forms of social responsibility. Thus, P. Hacıurov reveals three forms of social responsibility: political, legal and moral [2, p. 27] and N. Vitruk highlights only two forms: „moral responsibility and legal liability” [3, p. 206]. A. Cerneavskii, in her turn, reveals seven forms of social responsibility: moral, civil, legal, political, party, family and production [4, p. 31]. So, in literature, there is no uniform opinion on the forms of social responsibility, which is probably due to several reasons, like the criteria underlying their typology, the complex and evolving nature of society etc. Our opinion in this respect supports the position of D. Baltag, who highlights the idea that the forms of social responsibility are determined by the evolutionary character of various categories of social norms, and therefore the social responsibility system will evolve along with the society [1, p. 39-40]. Moreover, the defining features and hallmarks of social responsibility are reflected in each of its forms. Thus, legal liability, as a form of social responsibility, retains some traits owned by the latter.

From the facts enumerated above, we may conclude that responsibility does not refer exclusively to law. Its

sphere of action is very broad and may be found in every area of social life. Thus, except for the unorganized social relations, most human actions are likely to generate a form of responsibility. Considering that people do not usually act in an indifferent, passive and neutral setting, but rather in a social environment in which human behaviour is assessed and valued by social norms regarding the limits in which an action and its possible consequences do not threaten the general interest, most human behaviours may generate some form of responsibility.

According to H. Grossmann, liability only occurs when a person's behaviour has a meaning and affects the interests of other members of society [5, p. 49]. Responsibility is a result of the correlation between the necessary and the essential. Responsibility involves freedom, and for freedom not to create anarchy liability is necessary [6, p. 3-7]. So, in essence, liability implies an institutionalized system of values and norms and is triggered in all cases where a violation of conduct rules of the respective social system occurs.

Particularly with the advent of a regulator in society – the law, says prof. V. Babaev, liability for violations of norms that constitute it, has acquired a legal character, being guaranteed and insured by the state [7, p. 48-52]. Legal liability is based on an official finding usually made by the state. That is why liability is closely linked to the activity of state bodies and certain officials. This, however, as B. Negru reports, in no way means that the liability is absolutely isolated from the work of other people and subjects of law, as well as other forms of social responsibility. On the contrary, liability is in close connection and interdependence with them. Such a bond is determined by several factors, primarily due to the fact that:

- a) the sphere of regulating a number of categories of social norms often coincides (e.g. theft as a socially endangering fact is unacceptable not only from the point of view of the juridical norms, but also from the standpoint of other categories of social norms: moral, religious etc.);
- b) the purpose of the state to fight illegal acts coincides with the purpose of various non-state organizations

Alexei GUTU

[8, p. 467-468]. We should mention also that in the legal literature we will find both: the term liability as well as that of responsibility.

Thus, we plan to make some clarifications on the terminology aimed at explaining these concepts.

In Romanian, in the common language, liability and responsibility are terms used interchangeably, as demonstrated by the Explanatory Dictionary of the Romanian language, which even establishes the equivalence of these terms. Respectively, responsibility is defined as „the obligation to perform a task, to respond, to give an account of something ...” while liability is defined as „the act of responding”, „responsibility” [9, p. 778; 801]. The equivalence of those terms is probably due to the fact that in other languages liability and responsibility are designated by a single term. For example, in French we have „responsabilité”, while in Russian there is „ответственность”. We must also consider that the terms mentioned in these languages are polysemic and embed both meanings reflected by the notions of liability and responsibility in Romanian.

Thus, the Larousse dictionary provides several meanings for the term „responsabilité”: the obligation to repair the damage caused to another; the obligation to bear the punishment stipulated for the committed offense; the ability to make a decision, etc. [10, p. 802].

In Romanian, the law carries different meanings for these concepts, within the legal sphere. For example, M. Florea, makes a distinction between liability and responsibility, based on the character of relationships emerging between the individual and the society. Thus, by responsibility he understands assuming the aware and deliberate adoption in relation to the community and one’s own consciences of „an active and militant attitude to the community, of the concern for the success and risk, result and efficiency, consequences and value of the activity that is carried out or lead by the agent...”, while liability, unlike responsibility, is characterized by a relation that exists between the author of the action and the authority of the abovementioned community [11, p. 30].

M. Badescu also notes that liability differs from responsibility in that it is not an internal dimension of the individual, derived from a relation that the individual establishes between himself and the community willingly and with interest, but it is rather a phenomenon that the collective authority, often institutionalized through rules, assigns to an individual who supports it, as something from the outside and accepts it as an obligation in a sometimes coerced, undesirable fashion [12, p. 115].

According to A. Halvek, responsibility imposes liability for the consequences of the acts that are not imposed as obligations by a rule, an order, a law [13, p. 162], because it advocates for their successful completion.

The concepts concerning liability, crystallized within the science of law, have been grouped by D. Baltag into two categories: 1) the concepts under which liability is

an attribute of the illicit conduct that attracts the use by the State of coercive force and sanctions; 2) the concepts according to which liability holds a dual meaning which, besides legal liability (that is considered negative or retrospective) includes responsibility (that is considered to be positive) [1, p. 11-12]. According to the statements in the first group, legitimate behaviours are not considered at all in terms of legal liability, while representatives of the second group argue that liability is assessed not only in terms of assumption of unfavourable consequences for the committed acts, but highlighting another aspect: liability as the respect and acknowledgement of behaviour in relation to the social values of the respective society (responsibility). According to the authors who share this opinion (L. Barak [14], M. Costin [23], N. Vitruk [3], N. Matuzov [15], E. Iurceak [16]), legal liability arises when hiring a person to perform an obligation, and not from the moment when they had breached the obligation. Thus, in their view, liability may manifest itself dually: before committing the illegal act (responsibility) and after committing the illegal act (liability).

Supporters of the traditional definition link liability to committing the illegal act. However, in this group, opinions regarding the concept of legal liability differ from one author to another. So, in defining legal liability authors emphasize the coercive character of the state: they either define it as a set of rights and obligations or identify it with obligation or with sanction.

Thus, O. Ioffe and M. Sargorodski define legal liability as a measure of coercion by the state, which is based on the legal assessment of the infringement and characterized by the establishment of negative consequences for the delinquent [17, p. 314- 318].

According to O. Ioffe, not all forms of coercion by the state may be identified with legal liability, but only those that are punitive. Therefore, liability, as a form of state coercion, unlike other forms of state coercion, is solely expressed through sanctions [18, p. 3-39].

R. Halfina defines liability as the consequence occurring after committing illegal acts characterized by the emergence of new obligations or the modification of the existing ones [19, p. 320].

Prof. S. Bratusi notes that liability is basically an obligation, that will be executed through the application of coercion when the citizen or organization does not carry it out of their own accord [20, p. 15].

Gh. Bobos defines legal liability as a legal relation of constraint having legal sanction as its object [21, p. 264]. Prof. G. Vrabie also defines liability as a legal relation, the contents of which must include not only obligations but also rights, and its birth is not intended voluntarily by the subject of the liability who does not aspire to be held liable, but, hopes to avoid being held so [22, p. 145]. According to M. Costin, liability is a complex of rights and obligations [23, p. 25].

Upon analysing the traditional definition of legal li-

THE CONCEPT AND ESSENCE OF LEGAL LIABILITY

ability, D. Baltag concludes that „liability is an attribute of the illicit behaviour that attracts upon itself the state’s force of coercion and sanction” [24, p. 20].

In conclusion, we consider that the multitude of definitions regarding legal liability can be divided into several groups according to which:

- Legal liability is an *obligation* that results from the committing of an offense;
- Legal liability is a *method of carrying out a form of state coercion*;
- Legal liability represents a *complex of correlative*

legal rights and obligations that, according to the law, appear as a result of the committing an offense and constitute the framework for realization of state coercion by means of the legal sanction in order to ensure the stability of social relations and guide the members of the society towards respecting the law and order.

As for legal responsibility, we perceive it as being complementary to legal liability. Legal responsibility does not exclude legal liability, however, it is not reduced to it either, in the same way as legal liability doesn’t exclude legal responsibility, but it doesn’t necessarily imply it.

Bibliography:

1. Baltag, D. Teoria răspunderii și responsabilității juridice. – Chișinău: Universitatea Liberă Internațională din Moldova, 2007. – 437 p.
2. Хачатуров, Р. Общая теория юридической ответственности. – Москва: Юридический центр Пресс, 2007. – 950 с.
3. Витрук, Н. Общая теория юридической ответственности. – Москва: Норма, 2009. – 259 с.
4. Чернявский, А. Юридическая ответственность: Учебное пособие. – Москва: Закон и право, 2012. – 335 с.
5. Гроссман, Х. Философские проблемы общественного развития. – Москва: Юридическая литература, 1974. – 315 с.
6. Лучин, В. Ответственность в механизме реализации Конституции. – Право и Жизнь, 1992, № 8, с. 3-7.
7. Бабаев, В. Норма права как истинное суждение. – Правоведение, 1976, № 3, с. 48-52.
8. Negru, B. Negru, A. Teoria generală a dreptului și statului. – Chișinău: Bonos Offices, 2006. – 520 p.
9. Dicționarul explicativ al limbii române. – București: Editura Academiei, 1984. – 1136 p.
10. Nouveau petit Larousse. – Paris: Librairie Larousse, 1971. – 1352 p.
11. Florea, M. Responsabilitatea acțiunii sociale. – București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1976.
12. Bădescu, M. Teoria răspunderii și sancțiunii juridice. – București: Lumina Lex, 2001. – 131 p.
13. Halvek, A. Problema responsabilității. – Revista de Filozofie, 1975, nr.2, p. 152-168.
14. Barac, L. Constantele și variabilele dreptului penal. – București: Tempus, 1995. – 270 p.
15. Матузов, Н. Правовая система и личность. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. – 295 с.
16. Юрчак, Е. Теория вины в праве. – Москва: Проспект, 2016. – 160 с.
17. Иоффе, О. Шаргородский, М. Вопросы теории права. – Москва: Госюриздат, 1961. – 380 с.
18. Иоффе, О. Вина и ответственность по советскому праву. – Советское государство и право, 1972, № 9, с. 33-44.
19. Халфина, Р. Общее учение о правоотношении. – Москва: Юридическая литература, 1974. – 351 с.
20. Братусь, С. Юридическая ответственность и законность: Очерк теории. – Москва: Юридическая литература, 1976. – 216 с.
21. Boboș, Gh. Teoria generală a dreptului. – Cluj: Dacia, 1994. – 280 p.
22. Vrabie, G. Popescu, S. Teoria generală a dreptului. – Iași: Ștefan Procopiu, 1993. – 186 p.
23. Costin, M. Răspunderea juridică în dreptul Republicii Socialiste România. – Cluj: Dacia, 1974. – 220 p.
24. Baltag, D. Teoria răspunderii juridice: aspecte doctrinare, metodologice și practice: Teză de doctor habilitat, Universitatea Liberă Internațională din Moldova. Facultatea Drept. – Chișinău, 2008. – 292 p.

Резюме

Юридическая ответственность – важнейший институт любой правовой системы и один из существенных признаков права. В силу этого проблема юридической ответственности занимает одно из центральных мест в общей теории права и в отраслевых юридических науках. Несмотря на ее традиционный характер, она всегда актуальна. Ответственность есть обязательное условие, гарант свободы. Свобода, чтобы не превратиться в свою противоположность – анархию и произвол, невозможна без ответственности: чем полнее свобода, тем выше ответственность.

Ключевые слова: юридическая ответственность, права, свободы, обязанность, правопорядок, правонарушение, правовое наказание.

Victor MORARU,
Doctor habiliy in Political Science, professor,
Institute of Legal and Political Research of the Academy
of Sciences of Moldova

Liliana RUSU,
Doctoral Student,
Moldova State University

FORMS OF NEW MEDIA APPLIED IN GOVERNMENT COMMUNICATION PROCESS OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

As mentioned by Domenico Fisichella, the actual democratic political systems are the result of a series of social and economic transformations – indispensable elements for the prosperous development of many European states. The Italian political scientist defines as changes with major impact on politics the three industrial revolutions. The first industrial revolution is the derivative of the autonomous action of the economic system, characterized by intensive use of „mechanisms in the production process instead of manual work”, accompanied by the development of the class of entrepreneurs and owners [5, p. 147].

Unlike the first industrial revolution, which can be defined as „revolution of the mechanisms”, the second can be called „revolution of the organization” and includes the following features: the improvement of production process by the practical application of scientific and technical achievements, the rationalization of economic development and the transforming action of human being upon nature, the development of Small and Medium Enterprises [5, p.147].

The third industrial revolution, described in scientific literature as information revolution, is the indicator of *technotronic society* and, according to Zbigniew K. Brzezinski, it is characterized by the emergence and rapid development of new communication and informa-

tion technologies. This idea was completed by Daniel Bell with the notion *post-industrial society*, which signifies the cybernetics extension and the increased role of research centres, of scientific associations and universities in the creation of innovative solutions, applicable for the future development of society. For the political sphere, according to Domenico Fisichella, this time of emergence of new media has contributed to start the era of *electronic democracy*, seen in the context of representative democracy, as a possibility to reform the dialogue between the government and the governed, to eliminate the spatial and temporal barriers of information transmission-reception, to exercise political control.

In the case of notion *political control*, we note that according to the definition given by D. Fisichella, in his book *Political science. Problems, concepts, theories*, it has the same connotation as expression *receiver control over the communication process*, used by Sally J. McMillan and later by a group of researchers of the University of Rochester: Paul Ferber, Frantz Foltz and Rudy Pugliese for the investigation of political communication process achieved through new media and for the elaboration of two basic Models of Cyber-Interactivity. For these researchers, concerned with the identification of basic elements of online communication established between political actors and citizens and the investigation

FORMS OF NEW MEDIA APPLIED IN GOVERNMENT COMMUNICATION PROCESS OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

of political websites' progress toward the ideals cyberdemocracy, the *high level of receiver control* means: in the case of unidirectional communication – the presence of the element *feedback*, that of symmetrical, bidirectional communication – achieving a mutual dialogue and in the case of three-way communication – the establishment of public discourse. Similarly, but in terms specific for the field of political science, the notion *political control* has the connotation of „pluralism of information”, „lack of censorship on information, on language and on the content of communication”, „identifying the location of centers for issuing messages in order to avoid their monopolistic concentration” – a series of opportunities of the Industrial Revolution and „guarantees able to reduce political risks” [5, p. 147].

The representativity and the responsibility are, according to prof. D. Fisichella, the main indicators of good functioning of actual political institutions from the majority of European democratic states. In this context, the increased level of political participation of citizens, as a result of using new media in the process of communication between political leaders and the public from online environment, has its premise „in the efficiency and in the maintenance of representative institutions”. Among these structures, due to its main attributions, the government has an important role in the process of political communication. We mention here: the elaboration of normative acts and formulation of public policies, which sums all regulatory and operational interventions aimed at ensuring the welfare of all citizens.

The government communication is therefore part of the institutional political communication, achieved during the period of the exercise of political power. In this context, it means a continuous campaign to inform voters, a flow of information, continuously updated, which ensures the transparency of government policies. The main strategic elements of this form of institutional political communication: speeches, informative notes help ensure visibility for government action and hence of its legitimacy and appreciation.

The main forms of new media applied for the government communication in the Republic of Moldova are: official websites (of the Government, Ministries, State Chancellery) and Facebook page, Twitter and YouTube accounts of these institutions. Referring to the importance of using the Internet in political communication, Philippe J. Maarek has defined the global network as the newest, most profitable and most „polyvalent” channel for transmitting information [7, p. 140]. In this regard, the political sites were assessed as multimedia communication means, understanding through this qualification the possibility to achieve bidirectional communication - when an internet user only consult the information posted on these online platforms, of bidirectional communication – whether it is possible the feed-back by sending a message via e-mail, of simultaneous bidirectional communication

– when the flow of information is transmitted in real time (Chat, Skype, discussion with the participation of several persons). On the basis of the criterion *categories of Internet usage in the process of political communication*, the French researcher established three main categories of political websites, distinct as content and purpose:

1. *websites created to be used during the election campaign*, focused on creating a positive image of the candidate at influencing the voting behaviour of the electorate (the people undecided), increasing the number of voters, defeating the opponents and obtaining political power,

2. *websites used during the exercise of political power*, serving to disseminate information on the activities of representative institutions,

3. *websites of small political parties*, particularly used for viewing a program, increasing the number of members, training for participation in future election campaigns.

Usually, the websites used in the electoral communication, contain following categories of information: information about the candidate (biography, photos), political program and campaign slogan of political leaders, information on activity in the pre-election period (excerpts of speeches, reports, visits agenda), forums and e-mail for direct dialogue with voters from online environment.

The websites of small political parties are focused on the transmission of messages promoting new political groups and increasing the number of militants.

The websites, used during the exercise of political power by the main political institutions of the state, are focused on the respect of three basic principles: representation, accountability and increasing of political participation. So, examined under the *New Model of Cyber-Interactivity*, developed by the research team of the University of Rochester (Paul Ferber, Frantz Foltz, Rudy Pugliese) the websites of representative institutions can be described as a means of effective communication, which exceed the limits of the online platforms as a brochure, use the multimedia elements and correspond to the requirements of cyberdemocracy. Content analysis of these online platforms of political communication and the quantification of technical characteristics of information indicators and interactivity indicators will allow us to determine the level of receiver control and the type of communication (asymmetric, symmetric).

These data, according to the results obtained by Ferber and his collaborators, can provide response if examined political websites promote public deliberation and, respectively, correspond to the ideal of democratization of dialogue between government and governed. Taking into account the definition of *political control*, formulated by Domenico Fisichella, we note that the same set of indicators will allow us to observe the impact of online communication platforms for ensuring proper functioning of representative institutions.

Victor MORARU, Liliana RUSU

The current version of the official website of the Government of Republic of Moldova includes, on the homepage of this online platform, the following 5 main categories of information:

1. *Government* (with the following sections: *Cabinet Ministers, Ministries, Central administrative authorities, Government meetings, Online Government meetings, State Chancellery, Bureau of reintegration, Government legal framework*),

2. *Media* (where are presented: *Press releases, Photo gallery and Video gallery*),

3. *Decisional transparency* (where is posted information concerning *Business plans, the National Council for Participation, Public consultations*),

4. *Useful information* (contains the following list of information: *Government activity programme, Useful documentation, Information about petitions addressed to the Government, Schedule of meetings of Heads of Government with citizens, Reports, Social and economic situation of RM, archive, Information in subject area order*),

5. *Contacts* (section where are posted: schedule of meetings of Heads of Government leadership, the list with data about the Government communicators, including name, held position and the institution in which they activate, phone number and e-mail of the personnel responsible for this activity, map and address of the Government building).

Evaluated on the basis of *technical aspects*, the official website of the Government of Republic of Moldova includes all necessary elements for smooth operation of online communication platform: site search engine, site plan, information as text, photos and video images, downloadable documents, external links. On the basis of criterion *frequency of updates*, all the information posted on this website can be classified into 3 categories:

1. daily updated information (for example: *Events and Agenda*, focused on visualization of Prime Minister's activity, in order to implement those stipulated in Government Action Plan);

2. updated information according to events agenda (section *Online Government meetings* is an example of posting information on the day of the event and for ensuring transparency in the activity of Cabinet of Ministers);

3. rarely updated information (for example: the documents from the section *Government legal framework*).

Such classification justifies the theory that political websites, due to their increased capacity to inform citizens, have reformed the domain of political communication. As mentioned by Sara Bentivegna, the great advantage of using new technologies, in the case of political communication, derives from the possibility of „restoring the direct link between citizens and representatives of political power” and the opportunity „of new forms of participation in democratic processes” [2, p. 334].

Analyzed from the perspective of the main *indicators*

of information, the official website of the Government of Republic of Moldova is a successful realization of two principles related to the specific activity of this institution: the representativity and the responsibility. Government activity programme, Government Action Plan, Events Agenda, informative notes on the main activities of the Prime Minister, links to the official websites of the 16 ministries – are information which enhance the image of the Government as part of a representative system, characterized not only by „relationship between representatives and those they represent”, but also by „the relationship between representatives and their colleagues” [5, p. 263]. The second principle, which includes „the personal responsibility of ministers” and Prime Minister's activity, expresses the collective dimension of government communication [5, p. 282]. In electronic format, this responsibility (of Prime Minister, of Ministers and of functionaries of this representative institution) is viewed by posting *Online Government meetings* and excerpts of the minutes of these meetings, press releases on the activities of Members of Government (in section *Media*), *Photo gallery* and *Video gallery*, reports, statistical data. Consequently, the access to this data gives legitimacy of government action and possibility to be appreciated by the citizens. The main indicators of interactivity, which allow (in the case of some forms of new media) the establishment of direct dialogue and overcoming challenges of unidirectional communication, specific for traditional systems of mass communication (newspapers, radio, TV), can be determined by the presence and operation of structural elements of political websites: site search engine, active e-mail to political actor or contact forms, e-subscriptions, online polling, public forums. The presence of e-mail addresses of the Moldovan government communicators, of site search engine and online forms for receiving messages addressed to the Government by the citizens, confirms the establishment of two-way communication with low level of receiver control and aspect of responsible dialogue. Increase the level of political participation of citizens and the establishment of public discourse is the major objective of another site of the Government of RM - <http://particip.gov.md/>, where the process of transmission - reception of messages is defined by the slogan *Here you say to Government how it would be better*.

The colour appearance of this online communication platform, represented by alternance of nuances of ultramarine and light blue, corresponds to pro-European orientation of government and the commitment to implement the National Development Strategy of the Republic of Moldova for 2012-2020. On the first page of that website is located a list of information classified into 8 main categories (called: *News, What is the participation?, Moldova 2020, Projects, Agenda, Document Search, Statistics, The way of Participation*), designed for active involvement of Internet users in the process of participa-

FORMS OF NEW MEDIA APPLIED IN GOVERNMENT COMMUNICATION PROCESS OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

tory democracy by expressing the right of every citizen „to initiate draft laws or referenda, to be consulted on various draft decisions” [13]. The State Chancellery and the National Council for Participation are two Moldovan Government structures that have assumed this responsibility of continuous dialogue between „citizens and those who have a mandate to ensure a better life” [13]. The expression of opinions of each citizen, via this website, constitutes a form of permanent participation of citizens in decision-making process, of direct dialogue with political actors, valid for a period that exceeds the limits of electoral period.

Analysis of the main structural elements of the website particip.gov.md/, elaborated in order to achieve a constructive dialogue between Members of Government and citizens, allows us to conclude that this online communication platform, according to the New Model of Cyber-Interactivity (developed by Ferber and his collaborators), helps build a democracy connected to technology and the information requirements of contemporary society. The integration, in the process of communication with the citizens of the virtual environment, of a series of interactive features such as: online polling, site search engine, information search page where comments can be sent (accessible by using the option *Search documents* on the first page of the site), external links contributed to the establishment of public deliberation and the implementation of electronic government. According to the authors of *e-Democracy and Electronic Governance Guideline* (elaborated in October 2001, for the Parliament of Romania), the Internet has changed the communication between people, bringing the number of users of new information technologies as a result of diversified services of websites. E-mail is a classic example of two-way flow of information transmitted and perceived over long distances and without time restrictions. At present, the emergence and the use of new concepts such as: *e-trading, e-democracy, e-business, electronic democracy, electronic government* are the proof of the optimization of the interaction between citizens, public authorities, business environment. In the case of institutional political communication, „the Internet can make the process

of governance more open to people’s problems and more efficient”, presenting a number of advantages for politicians and for citizens [1]. Civil society consultation procedure before approving a series of normative acts, Drafts of laws, Draft resolutions of Government, Proposals for Public Policy etc., is a way of improving the activity of public authority through the integration of new media in the process of institutional political communication. Consequently, such communication that provide „for the government more support and more confidence and for the citizens – more comprehension and more efficient solutions to their problems” requires compliance with basic principles that would enable the main objectives of electronic democracy. That means transparency and access to information, partnership and public approach to major problems, social orientation – principle that denotes the compliance (by public authorities) of citizen interests.

All these theoretical aspects were followed by the staff of Government of RM, responsible for the management of the website [/particip.gov.md/](http://particip.gov.md/). The list of documents, submitted for online examination, is diverse and includes a set of acts elaborated during the years 2002-2015. According to statistics, Moldovan citizens were invited to express their opinions on the content of the 130 normative acts, 1806 Draft of Government decisions, 590 Draft of laws, 23 Presidential Decrees, 156 Strategies, 96 Regulations, 38 Reports and 26 Proposals for Public Policy. In order to facilitate the reception of this information, all documents posted in section *Projects* can be sorted taking into account the period of their elaboration (by years and months), the institution (by clicking its tab *Ministries*), the type of document or keyword (for example: *social* – where are posted 551 documents, *fiscal* – 22 documents etc.). Year 2015 is, according to data from this site, the period of the intensification of communication between political leaders and governed, fact confirmed by 713 documents posted on this website and feedback achieved by reception of 54 online comments. Therefore, we note that, during the last four years, the variable *number of documents posted on the site* has increased by 1.7 times and the number of online comments – by 2.6 times (Fig. 1.1.).

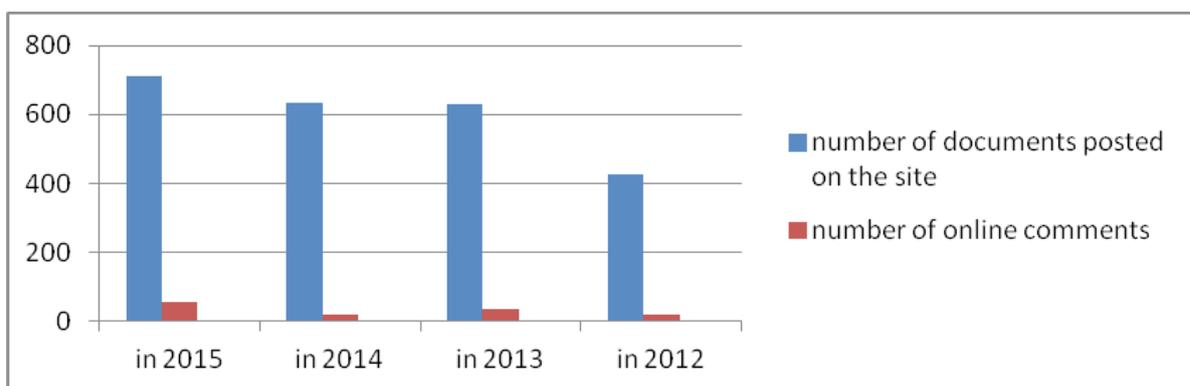

Figure 1.1. The number of documents and comments posted, during the years 2012-2015, on the website [/particip.gov.md/](http://particip.gov.md/).

Victor MORARU, Liliana RUSU

As mentioned by the French researcher Jérôme Tournaire Plancq, the development of electronic democracy gives us obvious practical solutions. Moreover, this particular type of democracy could help create a more transparent political life and would allow for the government a better understanding of the problems of civil society. However, an electronic democracy, in his opinion, should meet the requirements of a democracy „viable and credible in the eyes of those who are governed”, which implies „the articulation of online participation of citizens” with the final decision taken by the authorities [10]. This recommendation is valid for government communication performed on website particip.gov.md/, which would require a considerable improvement of the variable *number of online comments*. This indicator of participation, during the last four years (2012-2015), has increased by 2.6 times, reported to the number of documents posted online and the viewing information, it indicates a low level of citizen involvement in decision-making process. For example, in 2015, in the section *Projects* were posted 714 documents, with the highest number of views 11060 and the smallest – 31. At the same period of time, the online audience has appreciated these documents with only 54 comments of which 28 for the acts elaborated by the Ministry of Health, 17 – for those of the Ministry of Education, 2 – for the documents elaborated by the Ministry of Defence and the Ministry of Labour, Family and Social Protection, 1 comment have received the documents elaborated by the Ministry of Economy, the Ministry of Justice, the Ministry of Transport and Roads Infrastructure, the Ministry of Information Technology and Communications. Therefore, an optimal solution for this situation would be the involvement (de facto, not only formal) of persons responsible for drawing up these documents in the process of online communication with citizens and the answers of the questions asked by Internet users (often present in the text of the comment). The role of active interlocutor of the public official would justify and encourage the effort of Internet users to express their opinions. This attitude confirms the necessity for a dialogue with citizens and the importance of consulting civil society, theoretically described on this website as the possibility of joint participation in decision making [13]. At present, an effective representative democracy requires a multidirectional communication, defined by the following information flows:

1. from Government to Citizen (G2C),
2. from Citizen to Government (C2G),
3. from Representative to Citizen (R2C),
4. from Citizen to Representative (C2R),
5. from Citizen to another Citizen (C2C).

The basic categories of specific communication model of representative democracy were supplemented by English researcher Stephen Coleman, with the other three: G2G (from Government to Government), R2R (from Representative to another Representative), R2G (from

Representative to Government). Of these, the information flow G2G can be considered „the main objective of a governmental apparatus multi-structural”, the second R2R – „essential for a period of subsidiary policy” and the communication interaction R2G – „allows the legislator to know better the processes and resources of the executive” [3, p. 166].

Defined by some researchers as *components of e-Government*, these information flows translate the multiple modes of interaction between participants of this type of communication and are classified into two major categories: internal information flows and external information flows. The class of participants in government communication process is the main criterion according to which it was carried out this typology. So, in the case of the communication between local and central authorities or the interactions R2R (from a Representative to another Representative) and R2G (from Representative to Government) are set up internal information flows. The communication between the various classes of participants in electronic government, usually represented by information and consultation of civil society, is the generator of external information flows.

These basic elements and principles of government communication, re-adapted to the conditions of development of contemporary society, have been taken into account in drafting the website www.egov.md/, managed by E-Government Center – „a public institution established on the initiative of the Prime Minister in August 2010, subordinated to the State Chancellery, which pursues technological modernization of the Government till 2020” [14]. This tool of renovation and efficiency of the governance was created to facilitate, through extensive use of new information and communication technologies, the interactions between government, civil society and business environment and include the following thematic sections (5 main pages of that website):

1. the opening page of the site where are posted basic information about the institution’s activity, contact information, opinions and notes about the main events, statistical data (in section *Infographics*), guides and documents concerning the best use of new technologies (for example: *Guide e-Invoice* or *Rules for using social media in government institutions*);

2. the page *Government for Citizens* (where can be accessed: the innovative service „Mobile signature”, e-Traffic application, which allows citizens to receive notices on the breaches committed in the traffic, information about e-Services and links to major public services that can be provided online such as paying taxes, requesting and obtaining civil status acts, information about normative acts adopted by local public administration etc.);

3. the page *Government for Business* (including information concerning the optimization of the interaction between public authorities and business environment: about Enterprise Content Management Platform and

FORMS OF NEW MEDIA APPLIED IN GOVERNMENT COMMUNICATION PROCESS OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

permissive documents (designed for the implementation the following electronic services: online programming, registry and insurance of permits), e-Public Procurement, e-Reporting, e-Licensing etc.;

4. the page *Government for Government* (containing information about the project SIGEDIA – whose major purpose is to implement an efficient documents circulation system through the Government, about the project MCloud aimed at changing the traditional way of organizing and reorganizing their institutions through the renunciation of complex software, with closed operating systems and using a common technology platforms, about the project Particip.gov.md etc.);

5. the page *International Government* (which contains information about facilitating communication with Moldovan citizens living abroad: on the Unique Public Services Portal and the advantage or how to use the website servicii.gov.md/, on the project E-visa and about electronic visa issuance for citizens of 129 countries).

The content analysis of this website allows us to observe that this online communication platform has a number of options corresponding to interactivity indicators and information indicators such as: information about the institution's activity, on the objectives of this activity, contact information, including e-mail address, site search engine, links to other government platform and to the website of the State Chancellery. The continuation of direct dialogue with Internet users on Facebook, Twitter, YouTube, Gmail +, LinkedIn and on the blog of E-Government Center is fully consistent with the purpose and basic principles of activity of this institution: transparency, publicity, legality and promoting e-governance.

Information, public debate and increased political participation are, according to Thierry Vedel's theory, the core issues approached by the majority of projects in the field of electronic democracy [11]. The elaboration of the document *Rules for using social media in govern-*

ment institutions (by the working team of the Centre for Electronic Governance, doc. posted on this website on March 9, 2015) corresponds to the objective of reforming the communication between governments and governed by quantitative and qualitative improvement of information as a result of using digital technology. In this sense, social networks are presented as modern communication tools which „facilitate interactive information sharing, interoperability, and collaboration among employees of state institutions and between them and the public” [9, p. 1]. The insertion of these forms of new media in institutional communication strategy implies, first of all, the advantage of real-time interaction with a large number of Internet users. According to statistical data presented in this document, about 250 000 Moldovans communicate on Facebook and 460 000 – through social networks *Odnoklassniki* and *V Kontakte*. Rapid dissemination of a great number of information over long distances and on different devices is another advantage that allows the institution to respect the basic principles of its activity: representativity, responsibility and transparency. In this case we note that every fifth Moldovan citizen accesses Facebook from a mobile phone or tablet. Used by Government, Ministries, local authorities, Facebook, Twitter, LinkedIn maintain their role of technologies applied to readjust the institutional communication to the requirements of postmodern politics. Therefore, we witness the process of active and transparent communication, when „citizens are able to influence the governance of the state with civic initiatives, petitions, and through surveys whose results get the attention of political actors” [6, p. 137].

Aniway, remains in force the assertion, expressed ten years ago: without some modern and efficient public relations, the advance of Republic of Moldova towards democracy, welfare and transparency and the fight against corruption will not give the expected results.

Bibliography:

1. Ailioaie, S. Hera O., Kertesz, S. Ghidul de Democrație și Guvernare electronică, octombrie 2001. – (<http://www.edemocratie.ro/publicatii.html>, accesat 17.12.2015).

2. Bentivegna, S. Rethinking politics in the word of ICTs. – *European Journal of Communication*, 2006, vol. 21, nr. 3, p. 331-343.

3. Coleman, S. L'avenir de l'Internet et de la démocratie : pour une politique qui transcende les métaphores. În: *Promesses et limites de démocratie électronique*. – Paris. Les Editions de l'OCDE, 2005, p. 157-177.

4. Ferber, P., Foltz, Fr., Pugliese, R. Cyberdemocracy and Online Politics: A New Model of Interactivity. În: *Bulletin of Science, Technology & Society*, 2007, nr. 5, p. 391-400.

5. Fisichella, D. Știința politică: probleme, concepte, teorii. Traducere de Victor Moraru. – Iași: Polirom, 2007.

6. Grigorași, C. Facebook: practici de utilizare în sfera politică. În: Toader, F., Grigorași, C., Frunză, F. *Politica*

user friendly: Despre consultanți politici și Facebook în România și Republica Moldova. – București: Tritonic, 2011, p. 129-171.

7. Maarek, Philippe J. *Communication et marketing de l'homme politique*. – Paris: Litec. – 2001 p.

8. Mîndîcanu, A. Internetul și relațiile publice: un început de drum. În: Victor Moraru (coord.). *Societatea și comunicarea în tranziție*. – Chișinău: ULIM, 2006, p. 202.

9. Regulament privind utilizarea rețelelor de socializare în instituțiile guvernamentale. Elaborat de Centrul de Guvernare Electronică, Moldova [On-line]:

<http://www.egov.md/ro/resources/guides-and-documents/regulamentul-privind-utilizarea-retelelor-de-socializare-institutiile> (Accesat 17.12.2015).

10. Tournadre-Plancq, J. De nouveaux modes d'expression démocratiques. La démocratie électronique quelle attente? În: Philippe Torquoy (coord.). *Les ingouvernables?* – Cahier français. Nr. 546, mai – iunie 2010, p.77-81.

Victor MORARU, Liliana RUSU

11. Vedel, Th. L'idée de démocratie électronique: origines, visions, questions. În: Pascal Perrineau (coord.). Le désenchantement démocratique. – La Tours d'Aigues. Edition de l'Aube, 2003, p.243-266.

Webography:

12. <http://www.gov.md/> - site-ul oficial al Guvernului RM.

13. https://www.facebook.com/GuvernulRepubliciiMoldova?ref=br_tf – pagina de Facebook a Guvernului RM.

14. <http://particip.gov.md/> - site-ul Consiliului Național pentru Participare.

15. <http://www.egov.md> – site-ul Centrului de Guvernare Electronică.

Резюме

В статье представлены результаты оценки основных видов new media, применяющихся в коммуникативном процессе правительственных структур Республики Молдова. Официальная web – страница правительства Республики Молдова, с точки зрения технических аспектов, содержит все необходимые элементы для эффективного функционирования коммуникационной платформы online: поисковый мотор, карта сайта, загружаемые документы, внешние ссылки. Из анализа основных структурных элементов сайта particip.gov.md, разработанных с целью активизации конструктивного диалога между членами правительства и гражданами страны, явствует, что он отвечает технологическим и информационным запросам современного общества. В статье подчеркивается также, что сайт www.egov.md/ выполняет роль инструмента обновления и действенности политических усилий, способствует, посредством широкого использования новых информационных и коммуникационных технологий, развитию интерактивных связей между правительством, гражданским обществом и деловой сферой.

Ключевые слова: new media, Республика Молдова, коммуникативный процесс правительственных структур, демократия, коммуникативная платформа online, информационные и коммуникационные технологии.

Леонид ДЖАХАЯ,
доктор философских наук, профессор,
академик Академии педагогических наук Грузии

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ В XX СТОЛЕТИИ

100 лет тому назад, 23 августа 1915 года, в разгар Первой мировой войны в центре Европы, В.И. Ленин, находясь в нейтральной Швейцарии, опубликовал в газете «Социал-демократ» (№ 44) свою знаменитую статью «О лозунге Соединённых Штатов Европы». Перед войной этот лозунг был достаточно модным и даже популярным в Европе, однако начавшаяся мировая война очень быстро развеяла политические иллюзии. Поэтому Ленину не представляло большого труда доказать утопичность этой идеи для Европы, раздираемой империалистическими противоречиями. Однако Ленин идёт дальше и делает собственные политические выводы: «Но если лозунг республиканских Соединённых Штатов Европы, поставленный в связь с революционным низвержением трёх реакционнейших монархий Европы, с русской во главе, совершенно неуязвим как политический лозунг, то остаётся ещё важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т.е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединённые Штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны» [1, с. 352].

Минует полстолетия, и после Второй мировой войны, во второй половине XX века, «Соединённые Штаты Европы» возродятся в виде Европейского Союза 28 государств Западной Европы (юридически закреплённого Маастрихтским договором в 1992 году, вступившим в силу 1 ноября 1993 года). Правда, прежде чем стать Европейским Союзом и принять нынешний вид, он прошёл ряд этапов. Так, например, вначале произошла экономическая интеграция Европы, начиная с «Европейского объединения угля и стали» (1951 год) и заканчивая «Общим рынком». Это ядро региональной интеграции было окружено странами, по-разному объединёнными в экономические и военно-политические блоки и союзы, тяготевшие к США и, в сущности, зависящие от них в экономическом и политическом плане. Сейчас эти

региональные структуры всё более становятся объектами сплошной глобализации.

Образовавшиеся в итоге две мировые системы капитализма и социализма привели к резкому их противостоянию, к так называемой «холодной войне», которая конкретно выразилась в создании двух противоположных военно-политических блоков – Североатлантического пакта (1949 год) и Варшавского договора (1954 год). Единый мировой рынок также распался на два самостоятельных рынка. В этих условиях, разумеется, ни о какой глобализации не могло быть и речи: наоборот, конфронтация шла во всех сферах общественной жизни. Значит ли это, что интеграционные процессы в мире не происходили? Безусловно, они происходили, только порознь в каждой из двух мировых систем, следовательно, эти интеграционные процессы нельзя назвать глобализацией, они носили сугубо региональный характер, в особенности – Советский Союз и Европейский Союз, у которых, однако, прослеживается как сходство, так и различие. Приведём перечень их общих интеграционных черт:

1. На востоке Евразии – Советский Союз (аббревиатура СССР), на западе Евразии – Европейский Союз (аббревиатура ЕС).
2. В СССР было 15 союзных республик, в ЕС 28 государств.
3. В СССР были прозрачные административные границы, в ЕС такие же прозрачные границы («Шенгенская виза»).
4. В СССР языком межнационального общения был русский язык, в ЕС таковым стал английский язык.
5. Советский «рубль» и европейская валюта «евро».
6. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и «Общий рынок».
7. Варшавский договор и НАТО.
8. Интервидение и Евровидение.
9. Объединённый институт ядерных исследований (СССР, Дубна) и Европейский центр ядерных исследований (Швейцария, ЦЕРН).

Леонид ДЖАХАЯ

10. Космическая программа СССР и космическая программа ЕС.

Однако были и различия, и весьма существенные:

1. Советский Союз возник в 1922 году, Европейский Союз – в 1957 году, то есть на 35 лет позже, со всеми вытекающими отсюда последствиями (НТР, соседство с СССР, новые исторические и экономические реалии).

2. СССР занимал 1/6 часть земной суши на Евразийском континенте, а в ЕС вошли только западноевропейские страны.

3. СССР сформировался путём предоставления государственного статуса народам, которые прежде его не имели в составе Российской империи, в то время как ЕС был создан путём объединения прежде независимых государств Европы.

4. СССР развился на новой основе социализма, ЕС остался на прежней основе капитализма.

5. В СССР существовал единый для всех входящих для него республик политический строй и форма правления, в ЕС сохранился прежний уклад, традиционная для каждого государства форма правления: от конституционной монархии до республиканской формы правления (президентской или парламентской).

6. В ЕС действует принцип единогласия (консенсуса) при принятии решений, в СССР такого правила не было, но был двухпалатный Верховный Совет: Совет Союза и Совет Национальностей, где были представлены все национально-государственные образования: союзные республики, автономные республики, автономные области и национальные округа.

7. Европейская денежная единица одинаково читается на всех европейских языках, в СССР номинал на денежных знаках оформлялся на языках и алфавитах 15 союзных республик.

8. В ЕС больше демократии в смысле прав и свобод личности, в СССР с правами и свободами личности мало считались.

Этот перечень сходств и различий может быть продолжен, но важен итог: СССР распался в 1992 году, а ЕС продолжает существовать и расширяться на запад и на восток [2]. При этом обращает на себя внимание одно обстоятельство: советские авторы всячески подчёркивали преимущества социалистической интеграции в противовес капиталистической интеграции, в СССР они видели только положительные стороны, а в ЕС только отрицательные, но то же самое делали со своих позиций западные пропагандисты. Впрочем, такова была сущность идеологического противостояния двух систем – социализма и капитализма, и неудивительно, что учёные, идеологи обоих блоков тенденциозно освещали социально-экономические и политические процессы, происходившие в этих регионах. К примеру, одни и те же процессы и яв-

ления в СССР, аналогичные западноевропейским, оценивались на Западе негативно, вплоть до того, что Советский Союз преподносился как «империя зла», а Европейский Союз с теми же прозрачными границами, единой валютой «евро», Общим рынком, Европарламентом и многими другими структурами, аналогичными советским, превозносился как высшее достижение человеческой цивилизации, хотя нерешённых проблем и сложностей в ЕС было ничуть не меньше, чем их было в СССР. В этом проявилась идеологическая борьба времён «холодной войны», суть которой хорошо выразил французский теоретик Жан Мейно, когда писал, что экономические выгоды, которые сулит капитализму западноевропейская интеграция, «имеют меньшее значение в сопоставлении с выгодами, которые обеспечивает патронату (то есть французским предпринимателям, – Л.Дж.) окончательное создание «Общего рынка», а именно упрочение капиталистического строя в Европе или, если хотите, устранение, по крайней мере на длительный период, всякой перспективы социализма» [3, Предисловие, с. VII].

В упомянутой статье Ленина была высказана ещё одна идея с далеко идущими идеологическими и политическими последствиями. Речь идёт о таком важном выводе, как неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма и, как следствие, возможность разрыва цепи империализма в том звене, где эта цепь слабее, и это будет не обязательно самая передовая, развитая европейская страна, а даже отдельно взятая, если там противоречия империализма окажутся сильнее: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране» [4, с. 354].

Как известно, в своё время К.Маркс и Ф.Энгельс обосновали тезис о невозможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой европейской стране, поскольку, по их мнению, объединённые силы европейской реакции и контрреволюции наверняка опрокинут революцию в любой европейской стране, где такая революция произойдёт. Поражение пролетарских революций в Венгрии и Баварии (Германия) в 1918 году полностью подтвердило этот марксистский теоретический вывод, хотя такой европоцентризм ничем не был оправдан, то есть полное игнорирование высококоразвитой Северной Америки, Южной Америки, стран Африки, древнейших цивилизаций Индии и Китая, а также России. Казалось, что верное для социалистических революций автоматически становится верным и для победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

Ленин, изучая опыт Первой мировой войны, которая с самого начала была империалистической по

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ В XX СТОЛЕТИИ

своему характеру, и ссылаясь на закон неравномерности экономического, социального и политического развития стран Европы (как видим, другие страны и континенты тогда не принимались во внимание), сделал вывод, что в эпоху империализма пролетарская революция совершится не в самых передовых, развитых странах капиталистической Европы, а там, где цепь империализма окажется слабее. И таким наиболее слабым звеном, средоточием всех противоречий империализма Ленину представлялась Россия, Российская империя. Но так как это была «одна страна» (так же, как Австро-Венгерская империя, куда входили, помимо Венгрии, также и Чехия, и Словакия, и Румыния), то отсюда следовало, что возможна победа социалистической революции первоначально в такой отдельно взятой стране, как Россия.

Между тем в подобное толкование сути вопроса была заложена серьёзная терминологическая и семантическая ошибка, повлекшая за собой в дальнейшем каскад разночтений, теоретических ошибок и практических промахов. Прежде всего, Ленин, выдвигая тезис о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой стране, вовсе не опровергал доводы Маркса и Энгельса о невозможности такой победы в Европе, потому что, следуя его логике, получалось, что и Венгрия – «одна страна», и Российская империя – «одна страна», а это абсолютно несопоставимые величины. Если поражение пролетарской революции в Венгрии воочию доказало правоту Маркса и Энгельса о невозможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой европейской стране, то и победа социалистической революции в России точно также подтвердила правоту Маркса и Энгельса! Совершенно очевидно, почему объединённой внутренней и внешней контрреволюции в самом центре Европы удалось опрокинуть пролетарскую революцию в такой маленькой стране, как Венгрия, но остается фактом, что эта объединённая внутренняя и внешняя контрреволюция ничего не смогла сделать с русской революцией – ни в ходе гражданской войны, ни в ходе иностранной интервенции. Спрашивается, почему? Да потому, что Россия – это не «одна страна»! Конечно, номинально, по существовавшей в то время номенклатуре, это «одна страна», но, как показали последующие исторические события при распаде СССР в 1992 году, эта так называемая «одна страна» – это по крайней мере 15 государств, которые теперь стали независимыми, и называть их все «одной страной» было неверно не только теоретически-методологически, но и по существу. Ведь если бы не было этой огромной, необъятной территории, невообразимых природных богатств и полутора миллиона населения «России», наступление контрреволюции со всех сторон (Юденич, Врангель, Деникин, Колчак), равно как и интервенция (англичане, французы, немцы, чехи,

японцы), когда молодая Советская Россия уменьшилась до размеров Московской Руси времён Ивана Грозного, наверняка привела бы к поражению социалистической революции в России в 1918-1922 годах. Но Советская Россия выстояла, потому что она была не «одной страной», а Союзом Советских Социалистических Республик. Даже теперешняя Россия в границах Российской Федерации – это самая крупная страна в мире по территории, с её 20 автономиями, из которых Татарстан по численности населения превосходит все три прибалтийские республики, вместе взятые, а Якутия-Саха по территории и запасам полезных ископаемых превосходит Западную Европу.

Точно так же, не имея СССР хотя бы одного необходимого компонента для развития промышленности и сельского хозяйства в мирное время и во время войны (нефть, уголь, прокат, вольфрам, молибден, алюминий и т.д.), построить социализм в СССР было бы невозможно, тем более выиграть такую войну, как Вторая мировая война. Ибо ситуация повторилась в годы Второй мировой войны, когда гитлеровские полчища, вкупе с испанскими, итальянскими, венгерскими союзниками, стояли под Москвой, Ленинградом и Сталинградом, и не будь этих огромных территорий, природных и людских ресурсов, Советский Союз вполне можно было бы сокрушить. И снова возникает вопрос: разве Российская империя и СССР – это «одна страна»? Конечно, нет! Это явная терминологическая ошибка со всеми вытекающими теоретическими и политическими последствиями. Тогда выходит, что правы были Маркс и Энгельс, утверждавшие, что победа пролетарской революции и построение социализма в одной отдельно взятой европейской стране невозможны.

Казалось бы, что верный ученик Ленина – И.В. Сталин, перенял ущербную терминологию и методологию данной теоретической концепции, подгоняя под неё живую действительность. Однако Сталин внёс в решение этой проблемы важные теоретические и практические коррективы, а именно: он разделил проблему возможности построения социализма в одной стране на два вопроса – *учение о полной победе социализма* и *окончательной победе социализма в СССР*. Согласно Сталину, полная победа социализма означает претворение в обществе победившего социализма всех его основных принципов: ликвидация частной собственности на средства производства, передача всей полноты государственной власти в руки трудящихся – рабочих и крестьян, бесплатное и доступное для всех образование и медицинское обслуживание, гарантированное право на труд, на отдых, на жильё и т.д. Окончательная же победа социализма означает невозможность в будущем реставрации капитализма ни при каких обстоятельствах, ни в какой, сколь угодно отдалённой перспективе. По мнению Сталина, для полной победы социализма в СССР

Леонид ДЖАХАЯ

достаточно внутренних условий и ресурсов, что же касается окончательной победы социализма, то для этого необходима победа социализма во всемирном масштабе. Сказано ясно, чётко и недвусмысленно. В борьбе с троцкизмом и его навязчивой идеей грядущей «мировой революции» Сталин чётко обосновал теоретически и на протяжении всей своей жизни практически претворял это своё учение.

Исходя из этого, уже к середине 30-х годов XX века Сталин провозгласил полную победу социализма в СССР, каковая победа была официально закреплена и зафиксирована в Конституции СССР 1936 года, названной по имени её творца – «Сталинской Конституцией». При этом Сталин неоднократно подчёркивал как в устных выступлениях, так и в теоретических работах, что полная победа социализма вовсе не означает окончательную победу: поскольку сохраняется капиталистическое окружение, попытки реставрации капитализма в СССР как со стороны внутренних врагов, так и со стороны внешних врагов неизбежны, и от реставрации капитализма страна не застрахована. Вторая мировая война со всей очевидностью доказала справедливость этой концепции. *Сталин ушёл из жизни в 1953 году, так ни разу и не сказав, что социализм в СССР победил окончательно.*

И первое, что сделал Хрущёв в 1959 году на специально созванном внеочередном XXI съезде КПСС, это провозгласил под бурные аплодисменты делегатов съезда «полную и окончательную победу социализма в СССР»: «В мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь. Опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена. Это значит, что социализм победил не только полностью, но и окончательно» [5, с. 99]. И хотя среди делегатов съезда наверняка было немало умных, теоретически хорошо подготовленных и дальновидных людей, понимавших всю глубину невежества и глупости произнесённой фразы, случилось именно то, что и должно было случиться: через 30 лет в СССР началась реставрация капитализма «сверху», партийные боссы собственными руками опрокинули социализм в СССР, якобы «победивший полностью и окончательно». Так ещё раз подтвердилась прозорливость Сталина, смотревшего далеко вперёд и предупреждавшего об опасности реставрации капитализма в СССР, что и случилось на самом деле в результате катастрофического распада СССР и всей мировой системы социализма. Такова драматическая, а во многих случаях и трагическая судьба социализма в XX веке.

Литература:

1. Ленин, В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. – Полное собрание сочинений. – Москва: Том 26, с. 352.
2. Джахья, Л.Г. Два исторических этапа глобализации. Международный журнал «Философия и космология». – Киев, 2014. Том 13.
3. Szokoloczy-Sillaba. Les organisations professionnelles

Françaises et le Marché Commun. – Paris, 1965 (предисловие), с. VII.

4. Ленин, В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. – Полное собрание сочинений. – Москва. Том 26, с. 354.
5. Материалы XXI съезда КПСС. – Москва: Госполитиздат, 1959, с. 99.

Summary

In August 2015 marks 100 years since the publication of Lenin in the newspaper „Social-Democrat” article „On the Slogan of the United States of Europe”. In this article, the first time it was concluded that the uneven economic and political development of the capitalist countries in the era of imperialism and the victory of the socialist revolution initially in one single country, where the chain of imperialism would be weaker. Lenin’s article had far-reaching consequences for the dramatic fate of socialism in the twentieth century, leading to the paradoxes and terminological errors (Hungary – „one country” and the Russian Empire - the „one country”, although these countries are not comparable).

Keywords: imperialism, revolution, socialism, paradox, terminology.

Rafik SULAIMAN,
Doctor Lecturer, Mardin Artuklu University, Turkey

A WAY TO FEDERALISM: RELEVANT ASIAN EXPERIENCE

When the British Labour party announced the withdrawal of British forces from the Persian Gulf in January 1968, the United States faced a potential power vacuum in the area. The incoming Nixon administration, preoccupied with the Soviet Union and China, and the war in Vietnam, had no intention of replacing the British in the Gulf. To avoid further military commitments, the US encouraged Iran and Saudi Arabia to maintain area security. A critical policy decision, overlooked by most scholars, saw Nixon and Kissinger engineer the rise in oil prices between 1969 and 1972 to enable Saudi Arabia and Iran to purchase the necessary military hardware to serve as guardians of the Gulf. For all their bluster about reversing Labour's withdrawal decision, after their surprise victory in the election of June 1970 the Conservatives adhered to Labour's policy. But in contrast to Labour's wish to cut the umbilical cord of empire, the Tories wanted to retain influence in the Persia and Arab Gulf, pursuing policies largely independent of the US by the creation of the United Arab Emirates, deposing the sultan of Oman, and trying to solve the dispute over the Buraimi, oasis with Saudi Arabia. By trying to maintain its empire on the cheap, Britain turned into an arms supplier supreme. But offering and selling arms does not a foreign policy make, leaving Britain in the long run with less influence in regional affairs. This was true also for the US, whose arms sales were to prove no realistic an alternative to foreign policy.

Obviously, the US hid under the Iranian security blanket for almost a decade. Given the weakness of the regime and the Shah's nonsensical dreams of turning Iran into one of the top five industrial and military powers in the world, the policy was cavalierly irresponsible. Similarly, leaving Iran with oil money and medieval stupor – a seedbed for Islamic fundamentalists - created major future problems for the United States, Gulf and Middle East [1].

With the announcement by the UK in the 1968 that it would withdraw from the Arab Gulf and Persian Sea area by 1971, Shaikh Zayed (Zaid) became the main driving force behind the formation of the United Arab Emirates. While the withdrawal of the British military presence all the Gulf States, including Iran and Saudi Arabia, to reconsider their defense requirement, the January 1968

announcement meant that Bahrain, Qatar and the Trucial States would soon have to conduct all their external relations themselves. In some of these states educational and development projects as well as much of the day-to-day administration and internal security was run directly or indirectly with British Government assistance.

At the time of the surprise announcement of the British intention to withdraw, few of the states appreciated the formidable task of establishing at him viable governmental machinery, while at the same time finding the right balance in regional and global power politics. The British announcement, as many observers noted, had set off immediate competition for pre-eminence between the states of the region [2, p. 187].

The political changes in the UK have led to the immediate reaction to withdraw from Gulf and its affections. The security's issue was a real problem for all the area and Rulers. It behaved to the immediate reaction to the British announcement was disbelief because of recent British assurances to the contrary, followed by apprehension when the truth became clear. The resultant state of mind among the Rulers certainly encouraged them to draw more closely together, aided by some strong lobbying on the part of the British Foreign Office. However, some diplomats were cynical because they had seen the recent failure of the British-engineered South Arabian Federation.

The Ruler of Bahrain, Shaikh 'Isa bin Salman Al Khalifa, was the first of the Rulers to state publicly that the establishment of a federation between the Gulf Emirates was „a national issue which we will decide and which will not be decided by anyone for us”. He made official visits to Saudi Arabia and Kuwait during January and February 1968 to discuss the future of the Gulf, while the Kuwait Minister of Foreign Affairs, Shaikh Sabah al Ahmad al Jabir Al Sabah, demonstrated his country's support for Gulf-wide co-operation by visiting all the Lower Gulf States at the end of January.

At that time, the seven emirates, known then as the seven Trucial States, had been under British influence since 1820. Abu Dhabi was poor and undeveloped and its economy was based upon fishing and pearl diving along the coast. The economy suffered when the market for Gulf pearls collapsed in the 1930s after Japanese

Rafik SULAIMAN

scientists invented the cultured pearl. At this point, the first oil company teams came to carry out geological surveys, and Zayed was appointed to guide them around the desert.

Map of indicating the locations of Abu Dhabi and Al Ain Shaikh Shakhbut assigned Sheikh Zayed to govern Al Ain in 1946 and later in 1953. They both traveled to Europe to appear at a legal hearing on an oil dispute. They also traveled to the United States, Switzerland, Lebanon, Iraq, Egypt, Syria, India, Iran, and Pakistan. On his return, Sheikh Zayed was convinced that it was urgent to develop the area in order to bridge the large gap between it and the rest of the world.

When oil was discovered in Abu Dhabi in 1958, economic matters began to improve. The first commercial field entered production in 1962 from the off-shore Umm Shaif field, and then from onshore at Bab. On August 9, 1966, Sheikh Shakhbut gave control of Abu Dhabi to his younger brother. After assuming ruler ship, Sheikh Zayed introduced a formal government structure, with departments developed to handle specific tasks. Priority was given to build basic housing facilities, schools, health services, and the construction of an airport, a sea port, roads, and a bridge to link Abu Dhabi to the mainland.

When Britain announced in January 1968 that it would withdraw its military presence in the Gulf, Sheikh Zayed was the first statesman to call for a union. Zayed realized that for Abu Dhabi to prosper, it would need to co-operate with its tribal neighbors. Sheikh Zayed and Sheikh Rashid So his first step was to meet with the then-ruler of Dubai, Sheikh Rashid bin Saeed Al Maktoum. The two held meetings on the 19th of February 1968 at Samih and discussed border disputes. This followed by the signing of an agreement on the 27th of February 1968, which would form a federation of nine emirates (Abu Dhabi, Ajman, Bahrain, Dubai, Fujairah, Ras al-Khaimah, Sharjah, Qatar and Umm al-Quwain). Unfortunately the had many setbacks as Zayed tried for three years to bring things together. Bahrain and Qatar wanted to seek full independence and Ras Al Khaymah also declined to join. On the 2nd of December 1971, a federation of six emirates (Abu Dhabi, Ajman, Dubai, Fujairah, Sharjah, Umm al-Quwain) formed the United Arab Emirates [UAE]. Sheikh Zayed was elected president and Sheikh Rashid was elected vice-president. Shortly afterwards, Ras Al Khaimah decided to join the federation (which officially took place on the 11th of February of 1972), and Sheikh Rashid of Dubai. They met on 18 February 1968 on the border between their two States and formally agreed to merge the two sheikhdoms in a union, conducting jointly foreign affairs, defense, security and social services, and adopting a common immigrant's policy. This agreement became possible after a dispute regarding the off-shore boundary between the two sheikhdoms was settled to Dubai's

advantage. Dubai relinquished its claim to a further stretch of coastline but did obtain full sovereignty over the whole of the off-shore Fath oil-field.

The two Rulers invited the neighboring Rulers to participate in a larger federation. On 25 February the Rulers of seven Trucial States and of Bahrain and Qatar convened in Dubai to hold a constitutional conference. This quick response and willingness to co-operate, no matter how grave some of their differences had been, was partly due to the fact that before the British announcement British officials had been encouraging the idea of forming a federation.

The Trucial States Council of the seven Rulers established in 1952 by British Government already gave the Rulers assay in the British-run development projects and it also provided a means of institutionalizing consultation and co-operation between them. The Trucial States Council meetings which took place at the invitation of the political Agent resident in Dubai under Supervision of the political Resident in Gulf, never developed much of an organizational working routine, but they did help in that the seven Rulers met at least twice a year to discuss and agree on matters concerning development work.

The meeting of the nine Rulers in February 1968 in Dubai was organized neither by the Trucial States Council nor by a British sponsored constitutional conference. The invitation was extended by the Rulers of Dubai and Abu Dahbi, who each had their own reasons for wanting to expand the scope of the meeting and hopefully of the federation itself, beyond the circle of the seven Trucial States. Thus it was probably the idea of Shaikh Rashid of Dubai to include Qatar, which was then ruled by his son-in-law, Shaikh Ahmad, who had helped generously with loans and grants for development projects in Dubai; on the other hand Abu Dhabi had always had close relations with Bahrain, whose currency, the Bahrain Dinar, it had used from 1966 to 19 May 1973; also the Government of Bahrain had literally provided teachers and civil servants for the expanding Abu Dhabi administration [3].

Sheikh Zayed's concepts from theory into reality have resulted by announcing the formation of Federation: he began to bring his plans, ideas and visions from words to actions. He was the first statesman in the Gulf to call for this union. He began to put his plans for unification into action. His first step was to establish preliminary contacts with Sheikh Rashid bin Said Al Maktoum, Ruler of Dubai. The two Rulers held an historic meeting in Samih on the 18th February, 1968 and announced the formation of federation between the two emirates as the nucleus for a wider union. They also invited the remaining five emirates on the coast of Oman to join this federation and called on Bahrain and Qatar to meet them so as to discuss the future of the region and to approve a common action for its future security.

A WAY TO FEDERALISM: RELEVANT ASIAN EXPERIENCE

One week after the signature by the two rulers of their bilateral agreement, a meeting was held attended by the seven rulers of the emirates as well as the Rulers of Bahrain and Qatar. On the 27th February 1968 a new agreement was proclaimed for the establishment of a federation between the nine emirates (Abu Dhabi, Dubai, Sharjah, Ras Al Khaimah, Ajman, Umm Al Quwain, Fujirah, Bahrain and Qatar). This agreement, however, was short lived. Sheikh Zayed tried over the next three years to bring together the diverging viewpoints between its signatories. His great aim was to build, develop the United Arab Emirates with the best technological and scientific elements one land for Science, Education, Technology, Developing and Civilization and added Learning is like a light, which illuminates the future and the man's life because it is endless: „We have to strive to keep it. The ignorant man is the one who believes that he has learned and finished his studies, but it is mature man who is never finished learning. We all live our life in learning”.

In spite of this step, which was an historical achievement for future of Federation it was inadequate as an instrument for welding the nine sheikhdoms into a political organism functioning as one federal State or union. It was not a constitution but more the expression of an intention. There was no provision for a cabinet of ministers, either in the draft or in the agreement. The legislative power was reserved to the Supreme Council, consisting of the nine Rulers. The Supreme Council was to draw up a constitution, to formulate the policies of the State, to legislate federal laws required in this connection and to prepare an annual budget. The executive body of the federation was to be the „federal Council”. In this draft this Council was intended to resemble a parliament, and three councils concerned with defense, economy and culture were to report to it. In the agreement the role of the federal Council was considerably reduced, and it was to operate under the close supervision of the Supreme Council. The composition of the Federal Council was to be left to be decided by law [4].

The part of the agreement, entitled „General Rules”, addressed itself first to the need to co-operate in defending individual Emirates and the State as a whole external aggression; secondly to the Supreme Federal Court, whose function were specified only in the draft; Thirdly to the need for the Supreme Council to decide on its permanent headquarters; fourthly to the preservation to each Emirate of the right to manage its own internal, non-federal affairs; and finally to a provision that the Supreme Council could amend the agreement particularly if the amendment tends to make ties among the member Emirates stronger. As proposed in the draft, it

was decided that the agreement should come into force on 30 April 1968 and remain in force until superseded by a permanent charter.

Synthesizing events happened and logic and their significance might be noted the following:

1. The signed of the Dubai agreement on 27 February 1968 by all the nine Rulers was immediately welcomed by Kuwait and favorably greeted by many other governments. Saudi Arabia, after an official visit by the Ruler of Qatar, stated on 3 April that it welcomed the federation, and made an offer of economic aid. But, Iran as used to, the other State with territorial claims vis-à-vis a member of the federation, broke its silence only on 1 April, stating that it „reserves all its rights in the Persian Gulf and will never tolerate this historic inequity and injustice”. The British Government cannot relinquish and give away land which according to history was taken from Iran by force”.

2. Moreover, it appears that some of the participants of the meeting, particularly the Rulers of the smaller Emirates, began to have second thoughts. Thus 30 March 1968, the date for agreement to come into force, came and went without the Supreme Council meeting and without any further explanation. Leaving open the question as to the practical function of the fledgling federation. There was, however, a great deal of discussion among some Rulers and their aids at that time.

3. Rulers of States were for strong of federation, may be some wished it to be loose; others were for strong central authority, other saw the federation as the vehicle for the evolution of democratic representation. Shall be deemed that, apart from the novelty of the UAE in the Peninsula as an experiment in power-sharing, „it was notable in formalizing the necessary adjustments in relative status between the Rulers of the various sheikhdoms” [5, p. 394]. The UAE was also important „in driving home the realization that the individual Rulers and their mini-states could not go their separate ways but needed to cooperate in the larger political entity provided by the UAE” [6].

4. The discussions were very serious and there were different between them, so that the advisers decided to leave many subjects until adoption of a constitution of federation. Qatar particularly strongly advocated forging ahead with establishing the various organs necessary for the state to function; it insisted that fourteen new items were included in the agenda, ranging from the selection of the first President of the federation to the unification of the currencies and a discussion of the establishment of ministries [7; 8].

5. The drafting of the permanent constitution were discussed at this meeting and it was one of the most important things.

Rafik SULAIMAN**Bibliography:**

1. Petersen, Tore T. Richard Nixon, Great Britain and the Anglo-American Alignment in the Persian Gulf and Arabian Peninsula: Making Allies out of Clients. – East Bourne: Sussex Academic Press 2011.
2. Macris, Jeffrey R. The Politics and Security of the Gulf: Anglo-American Hegemony and the shaping of the region. – New York: Routledge, 2010.
3. Darwish, Adel. Obituary: Sheikh Isa, Emir of Bahrain. – Independent, 1999, 8 March.
4. Peck, Malkolm C. Formation and evolution of the Federation and its Institutions. In: Ibrahim Abed, Peter Hellyer Eds.) United Arab Emirates: A new perspective. – London: Trident Press Ltd, 2001, p. 145-160.
5. Foley, Sean. The UAE: Political Issues and Security Dilemmas. – MERIA –Middle East Review of International Affairs, 1999, no 1, March.
6. Peterson, J. E. Tribes and Politics in Eastern Arabia. – Middle East Journal, 1977 (Summer), vol. 31, no 3, p. 297-312.
7. Schofield, Richard. Borders and territoriality in the Gulf and the Arabian peninsula during the twentieth century. In: Territorial Foundations of the Gulf States. – New York: St. Martin's Press, 1994.
8. Rugh, William A. What are the Sources of UAE Stability? – Middle East Policy, 1997, September, p. 14-24.

Резюме

Федерализм представляет собой государственное образование, при котором осуществляется конституциональное разделение власти между федеральным правительством и его федеративными составляющими. Соответственно, федерализм является инструментом двойственного государственного правления в политической сфере, направленным на достижение намеченных целей. Уроки истории в данном контексте приобретают исключительное значение для политической практики современности. В статье изучен опыт государств Азии по созданию федеративных государств, в частности – особое внимание уделяется генезису и условиям реализации федералистского интеграционного проекта Объединенных Арабских Эмиратов.

Ключевые слова: международные отношения, Объединенные Арабские Эмираты, федерализм, условия федерализации, федеративное государство, внешняя политика, институциональная эффективность.

Eugenia TOFAN,
Doctoral Student,
Institute of Legal and Political Research
of Academy of Sciences of Moldova

UNIVERSALITY OF THE VOTE – EXPRESSION OF POLITICAL DISCRETION IN THE EXERCISE OF SOVEREIGNTY

As in most contemporary states, the Constitution of the Republic of Moldova declares the people as the holders of national sovereignty. Thus, in accordance with Article 2 of the Fundamental Law, national sovereignty belongs to the people of the Republic of Moldova who exercise it directly and through the representative authorities as stipulated by the Constitution [4].

The principle of national sovereignty considers the people as a subject of constitutional law with an existence of its own, different from the lives of individuals composing it at a time. This constitutional principle ensures one of the fundamental rights of man and citizen stipulated by Art. 21 of the Universal Declaration of Human Rights, according to which, the will of the people is the basis of power of the state. This will has to be expressed through honest elections which must take place periodically through universal equal suffrage, by secret vote or an equivalent procedure to ensure free voting [5].

The main manifestation of national sovereignty in the contemporary state materializes in the legislative process, which is produced directly by the people, under the conditions of direct democracy or through elected representatives who exercise sovereignty on behalf of the people by adopting laws within the governing system of representative democracy.

The recent events taking place in the Republic of Moldova demonstrate once again that one of the prerequisites for the rule of law is regulating the process of organizing and conducting elections (the only source of conferring legitimacy of power to the representative authorities) in accordance with generally accepted standards in this sphere.

The Declaration of Principles for International Election Observation [6] states that truly democratic elections is one of the prerequisites for ruling a democratic state, as they represent a mechanism by which the people, in accordance with the procedure established by the law, express their free will regarding legal entitlement to exercise state power on their behalf and in their interests. Ensuring genuinely democratic elections are an object of efforts of managing broader processes and creating institutions of ruling a democratic state. For this reason,

though the universal principles of democratic elections must be reflected in the entire electoral process, any elections need to be examined only in the political, historical, and cultural context in which they are conducted.

Free, fair, and unfalsified elections organized at certain preliminarily established intervals of time become a mandatory attribute of contemporary statehood, which contributes to enhancing the role and importance of electoral law which forms the basis of the regulatory process of establishing the institutions of representative democracy.

Italian author Giovanni Sartori considers that the elections do not decide on exact policies. In fact, they choose those who will decide on them. Elections do not solve any controversial issues; they determine who will soon decide on controversial issues. The theory of electoral democracy presumes that democracy is based upon an autonomous public opinion, which supports governments based on consent through elections; in their turn, they respond to public opinion. This conclusion, however, remains within the framework of a presupposition that the people exercise their power as voters.

If we claim, instead, that the people's power should not be a mere power to choose who should decide on controversial issues, according to Sartori, but it should be the power to decide directly on them, we are faced with an entirely different argument known as participatory democracy [24].

According to Professor Ion Guceac, elections are characterized by the specific features listed below:

1. **They legitimize power.** Through elections, people choose their best representatives, and the mandate transmits an authorization to implement sovereignty. Elections are not an event that merely generates an institutional complex: the Presidency, the Parliament, and the local councils. They have a broader meaning: elections are the basic form of citizens' political participation in governing, as they represent the main criterion of political democracy.

2. **They are a barometer of political life.** While elections are being organized and conducted, different views, interests, and government programs suggested by parties and socio-political organizations collide. The election

Eugenia TOFAN

results reflect the degree of influence of these political forces and aspirations of voters.

3. **They are a mechanism for selecting governors.** Namely elections give citizens a possibility to transmit the right of governing to persons who are capable and worthy to govern.

4. Elections are the means of citizens' political self-confirmation, political self-organization of civil society, certifying citizens' right to be active subjects of the governance process [7, p. 20-21].

Development of the contemporary electoral law under the conditions of deepening and extending the beginnings of democracy in the process of organization and implementation of elections makes the issue of characteristics of voting more topical, especially within the political process, as voting is both a unit of measuring the quality of political action and an expression of a voter's political option. Voting gives meaning to the action of political parties, political doctrines, and electoral programs, legitimizes political parties and promotes political figures after electoral competitions. For a good reason, elections are defined as „...the procedure of forming a state authority or vesting a person with public powers, achieved through **voting allowed by authorized persons** under the terms according to which two or more are suggested for obtaining the mandate in question” [8, p. 19].

Under the conditions of deepening and extending democratic beginnings in the process of organizing and holding elections, the issue of „developing universal standards (criteria) for the process of organizing and holding elections” becomes especially relevant. These principles represent a set of generally accepted fundamental standards reflecting the democratic nature of elections as the constitutional foundation of public power which determines primary provisions of regulating electoral rights, „a coordinated system of safeguards and procedures to ensure holding honest (unfalsified) elections, implement, and protect citizens' electoral rights” [9, p. 25-27].

Among these principles, a separate category of such standards it is identified; it is referred to as the *principles of citizens' participation in elections including universality, equality of the right to elect and to be elected, direct voting, secret voting, and freedom of expressing electoral options* [10, p. 29]. It is worth mentioning that some Romanian authors examining this topic apply the notion of *principles*, using the expression „basic features of a democratic electoral system” as a category which includes universality, equality, and secrecy of voting [25, p. 2]. In our opinion, this approach is superficial and incomplete, especially since the electoral law in Romania reflects the principles of citizens' participation in elections in a broader aspect. For example, according to the Law on Electing the President of Romania (Art. 1), the President shall be elected by universal, equal, direct, and secret suffrage [16].

These principles are described in the Constitution of

the Republic of Moldova and the Electoral Code. Thus, the Constitution (Art. 38) states that in Moldova, elections of all levels are held through universal, equal, direct, and secret suffrage. In its turn, the Electoral Code (Art. 2 *Principles of Participation in Elections*) stipulates that the citizen of the Republic of Moldova shall participate in elections by universal, equal, direct, and secret suffrage [2].

In this scientific research, we will focus only on the principle of universality of the right to vote (the voting right or, as formulated by lawyers, the active electoral right).

To start with, we would like to agree with such author as Tanasescu who considers that the universality of the right to elect should not be understood in an „absolutely clear, obvious sense that not all citizens participate in voting”. Therefore, it appears that „the ideal abstract universality of voting should be expressed through a highly inclusive attitude of the electorate ... the decision taken by the constituent power ... those of its members who suffer from psychic or moral incapacity are excluded from participation in taking the most important decisions concerning the exercise of state power” [26, p. 2-3]. In view of the same issue, the author excludes some citizens from the number of voters not under discretionary or discriminatory conditions, but given the „practical considerations pertaining to the voter's maturity in thinking, and any impairment in mental or moral state” [27, p. 70].

The universal essence of electoral law presupposes that citizens of the Republic of Moldova who have attained the age of 18 shall have the right to elect, to participate in election procedures in accordance with the current legislation, and to be elected in elective authorities at the age stipulated by the Electoral Code.

According to this principle, enjoying the electoral right does not depend on sex, race, ethnic origin, language of communication, social origin, position, occupation and wealth, place of residence, religion, political aspirations, membership in certain political parties, or other circumstances [28, p. 95-96].

At the same time, saying that elections have finally become universal does not mean that the entire population of the state enjoys the right to elect; nowadays, some social categories, for example, mentally alienated people and minor children, are still excluded from this right (without admitting that their parents may vote by proxy on their behalf, as it is practiced in civil law relations). It occurs after Lamartine, the famous French writer and politician, spoke for electoral participation for „all those who bear the quality of a citizen in their names” in 1848.

It should also be taken into account that some of the holders of voting rights exclude themselves from elections because they have neglected the procedure for registration in electoral lists (where registration in electoral lists is personal), or they have refrained from their civic

UNIVERSALITY OF THE VOTE – EXPRESSION OF POLITICAL DISCRETION IN THE EXERCISE OF SOVEREIGNTY

duty on the election day (due to lack of interest for political life in society or lack of confidence in its results).

The issue of electoral census that represents certain impediments established by the current legislation for enjoying electoral right actively and passively is of particular importance to ensuring universality of citizens' electoral rights.

History of constitutional law includes several types of electoral qualification: property qualification, gender qualification, race qualification, age qualification, residence qualification, and capacity qualification.

Property qualification. This qualification, which was most widespread electoral qualification since ancient times involves becoming a voter only for citizens who have a certain amount of wealth. It was widespread in the 18th and the 19th centuries in several European countries. It could be found in the French Constitution of 1791, disappeared in 1793, and renewed by the Constitution of 1795. After the Napoleonic era, it was stipulated by the Constitution of 1814, attenuated in 1830, and canceled again in 1848.

In England, until 1832, to be a voter, a citizen was supposed to own a certain kind of property. Since that year, a series of electoral reforms took place; the reform of 1867 stipulated that, in addition to property owners, the right to vote was granted to those who held any title, owned a house or a part of it which was a separate dwelling. Following the reforms of 1918 and 1928, property qualification was canceled [13, p. 38-39].

In Romania, qualification-based voting was applied in some forms, too. The Constitution of 1866 divided the electorate into 4 boards based on wealth owned. Each of these boards elected a number of deputies, the largest board was elected by Board I (consisting of voters holding the greatest wealth), while the least numerous one was elected by Board IV (the poorest ones). Following amendments to the Constitution in 1884, the number of the boards was reduced to 3.

Gender qualification. This qualification excluded women from taking part in elections for a long time.

The first country to grant women the right to vote was New Zealand in 1893, although some authors argue that women's right to vote was accepted in 1869 by the „pioneers of the American West (Wyoming)” [17, p. 17]. This example was followed by the Soviet Union in 1917, the USA in 1920, Britain in 1928, Romania in 1932, and Jordan in 1982 [14, p. 17]. The number of the states mentioned by Ch. Lasham is completed by other examples: Australia (1901), Norway, Denmark (1913), South Africa (1917) only for whites, Canada, Germany, Finland (1919), Austria, Latvia, Estonia (1920), Sweden, Czechoslovakia (1921), Hungary (1922), etc. Women in Spain waited right until 1931, French women and Italians until 1945, while those in Belgium until 1948. Switzerland even held a referendum (February 7, 1971) to grant women the right to vote at the federal

level, and another one (July 1 1984) for the elections in Liechtenstein [11, p. 40].

Age qualification. Most constitutions stipulate the age of at least 18 for granting exercisable voting rights. However, this is not a general rule and exceptions are known. For example, according to the Constitutions of Romania of 1923 and 1938, voting right was exercised since the age of 21. In Brazil, Cuba, Iran and, the Philippines, this right starts at the age of 16, in Guinea-Bissau, at of 15, and in Austria, at 19. At the same time, electoral legislation has different age requirements for active and passive electoral rights.

Residence qualification. It grants electoral rights only in case of uninterrupted residence in the same locality for a duration prescribed by the law (5 years in Norway and Iceland, 1 year in New Zealand, and 6 months in Australia).

Capacity qualification. In some constitutional systems, to enjoy voting rights, citizens are required to prove a certain level of training. For example, in Italy, until 1912, the illiterate, i.e. mostly the poor majority, were not admitted to elections. A similar practice existed in the United States until 1970, where voting rights were not granted to citizens who could not read, and in some cases could not comment on the Constitution [18, p. 20].

Ethnic and race qualification. Under this pretext, Jews were not admitted to elections in Nazi Germany, the non-white in the US until 1965, and in some states, it referred to naturalized foreigners. In Australia, only after 1949, in some states, indigenous people were allowed to vote in federal elections, and after 1962, this right was extended to the entire federation [19, p. 20].

Conceptually, universality of voting excludes foreigners from taking part in voting. Some states, however, make exceptions from this general rule.

Under certain conditions relating to the term of residence, this right is recognized in Ireland (1963), Sweden (1976), Denmark (1981), Norway (1982), and the Netherlands (1985) [20, p. 20].

Abstentionism. The behavior of voters during elections, especially at the stage of voting, is an act of choice between several political suggestions. Voters' activism is determined largely by the information of political offers that they hold. Three factors indicate the power of an attitude and its correlation with behavior:

- People tend to behave in the way that is consistent with attitudes when these attitudes are formed based on a large volume of information.

- Power of an attitude is determined not only by the amount of information about political suggestions but also of the way they are obtained. Attitudes are more stable and predictable for behavior when they are formed through direct personal experience than when they are based on indirect information.

- Attitudes are stronger when they are more accessible to consciousness and easier to remember. There-

Eugenia TOFAN

fore, an attitude based on detailed information obtained directly and easy to remember has a high probability to determine the appropriate behavior. From this perspective, voting behavior is maximization of utility associated with political suggestions. Each voter would like to maximize the difference between a political suggestion and his own political preference. The act of voting is based on the anticipation of a rewarding future. Electoral behavior studies using the parameter of rationality equate the rational voter and the voter for problems due to their ability to correctly perceive the essence of the problem / problems [1, p. 154].

Exercising the right to vote is an element of political behavior. This is a pro-social behavior influenced by a social actor's belonging to different groups, the membership which has an impact on his social behavior influenced by the cultural model. Political personality is always accompanied by political freedom, the freedom to be involved in voting or not involved in it.

Voting is no longer explained as a „mechanical effect of social position or political predispositions, but according to perceptions of the political and electoral situation”.

Following an analysis of the turnout of voters at the elections held in post-communist Romania, a „downward

curve” was revealed: more than 6/7 in 1990, 3/4 in 1992 and 1996, reaching 2/3 in 2000, and less than 60 % in 2004 parliamentary elections. During the last four presidential elections held in Romania, the second round of the procedure took place, each time involving a lower number of participants than the first round. The author of this analysis considers the situation in 2000 to be more surprising, when ignoring the call to participate launched before the second round, which was presented as a „decisive evidence” intended to save Romanian democracy, 1.5 million voters who had been present at the first round failed to take part in the second one [22, p. 27-28].

A study of the turnout at general elections in 2000 and 2004 in Romania [3] demonstrates that the turnout is higher for men aged less than 60, who had at least secondary (lyceum) education. The differences between rural and urban participation are most likely indirect result of discrepancies in the population structure of the two environments with different schooling and age. A lower voting attendance (in relation to their population structure) was found in women with low education (especially the older ones) and young men with low education.

Voters' participation rates in the elections held in the Republic of Moldova in 1994-2014 differ from one election to another.

Year	Type of Elections	Voters in Electoral Lists	Persons Taking Part in Voting	Participation Percentage
1994	Parliamentary	2 356 614	1 869 090	79,31
1995	Local	2 379 103	1 427 865	60,02
1996	Presidential elections, the 1 st round	2 399 156	1 634 661	68,13
1996	Presidential elections, the 2 nd round	2 441 074	1 748 139	71,61
1998	Parliamentary	2 431 218	1 680 470	69,12
1999	Local	2 265 852	1 324 469	58,45
2001	Parliamentary	2 379 491	1 606 703	67,52
2003	Locale	2 206 034	1 294 025	58,66
2005	Parliamentary	2 273 219	1 550 115	63,79
5 aprilie 2009	Parliamentary	2 586 309	1 537 087	57.55%
29 iulie 2009	Parliamentary (anticipated)	2 603 158	1 581 517	58.77%
28 noiembrie 2010	Parliamentary (anticipated)	2 662 052	818 476	63.37%
30 noiembrie 2014	Parliamentary	2 800 827	1 598 518	57.28%
2015	Local	622 992	290 053	47.54%

The above table demonstrates that the electoral participation rate of citizens of the Republic of Moldova is essentially reduced from one procedure to another.

Several opinions regarding the circumstances that contribute to electoral abstentionism exist. For example, Cristian Preda, examining this phenomenon, referred to it as „civic disengagement” and names two reasons causing it: apathy and author; the latter is mentioned because the regulations of the Romanian electoral system

„make no distinction between *white votes* (votes placed in the ballot box without the voter having to apply a stamp) and *canceled votes* (i.e. ballots where the stamp was applied incorrectly)” [23, p. 20]. From this perspective, a white vote is an expression of civic protest, while a canceled vote is an expression of having no intention to vote.

P. Lazarsfeld distinguishes between three basic justifications for a potential elector's nonvoting: a voter's

UNIVERSALITY OF THE VOTE – EXPRESSION OF POLITICAL DISCRETION IN THE EXERCISE OF SOVEREIGNTY

impression that his vote does not matter, it will produce no change referring to him, the absence of any pressure group or, on the contrary, the existence of contradictory pressures causing the voter to avoid voting for the fear of making an erroneous choice [15].

According to Professor I. Guceac, abstentionism is favored by the „voluntary nature of participation of citizens in elections – an evidence of a low level of political culture of certain social strata” and „poor organization and conduct of the electoral campaign”. In this author’s opinion, there are several types of abstentionism: *forced, minimized, demographic, and political* [12, p. 264-265].

To overcome electoral abstentionism, it is suggested to introduce compulsory voting (as a fundamental duty) [21].

As to us, we join those who consider this fundamental right as an action depending on civic consciousness and aspirations of the electorate. What must be done to increase the level of citizen participation in elections, primarily, is raising political culture and civic attitude among all citizens and increasing the level of responsibility of the candidates. It will ensure that citizens could participate in elections due to their convictions and not out of mere duty.

Bibliography:

1. Braud, P. Grădina deliciilor democrației. Pentru o lectură pdiho-afestivă a regimurilor pluraliste. – București: Editura Globus, 1992, p. 154.
2. Codul electoral. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1997, nr. 81, art. 667.
3. Comșa, M. Rată de răspuns, supra-raportare și predicții electorale. – Sociologie Românească, 2004, nr. 3; M. Comșa, T. Rotariu (coord.). Alegeri generale 2004. O perspectivă sociologică. – Eikon, Cluj-Napoca, 2005.
4. Constituția Republicii Moldova. – Chișinău: Cartier, 2015.
5. Declarația Universală a Drepturilor Omului. – <http://legislatie.resurse-pentru-democratie.org/legea/declaratia-universala-a-drepturilor-omului.php>
6. Declarația Principiilor de observare internațională a alegerilor din 27 octombrie 2005. – <https://www.ndi.org/files/DoP-MOL.pdf>
7. Guceac, I. Drept Electoral. – Chișinău: Tipografia Centrală, 2005, p. 20-21.
8. Ibidem, p. 19.
9. Ibidem, p. 25-27.
10. Ibidem, p. 29.
11. Ibidem, p. 40.
12. Ibidem, p. 264-265.
13. Ibidem, p. 38-39.
14. Lasham, Ch. Necesitatea alegerilor. Sunt ele libere și corecte, în Sistemul electoral roman. – București: Institutul Român pentru Drepturile Omului, 1992, p. 17.
15. Lazarsfeld, P.F., Berelson, B., Gaudet, H. The People’s Choice. How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign, 2nd edn. – New York and London: Columbia University Press, 1948.
16. Legea privind alegerea Președintelui României nr. 370 din 20 septembrie 2004. – Monitorul Oficial din 29 septembrie 2004.
17. Martin, P. Sistemele electorale și modurile de scrutin. – București: Monitorul Oficial, 1999, p. 17.
18. Martin, P., op.cit., p. 20.
19. Ibidem.
20. Ibidem.
21. Păiușescu, A. Absenteismul electoral – o realitate. Justificarea juridică pentru introducerea votului obligatoriu în statele lumii. – <http://cogito.ucdc.ro/vol3nr1martie2011/cogro/ABSENTEISMUL%20ELECTORAL%20Anca%20Paiusescu%20Cristina%20Athu.pdf>
22. Preda Cr. Partide și alegeri în România postcomunistă: 1989-2004. – București: Editura Nemira, 2005, p. 27-28.
23. Ibidem, p. 28; P. Martin, op.cit., p. 20.
24. Sartori, G. Teoria democrației reinterpretată. – Iași: Polirom, 1999.
25. Tănăsescu, E.S. Legile electorale: comentarii și explicații. – București: Editura ALL BACK, 2004, p. 2.
26. Ibidem, p. 2-3.
27. Ibidem, p. 70.
28. Яшин, А.А. Всеобщее избирательное право. Юридический справочно-информационный сборник. Календарь избирателя. – Москва, 1998, p. 95-96.

Резюме

В данной статье содержится ряд суждений относительно представительной демократии, выборов в качестве инструмента формирования представительных органов власти. Центральное место в исследовании отводится избирательным правам граждан и всеобщности избирательного права. Автор затрагивает вопросы осуществления этого принципа в процессе исторического развития. Не остается без внимания и проблема неучастия граждан в выборах, в том числе и условия, способствующие такому поведению.

Ключевые слова: суверенитет, выборы, избирательное право, принципы избирательного права, всеобщее избирательное право, избирательный ценз, абстенционизм.

Азиза АГАЕВА,
преподаватель Азербайджанского государственного
университета нефти и промышленности

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Путь, пройденный азербайджанской культурой в разные периоды истории, свидетельствует, что коренные изменения, произошедшие в политической жизни, вовлечение Азербайджана в мировую экономическую культурную систему не оторгли национальную культуру от ее многовековых традиций, но способствовали ее развитию в новых условиях. Эта культура была тесно связана с духовным миром других народов и сыграла неопределимую роль в их культурном развитии.

Сосуществование в Азербайджане различных конфессий и этнических сообществ в условиях мира и дружбы своими корнями уходит в древнейшие периоды нашей истории. Именно поэтому сформировалась и сохранилась на территории Азербайджана современная модель межэтнических и культурных отношений, приверженность и лояльность к многообразию. Мультикультуральный образ жизни был свойственен азербайджанскому обществу изначально и сохранялся в течение всей его истории, а мультикультуральные ценности во все времена имели естественный характер. Президент Азербайджана Ильхам Алиев указывал на то, что «традиции мультикультурализма в течение веков всегда существовали в Азербайджане, просто назывались они по-разному, но суть не менялась». Государство, не имеющее этнической и культурной однородности, для обеспечения своей стабильности не может нормально существовать и развиваться без толерантности. Поэтому государству необходимо обеспечивать свою мультикультуральную безопасность. Суть ее заключается в том, чтобы в той или иной стране охранялись и развивались культурные ценности всех народов, национальных меньшинств, независимо от их этнической, религиозной, расовой принадлежности.

Зачастую достижение самоопределения и государственного суверенитета сопровождается ущемлением прав и свобод не только отдельных граждан, но и национальных меньшинств. Иначе сложились обстоятельства в нашей стране. Восстановление го-

сударственной независимости Азербайджана создало предпосылки для интенсивного развития культуры, формирования национальной идеологии и расширения национальных связей. В новых исторических условиях лидер азербайджанской нации Гейдар Алиев, развивая традицию многокультурности в Азербайджане, превратил ее в государственную политику. Сегодня эту политику успешно продолжает Президент Азербайджана Ильхам Алиев.

Проводимая в Азербайджане мультикультуральная политика, в основе которой лежит уважительное, бережное отношение к этнокультурным ценностям, является результатом правильного регулирования многообразия. В эпоху глобализации, когда усиливаются этнические и религиозные конфликты и разрушаются границы между суверенными государствами, важно сохранять своеобразие культур и традиций, а также их оригинальность. В то же время полноценное развитие этносов невозможно в изоляции от других народов. Поэтому всегда существует стремление народов к общению и взаимопониманию. «Мультикультурализм – это государственная политика Азербайджана, это также и образ жизни», – отмечал Президент Ильхам Алиев на открытии Религиозно-культурного центра Азербайджанской и Бакинской епархии Русской православной церкви 15 ноября 2013 года [1].

В современном мире, в котором нет разумной альтернативы мирному сосуществованию, защита национальных, нравственных, религиозных ценностей стала одним из наиболее актуальных вопросов каждого народа. Не является исключением и Азербайджан, территория которого подверглась оккупации и который в труднейших условиях занят самоорганизацией, восстановлением всех сфер жизни. Но даже в таких условиях мультикультурализм в Азербайджане продолжает успешно действовать и укрепляться. Он является единственным вектром развития человечества в будущем. «Совершенно естественно, что любые попытки различных форм дискриминации со стороны официальных властей и титульного народа, игнори-

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

рование интересов, прав и свобод нетитульных народов, построение моноэтнического государства или установление там господства какого бы то ни было одного народа не могут не встретить негативную реакцию национальных меньшинств и диаспор, проживающих в соответствующих странах» [2].

Что произойдет с миром, если недооценивать значимость мультикультурализма и толерантности и что вообще можно предложить миру взамен? Президент Азербайджана Ильхам Алиев на IV Бакинском международном гуманитарном форуме отмечал: «В современном мире мультикультурализму нет альтернативы. Так как абсолютное большинство стран мира – это многонациональные страны. Если мультикультурализм потерпит крах, то тогда что может стать альтернативой ему? И это очень ясно. Это дискриминация, расизм, ксенофобия, исламофобия, антисемитизм» [3]. Несомненно, оборотной стороной мультикультурального диалога является тенденция усиления межнациональных и религиозных конфликтов. «В современном мире национализм в качестве государствообразующей идеи, в особенности в многонациональных странах, представляет тупиковый путь, чреватый многочисленными бедствиями».

В Азербайджане к каждому из этносов государство, при реализации собственной политики, подходит с пониманием их интересов, культуры, традиций. Поэтому смело можно заявить, что Азербайджан относится к числу либеральных мультикультуральных обществ. Глава нашего государства неоднократно подчеркивал, что история Азербайджана и его государственная политика позволяют объективно претендовать на международный статус страны межкультурного диалога. Вице-президент Болгарии Маргарита Попова считает, что Западу следует использовать опыт Азербайджана в построении мультикультурального общества. «Азербайджан уже давно показал всему миру пример создания межкультурального общества, и весь мир, особенно Европа, может воспользоваться его опытом... страна готова подарить миру свои знания, свое культурное наследие, желает ознакомить мир со своей культурой», – подчеркнула Маргарита Попова [4].

В развитие духовной и материальной культуры Азербайджана наряду с государственными структурами определенный вклад вносят и неправительственные организации. Очень большую и полезную работу в пропаганде азербайджанской культуры проводит Фонд Гейдара Алиева. Он осуществляет чрезвычайно значимые проекты, связанные с сохранением и пропагандой азербайджанских мультикультуральных традиций. В этом же направлении действует и созданный по Указу Президента Азербайджана 15 мая 2014 года Бакинский международный центр мультикультурализма. Он создан для исследования азербайджанского мультикультурального общества, а

также для пропаганды и популяризации за рубежом своеобразия культуры общения и взаимодействия наших народов, публикации образцов фольклора всех этносов, населяющих Азербайджан, а также для изучения мировых мультикультуральных достижений.

Азербайджан – многонациональная страна, и поэтому очень важно проводить гибкую, взвешенную национально-этническую политику для предупреждения различных конфликтных ситуаций. Представители разных народов живут в нашей стране в условиях мира, дружбы и взаимопонимания. Все они считают Азербайджан своей родиной. Это связано с тем, что политическое руководство страны, глава государства проводят одинаковую политику по отношению ко всем конфессиям и заботятся о сохранении в стране национального многообразия. Лидер Гейдар Алиев говорил: «Государство, чем больше народов оно объединяет, тем богаче, потому что каждый из них вносит свой вклад в общемировую культуру и цивилизацию».

Сегодня в строительстве независимого современного Азербайджана активно участвуют представители всех народов, проживающих в нашей стране. Они могут говорить, писать на своем родном языке и при этом чувствовать себя азербайджанцами. Анализируя сегодня ситуацию в сфере межнациональных отношений в Азербайджане, можно утверждать, что они основаны на принципах добрососедства, взаимного уважения, доверия и толерантности. В статье 44 Конституции Азербайджана «Право на национальную принадлежность» указывается, что «каждый обладает правом сохранять свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден изменить свою национальную принадлежность». Конституция Азербайджанской Республики (статья 25) гарантирует уважение к правам и свободам каждого, независимо от происхождения, расы, религии и языка [5]. В ряде других законов гарантирована культурная самобытность всех национальных меньшинств, проживающих на территории Азербайджана.

Многонациональность Азербайджана является его богатством, но в то же время делает его уязвимым для провокаций извне. Экспорт или поддержка сепаратистских идей и движений при определенных условиях имеют далеко идущие негативные последствия, поскольку они становятся источниками терроризма и гражданских войн. Осуществление принципов мультикультуральной безопасности необходимо в Азербайджане для предотвращения идеологических диверсий и провокаций против нашей страны. Радиализм и националистическая политика в сочетании с непрофессионализмом руководства страны могут также быть причинами гражданских войн. В этих условиях необходимо проведение тщательно продуманной национально-этнической политики. Таким образом, мы видим, что мультикультурализм является

Азиза АГАЕВА

ся одним из самых важных направлений современной государственной политики. С целью поддержки и стимулирования существующей мультикультуральной модели, по инициативе Президента Ильхама Алиева 28 февраля 2014 года была учреждена Служба государственного советника Азербайджанской Республики по межнациональным вопросам, вопросам мультикультурализма. Это еще один важный шаг на пути к совершенствованию мультикультуральных отношений в Азербайджане.

Достижения в области внутренней и внешней политики способствуют укреплению чувства национального достоинства азербайджанского народа, обеспечивают рост международного авторитета страны. Они являются свидетельством правильности политической стратегии азербайджанского государства, развития азербайджанской государственности [6].

На IV съезде Русской общины Азербайджана 14 ноября 2014 года депутат Милли Меджлиса Михаил Забелин заявил, что «мультикультуральное общество, межрелигиозный диалог, дружба и братство между народами делают Азербайджан еще сильнее». Он также подчеркнул, что современный Азербайджан демонстрирует всему миру модель религиозной толерантности и развития межнациональных отношений, и что русские, проживая в Азербайджане, не забывают ни свой русский язык, ни культуру, ни традиции. Председатель религиозной общины горских евреев Баку Милих Евдаев, выступая на Международном форуме по борьбе с антисемитизмом в Киеве, отметил: «... у нас в Азербайджане все народы живут в мире, благополучии и радости. Нет случая, чтобы в Азербайджане на межрелигиозной, межнациональной почве происходили какие-либо споры, распри, другие неприятные случаи. Этого нет. Почему? Потому что, как сказал великий лидер, толерантность – это результат высокой культуры. Испокон веков в Азербайджане это было, есть и будет».

Между тем некоторые зарубежные авторы несправедливо утверждают, что в Азербайджане существуют негативные этнические стереотипы. Такая оценка, возможно, дана под влиянием существующего территориального и этнополитического конфликта между Азербайджаном и Арменией. Но конкретные исследования в этой области свидетельствуют об отсутствии в нашей стране напряженных межэтнических отношений, неприязни к представителям других национальностей. Несмотря на этот конфликт, в Азербайджане проживают 30 000 армян, что является показателем толерантности азербайджанского народа.

«В Азербайджане никогда не было и нет каких-либо противостояний или недоразумений на религиозной, национальной почве. Независимо от общественно-политического строя, народы в Азербайджане всегда жили в условиях взаимного уважения и взаимопонимания», – отметила Мехрибан Алиева в своем выступлении на конференции в Париже в сентябре 2015 года [7].

Президент Азербайджана Ильхам Алиев 11 января 2016 г. подписал распоряжение об объявлении 2016 года «Годом мультикультурализма» в Азербайджане с целью сохранения, дальнейшего развития и широкой пропаганды традиций мультикультурализма. Это еще раз свидетельствует о том, что руководство нашей страны постоянно проявляет заботу и доброе отношение к традициям и культуре всех народов, проживающих на территории Азербайджана. «Мы счастливы, что в период независимости мы сохранили позитивные тенденции развития общества. То, что мы сегодня имеем в деле построения мультикультурального общества, – это целиком заслуга представителей всех религий и народов, которые живут в нашей стране», – сказал Ильхам Алиев на открытии Православного религиозно-культурного центра Бакинской и Азербайджанской епархии [1].

Литература:

1. Речь президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева на открытии в Баку Религиозно-культурного центра Азербайджанской и Бакинской епархии Русской Православной церкви. – <http://ru.president.az/articles/10086>.
2. Гаджиев, К.С. Геополитика Кавказа. – Москва: Международные отношения, 2003, с. 70.
3. Речь президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева на церемонии официального открытия IV Международного гуманитарного форума. – <http://ru.president.az/articles/13008>.
4. Западу нужно научиться у Азербайджана толе-

рантности - говорит вице-президент Болгарии Маргарита Попова. – <http://news.day.az/politics/701514.html>.

5. Конституция Азербайджанской Республики. – Баку: Ганун, 2011.

6. Мамедов Фуад, Культура спасет мир, если мир защитит культуру, январь 2008 года. – <http://culturalnet.ru/main/person/449>.

7. Речь Мехрибан Алиевой на конференции в Париже 8 сентября 2015 года, на тему «Религиозная толерантность: культура сосуществования в Азербайджане». – <http://www.trend.az/azerbaijan/society/2431359.html>.

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

Summary

There is hardly any country in the modern world that could be called ethnically homogeneous. The majority of states can be described as multinational. The same applies to Azerbaijan. It means that in this age of globalization true progress is impossible to achieve in isolation. In other words, multiculturalism offers the one and only path for development. Today, as we face raising international tensions and growing ever-growing number of conflicts, the state needs to guarantee multicultural security to its citizens. A well thought-out and flexible policy adopted by the leaders of Azerbaijan Republic helps to promote stability at the international arena. This politics serves to preserve traditional values represented by each nation, their ethnic and religious singularity as well as core moral principles of the society as a whole.

Keywords: multiculturalism, ethnicity, globalization, confession, mono-ethnic state, inter-ethnic relations, traditions, multicultural security, national minorities, tolerance, discrimination, racism, xenophobia, Islamophobia, anti-Semitism, intercultural dialogue, cultural heritage, cultural identity, race, ethnic stereotype.

Гариб АСКЕРОВ,
диссертант кафедры истории Академии
государственного управления при Президенте
Азербайджанской Республики

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Понятие «глобализация» – этот термин впервые употребил американский социолог Р.Робертсон – в качестве важного социального процесса стало усиленно применяться с начала XXI века. Процесс глобализации, создающий и значительно усиливающий взаимную зависимость между государствами, ещё более актуализирует проблему обеспечения национальной безопасности [1, с. 253].

В настоящее время одной из главных целей каждого государства является обеспечение национальной безопасности страны и безопасности граждан, сохранение их языка, религии, культуры, традиций. В обеспечении национальной безопасности стратегическое значение имеет надёжная охрана государственных границ. М.К. Ататюрк отмечал: «Рубеж (граница) – это место, откуда видны честь и достоинство одной нации. Охранять честь и достоинство – основная задача государства» [2, с. 459]. В этом отношении особое значение Азербайджанская Республика придаёт политике претворения в жизнь национальной безопасности.

Азербайджанская Республика по суше и воде граничит с 7-ю странами: Грузией, Российской Федерацией, Арменией, Турцией, Иранской Исламской Республикой, Туркменистаном и Казахстаном. Общая протяжённость границ составляет 3471 км, из них 825 км – это водная граница. По Каспийскому морю водная граница с Ираном, Туркменистаном, Казахстаном и Россией составляет 713 км. 32 административных района Азербайджана находятся непосредственно на границе с соседними государствами.

В настоящее время проводится ряд важных мероприятий, обеспечивающих надёжную защиту государственных границ Азербайджанской Республики, современные угрозы пограничной безопасности которой можно сгруппировать в нижеследующем порядке.

1. Агрессия и агрессивный сепаратизм. 20% территории Азербайджана оккупированы вооружёнными силами Армении. Созданные там не-

легальные системы управления и ведущиеся безрезультативные переговоры по поводу устранения этой проблемы оказывают серьёзное влияние на пограничную безопасность Азербайджана. В результате армяно–азербайджанского конфликта были захвачены международные границы протяжённостью 132 км между Азербайджаном и Иранской Исламской Республикой и 773 км между Азербайджаном и Арменией. Эти бесконтрольные границы создают условия для преступных деяний, представляя непосредственную угрозу национальной безопасности Азербайджана.

2. Широкое распространение международной организованной преступности. Географическое положение Азербайджанской Республики создаёт условия для транзита через его границы международных террористических организаций и даже компонентов оружия массового поражения. С другой стороны, в ряде регионов мира стремящиеся реализовать свои подлые идеи вооружённые сепаратисты, международные террористические и экстремистские организации пользуются «услугами» международных преступных группировок, «специализирующихся» в области незаконной продажи оружия, или сами занимаются этим. В результате современное оружие и технологии, необходимые отдельным государствам для самообороны, попадают в руки крайне опасных элементов, отчего страдают тысячи мирных невинных жителей. Можно представить себе, какие ужасы могут произойти в результате использования террористами и экстремистскими преступными группировками оружия массового поражения. Несомненно, незаконная продажа оружия направлена не только против национальной безопасности отдельных стран, но и международной безопасности.

Члены международных криминальных структур, ссылаясь на права человека и его свободы, в особенности пользуясь прозрачностью границ, занимаются контрабандой, незаконной перевозкой наркотиков, оружия, нелегальной миграцией. Сегодня необходимо бороться с таким опасным явлением междуна-

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

родной организованной преступности, как незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Другой вид международной преступности, создающий реальную угрозу, связан с торговлей людьми. Под видом усыновления, удочерения, создания семьи, трудоустройства, граждан страны добровольно, а порой принудительно или обманным путём завлекают с целью их продажи. Транснациональные организованные преступные группировки заставляют своих жертв заниматься нелегальной деятельностью: проституцией, незаконной продажей наркотических средств и психотропных веществ, нищенством.

3. Возрастание случаев нелегальной миграции. Часто наблюдаемая в настоящее время нелегальная миграция является источником самой большой угрозы национальной безопасности, идущей из-за границы. Переход в современном мире международных отношений между государствами в качественно новую плоскость, интернационализация социально-культурной жизни, а также национальные, расовые, региональные конфликты и естественные катастрофы сопровождаются массовой миграцией населения.

Нелегальные мигранты попадают зачастую под влияние отдельных террористических групп. Случается, что их используют для торговли людьми, оружием и в наркобизнесе. Следует принимать во внимание и тот факт, что переселение армян незаконным путём на оккупированную Арменией территорию Азербайджана также увеличивает опасность на этих бесконтрольных участках.

Наблюдаемые в последнее время в Азербайджане ускоренное социально-экономическое развитие и расширение международной коммуникации в сфере энергетики и транспорта привели одновременно к интенсивным процессам геополитической миграции. Это, в свою очередь, требует претворения в жизнь миграционной политики соответственно национальным интересам и усовершенствования деятельности на таможенных участках.

Пересечение иностранцами, стремящимися эмигрировать нелегальным путём и по подложным документам, границ приводит к необходимости защитить эти границы. Беженцы в основном из Китая, Афганистана, Пакистана, Ирака, Ирана, Бангладеш и Шри-Ланки с целью миграции на Запад, перейдя через ряд соседних стран, прибывают в Азербайджан, что создаёт угрозу национальной безопасности и требует усиления определенной деятельности в этом направлении.

4. Определение правового статуса Каспийского моря. С целью определения правового статуса Каспийского моря в последние годы ведутся переговоры между главами государств и министрами иностранных дел прибрежных стран Каспийского моря.

Регулируемый длительное время двусторонними контрактами, заключёнными между СССР и Ираном, вопрос о статусе Каспийского моря вновь актуализировался после распада СССР и создания таких самостоятельных государств, как Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Согласно международным стандартам, Азербайджан – сторонник разделения Каспийского моря по средней линии на секторы и создания внутреннего национального сектора на расстоянии в 25 морских миль от берега. Несмотря на подписание 24 мая 2003 года между Азербайджаном, Казахстаном и Россией договора по определению национального сектора Каспийского моря, проблема, связанная с Туркменистаном и Ираном до сих пор остаётся открытой. По этой причине статус Каспийского моря до сих пор не определён.

Расположенный на восточном берегу Каспийского моря Туркменистан предлагает разделить Каспийское море по принципу средней линии и не принимать во внимание Абшеронский полуостров и остров Чилов. Туркменская сторона старается представить спорным не только залежи «Кяпаз», но также «Азери» и «Чыраг».

Из Прикаспийских стран самое радикальное предложение исходит от Ирана. Он предлагает определить границы Каспийского моря в равной мере на основе соглашения всех сторон. Но если принимать во внимание, что к Ирану примыкает только 900 км береговой линии, тогда ясно, что такое решение вопроса неприемлемо. Иран предлагает отложить в сторону договоры, заключённые между Советским Союзом и Ираном. Однако между Прикаспийскими странами в настоящее время нет конкретного соглашения, связанного с определением правового статуса Каспийского моря, поэтому правовая сила подписанных в 1921 и 1940 годах контрактов сохраняется.

5. Увеличение военного потенциала в Каспийском море. Увеличение военного потенциала Прикаспийских стран приводит к необходимости надёжной защиты их морских границ, в том числе и Азербайджанской Республики. До сих пор среди нерешённых прибрежными странами спорных проблем остаются вопросы, связанные с залежами карбогидрогена.

В 1992 году состоялся раздел Каспийской флотилии СССР. В отношении 75-25% корабли были поделены между Россией и Азербайджаном. Распад СССР предоставил дополнительный стимул Ирану, не имеющему никаких прав держать в Каспийском море военный флот. С конца 90-х годов прошлого века Иран приступил к созданию военного флота в Каспийском море. Нахождение в руках России «входной двери» закрытого бассейна вынудило прибрежные страны создать свой национальный флот. [AZERİ DEFENCE 2013, с. 34, 47].

Гариб АСКЕРОВ

Нарушение режима морских границ Азербайджанской Республики, одностороннее нарушение международных контрактов и соглашений по незаконному распространению соседними странами оружия, незаконное распространение террористическими группировками ядерного и другого оружия массового уничтожения, современных военных технологий, незаконная транспортировка морским путём, незаконное рыболовство, использование ресурсов, а также экологические факторы на Каспийском море приводят к необходимости обезопасить границы Азербайджана на Каспийском море.

6. Азербайджан и сопредельные страны, имеющие региональный статус. Кроме перечисленных выше угроз, сегодня большое значение имеет вопрос, касающийся национального и социального состава населения, проживающего в приграничных странах, его отношения к азербайджанскому народу и государственности. Сопредельность Азербайджана с Российской Федерацией, Турцией, Иранской Исламской Республикой ещё более усиливает политическое, религиозное влияние этих стран на живущее в приграничных зонах население. В настоящее время, чтобы оказать влияние на какое-либо государство, агрессорами широко используется новый более сложный метод – девальвация религиозно-нравственных ценностей, вовлечение части общества в религиозный экстремизм, что также создаёт серьёзную угрозу национальной безопасности. К сожалению, сегодня и Азербайджан находится под прицелом экстремистов: в частности – это привлечение и гибель азербайджанской молодёжи в боевых действиях, происходящих в разных странах.

В последнее время большое значение придаётся обеспечению безопасности залежей нефти и газа, транспортного коридора. Увеличение искусственных преград со стороны некоторых соседних государств при использовании ресурсов нефти и газа в азербайджанском секторе Каспийского моря, случаи браконьерства и контрабанды доказывают необходимость и важность защиты государственных границ в экономическом плане.

В настоящее время существует вероятность вторжения на территорию Азербайджанской Респуб-

лики различных групп войск и вооружённых отрядов. Чтобы вовремя пресечь такие случаи, требуется боевая готовность пограничных войск, и в этом важное стратегическое значение имеет защита государственных границ. Для предотвращения подобных угроз самый оптимальный вариант – это создание сильного государства, сильной армии, сильной экономики. Претворение в жизнь в 2006 – 2010 годах Государственной программы по техническому обеспечению оборонительной системы государственных границ усилило деятельность Государственной пограничной службы.

Несмотря на предпринимаемые меры, происходящие в мире процессы – глобализация, широкая экономическая интеграция, изменение маршрутов миграции – требуют создания новых моделей пограничного управления. Одной из таких моделей является интеграционное управление границей.

Проводимые мероприятия наряду с усовершенствованием работы пограничной службы укрепляют систему государственной безопасности. Сегодня с гордостью можно сказать, что азербайджанские пограничные войска успешно выполняют поставленные задачи и сумеют отразить угрозы, которые могут быть направлены против безопасности государственных границ республики.

Проблемы обеспечения пограничной безопасности и одновременно эффективного регулирования все более интенсивных трансграничных потоков стоят перед многими государствами. Неудивительно, что в последние десятилетия отмечается высокий интерес политиков и экспертов к различным аспектам пограничной безопасности. Однако такой интерес пока слабо подкреплён теоретическими изысканиями: количество подобных трудов относительно невелико и они, как правило, охватывают лишь частные проблемы. Ещё меньше внимания специалисты по изучению границ уделяют сравнительному анализу политики обеспечения пограничной безопасности различных государств. Появлению таких работ препятствует труднодоступность информации об очень важном опыте в этом вопросе ряда стран, а также языковой барьер и другие факторы.

Литература:

1. Azeri defence. – Военно-технологический журнал, 2013, с. 47.
2. Гасанов, А. Политика национального развития и безопасности Азербайджанской Республики. – Баку: Дом печати, 2011, с. 423.
3. Гасымов, Дж., Багиров, Хагани. Краткая история органов безопасности Азербайджана. – Баку: МНБ. Дом полиграфической печати, 2008. – 459 с.

4. Мехтиев, Р. Требования периода глобализации в Азербайджане: уроки прошлого, реалии и перспективы. – Баку, 2005, с. 464.
5. Снеговая, О.А. Глобализация как социокультурный процесс: Дисс... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 148 с.

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Summary

Problems of border security and, at the same time, the effective management of increasingly intense cross-border flows facing many countries. Not surprisingly, in recent decades, there is a high interest of politicians and experts in the various aspects of border security. However, such an interest is not well supported by theoretical studies: the number of such works is relatively small, and they usually cover only a private problem. Even less attention experts on border comparative study of the pay policy analysis of border security of the various states. The appearance of such activities interfere with the inaccessibility of information on a very important experience in a number of countries the language barrier and other factors.

Keywords: border service, policy, international standard; reforms, development,

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц (14 шрифт, 1,5 интервала) и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии;
- электронный адрес и телефон автора (соавторов).

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 p.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.
7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения). Израиль ведет кибервойну против Ирана? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной публикации. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 33

Подписанно в печать: 10.03.2016

Формат 60×84 1/8

Объем 8,5 п. л.

Заказ № 122

Тираж 500

„Print-Caro” SRL, 2016
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653